

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Санкт-Петербургский научный центр

ТРУДЫ
ОБЪЕДИНЕННОГО НАУЧНОГО СОВЕТА
ПО ГУМАНИТАРНЫМ ПРОБЛЕМАМ
И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМУ
НАСЛЕДИЮ
2007

Санкт-Петербург
«НАУКА»
2008

УДК 001
ББК 72г(2)
Т78

Труды Объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. 2007 / Санкт-Петербургский научный центр РАН. — СПб.: Наука, 2008. — 147 с. — ISBN 978-5-02-025611-8.

Состав Совета:

проф., д. и. н. *Ю. А. ПЕТРОСЯН* (*председатель Совета*);
к. и. н. *Е. А. ИВАНОВА* (*ученый секретарь Совета*); акад. *Б. В. АНАНЬИЧ*;
д. ф. н. *Т. В. АРТЕМЬЕВА*; акад. *М. Н. БОГОЛЮБОВ*; *С. В. ВАЛЬЧУК*;
проф., д. фил. н. *Н. Б. ВАХТИН*; акад. РАО, проф., д. фил. н. *Л. А. ВЕРБИЦКАЯ*;
д. ф. н. *С. И. ГОЛОД*; действ. чл. Академии художеств *В. А. ГУСЕВ*;
чл.-кор. РАН *И. И. ЕЛИСЕЕВА*; д. ф. н. *Ю. И. ЕФИМОВ*; акад. *Н. Н. КАЗАНСКИЙ*;
к. т. н. *Э. П. КАРПЕЕВ*; проф., д. и. н. *А. Н. КИРПИЧНИКОВ*;
проф., д. ф. н. *Э. И. КОЛЧИНСКИЙ*; д. фил. н. *В. А. КОТЕЛЬНИКОВ*;
проф., д. ф. н. *С. А. КУГЕЛЬ*; проф., д. и. н. *Е. И. КЫЧАНОВ*;
проф., д. п. н. *В. П. ЛЕОНОВ*; чл.-кор. РАН *Е. Н. НОСОВ*;
чл.-кор. РАН *М. Б. ПИОТРОВСКИЙ*; д. и. н. *В. Н. ПЛЕШКОВ*;
проф., д. ф.-м. н. *Л. А. РУХОВЕЦ*; чл.-кор. РАН *Н. Н. СКАТОВ*;
д. и. н. *В. С. СОБОЛЕВ*; акад. *И. М. СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ*;
к. фил. н. *Ю. П. ТРЕТЬЯКОВ*; д. и. н. *И. В. ТУНКИНА*;
проф., д. ф. н. *Б. М. ФИРСОВ*; д. и. н. *Ю. К. ЧИСТОВ*

Редакторы-составители:

Ю. А. ПЕТРОСЯН, Э. А. ТРОПП, Е. А. ИВАНОВА

*Настоящее издание выполнено при финансовой поддержке
Научной программы СПбНЦ РАН 2007 года*

ISBN 978-5-02-025611-8

© Санкт-Петербургский научный центр РАН,
2008
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство «Наука», 2008

I. АКАДЕМИЧЕСКИЕ НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Л. Г. ГЕРЦЕНБЕРГ, Н. Н. КАЗАНСКИЙ

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ШКОЛА СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Развитие индоевропейского сравнительного языкознания началось после того, как У. Джоунз (1746—1794) сопоставил древнеиндийские данные с данными классических языков — латинского и древнегреческого. Дальнейшие сопоставления с материалами в первую очередь германских языков определили в трудах Фр. Шлегеля (1772—1829), Р. К. Раска (1787—1832) и Фр. Боппа (1791—1867) индоевропейскую грамматику как особое направление исследования. Благодаря трудам Я. Гримма (1785—1863) была сформулирована идея о «звуковом законе», давшем твердую основу для сопоставления языковых форм в разных традициях.¹ Дальнейшее развитие индоевропеистики показало необходимость включения в состав индоевропейской языковой семьи славянских, балтийских, кельтских, иранских языков, а также албанского. Целое поколение преимущественно немецких исследователей увлеченно работало над проблемами сравнительной грамматики на протяжении XIX в.: Авг. Шлейхер (1821—1868), Йог. Шмидт (1843—1901), А. Лескин (1840—1916), Б. Дельбрюк (1842—1922), Авг. Фик (1833—1916), А. Бетценбергер (1851—1922), Г. Остгофф (1847—1909), Г. Пауль (1846—1921). Это направление, основанное на жестком применении звуковых законов, получило название «школы младограмматиков», итоги трудам которой подвел компендий, изданный К. Бругманом (1849—1919).² В России в XIX в. проблемами индоевропейского языкознания занимались многие исследователи, но наибольшую известность приобрели Ф. Ф. Фортунатов (1848—1914), С. К. Булич (1859—1921), Н. В. Крушевский (1851—1887) и И. А. Бодуэн де Куртенэ (1845—1929).

¹ Ср. сборник: Понимание историзма и развития в языкознании первой половины XIX в. / Отв. ред. А. В. Десницкая. Л., 1984.

² *Brugmann K., Delbrück B.* Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Kurzgefasste Darstellung der Geschichte des Altindischen, Altiranischen, Altarmenischen, Altgriechischen, Lateinischen, Umbrisch-Samnitischen, Altirischen, Gotischen, Althochdeutschen, Litauischen und Altkirchenslavischen. Bd. I—V. Strassburg, 1893—1900; *Brugmann K.* Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. Auf Grund des fünfbändigen Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen von K. Brugmann und B. Delbrück. Bd. 1—3. Strassburg, 1902—1904.

На протяжении XX в. были найдены новые языки и целые группы языков, относящиеся к индоевропейской семье: анатолийские языки (в настоящее время насчитывающие хеттский, лувийский клинописный, лувийский иероглифический и палайский, а также несколько языков, засвидетельствованных уже алфавитными текстами I тыс. до н. э.), тохарские языки А и В, в текстах, обнаруженных в Китайском Туркестане, и др. Кроме того, новые живые индоевропейские языки особенно расширили иранский материал; в 1952 г. было расшифровано линейное письмо В, скрывавшее греческие тексты II тыс. до н. э. Находки новых языков позволили верифицировать предложенные прежде реконструкции праязыка, в значительной мере подтвердив результаты, достигнутые к концу XIX в.

Начиная с 30-х гг. XX в. в России индоевропеистика оказалась невостребованной из-за так называемого «Нового учения о языке» акад. Н. Я. Марра.³ Только в начале 50-х гг. возобновляется подготовка научных кадров в области сравнительного изучения языков. В Москве появлению нового поколения хорошо подготовленных индоевропеистов содействовал проф. М. Н. Петерсон (1885—1962). Из его семинара вышли такие замечательные ученые, как Вяч. Вс. Иванов, Т. В. Гамкрелидзе, В. Н. Топоров, Т. Я. Елизаренкова, В. П. Мажюлис. В нашем городе после публикации статьи Сталина и закрытия Института с последующим переводом его в Москву было организовано ЛО Института языкознания, где В. М. Жирмунский, И. М. Тронский, А. В. Десницкая, И. И. Толстой и С. Д. Кацнельсон активно разрабатывали проблемы индоевропейского сравнительно-исторического языкознания.⁴ Благодаря их деятельности началась активная подготовка учеников, среди которых перечислим Б. Б. Ходорковскую (Миттельман), Н. С. Гринбаума, Ю. В. Откупщикова, И. А. Перельмутера, А. В. Грошеву, Л. Г. Герценберга,⁵ А. С. Либермана, А. В. Жугру, Е. Р. Крючкову, Н. Н. Казанского, А. Ю. Русакова и др.

В настоящее время в Институте лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург)⁶ существует признанная во всем мире школа сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков.⁷ Последние десять лет

---

³ Подробнее см.: *Аллатов В. М.* История лингвистических учений. Учебное пособие. М., 1998; *Робинсон М. А.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917—начало 1930-х годов). М., 2004; *Сумерки лингвистики. Из истории отечественного языкознания. Антология / Под ред. В. П. Нерознака.* М., 2001.

⁴ Материалы по научной деятельности В. М. Жирмунского см. в кн.: Академик В. М. Жирмунский. Биобиблиографический очерк. СПб., 2001; Из исследований по индоевропеистике, опубликованных в 50-х гг., см.: *Десницкая А. В.* Вопросы изучения родства индоевропейских языков М.; Л., 1955; *Тронский И. М.* Очерки из истории латинского языка. М.; Л., 1953; *Тронский И. М.* Историческая грамматика латинского языка. М., 1960.

⁵ Полная библиография Л. Г. Герценберга опубликована в: Сборник статей к 70-летию со дня рождения профессора Леонарда Георгиевича Герценберга / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб., 2005.

⁶ Значительная часть материалов представлена на сайте <http://iling.spb.ru>

⁷ Из рецензий на последние по времени издания коллектива школы отметим: *Vine B.* Recent Work from St. Petersburg // *UCLA Indo-European Studies*, 2001. Т. I. 311—320. Работы также обсуждаются в обзоре О. Семереньи (Recent Development in Indo-European Linguistics. Transactions of the Philological Society, 1985. P. 1—71) и используются в последнем издании его монографии (*Szemerényi O.* Introduction to Indo-European linguistics. Oxford; N. Y., 1996); работы А. В. Десницкой, А. В. Жугры,

данная школа получила поддержку Президента Российской Федерации.⁸ Отличительными чертами научного подхода является филологическая акрибия, предполагающая обязательное обращение к широкому кругу текстов, а также неременная проверка сравниваемых материалов в рамках установленных фонетических закономерностей, тщательного морфологического анализа и установленных изосемантических рядов, что в свою очередь позволяет реконструировать не отдельные праиндоевропейские формы, а фрагменты праиндоевропейского текста.

Не чужды школе и попытки использовать данные языковой типологии, что с разным успехом применялось в мировой лингвистике XX в. (О. Есперсен, Ф. де Соссюр, Э. Бенвенист). Актуальность исследования в области сопоставления индоевропейских языков определяется возможностью на основании лингвистических данных до определенной степени реконструировать дописьменный период языковой традиции, восстанавливая отдельные исторические и культурные данные, относящиеся к IV—III тыс. до н. э. Следует отметить, что общая типология диахронических языковых процессов, а также исследование механизмов языкового изменения в первую очередь основываются на изучении истории и предистории⁹ отдельных индоевропейских языков.

Наиболее значительных результатов данная школа достигла в разработке трех направлений: исследования по сравнительно-историческому языкознанию, исторические грамматики индоевропейских языков, описание новых языков.

Исследования в области индоевропеистики, проведенные учеными школы, известны и введены в оборот мировой науки, а открытые А. Л. Грюнбергом новые языки иранской группы стимулировали пересмотр классификации индоиранских языков.¹⁰ Представлены также направления, связанные с изучением классических,¹¹ иранских,¹² кельтских (И. В. Крюкова,¹³ А. И. Фалилеев) и балтийских (Ю. А. Лаучюте, Л. Г. Герценберг) языков.

Еще в 30-е годы зародилось особое направление, связанное с изучением языка фольклора и истории фольклорной традиции (В. М. Жирмунский, И. И. Толстой, А. В. Десницкая, И. М. Тронский). В настоящее время оно про-

---

А. Ю. Русакова широко цитируются в современных обобщающих работах по албанистике (ср.: *Orel V. Albanian Etymological Dictionary*. Leiden; Boston; Köln, 1998; *Demirai B. Albanische Etymologien* (Untersuchungen zum albanischen Erbwortschatz (LSIE 7). Amsterdam; Atlanta, 1997).

⁸ Грантовская поддержка отдельных проектов оказалась дополненной в эти годы поддержкой Санкт-Петербургской научной школы: 00-15-98858; НШ-697. 2003. 6; НШ-4517. 2006. 6; НШ-1319. 2008. 6.

⁹ См., например: *Топоров В. Н.* Предыстория литературы у славян. М., 1998.

¹⁰ См., например, обсуждение проблемы в обобщающем описании: *Schmitt R.* (Hrsg.). *Compendium Linguarum Iranicarum*. Wiesbaden, 1989.

¹¹ *Тронский И. М.* Историческая грамматика латинского языка. Общеиндоевропейское языковое состояние (вопросы реконструкции). 2-е доп. изд. Подготовили А. В. Грошева, М. Л. Кисилиер, Е. Р. Крючкова, Н. Н. Надель. Послесловие Н. Н. Казанского и А. И. Солопова / Отв. ред. Н. Н. Казанский. М., 2001; *Казанскене В. П., Казанский Н. Н.* Предметно-понятийный словарь греческого языка (крито-микенский период). Л., 1986.

¹² *Герценберг Л. Г.* Хотаносакский язык. М., 1965.

¹³ *Крюкова И. В.* Глагольное словоизменение в ирландском языке. Л., 1987.

должается в основном как изучение формульных сочетаний (Л. Г. Герценберг,¹⁴ Н. Н. Казанский¹⁵).

Индоевропейская реконструкция охватывает все уровни как отдельных языков, так и целых языковых семей,¹⁶ включая фонологию, грамматику, семантику, синтаксис. Фонология представлена исследованиями М. И. Стеблин-Каменского,¹⁷ А. С. Либермана,¹⁸ Ю. К. Кузьменко «Фонологическая эволюция германских языков» (1991); просодика и акцентология — книгой С. Д. Кацнельсона¹⁹ и коллективной монографией, посвященной акцентологической реконструкции, а также исследованием Л. Г. Герценберга.²⁰

В области грамматической реконструкции лучше исследована морфология, которой посвящена монография Л. Г. Герценберга, коллективная монография под ред. А. В. Десницкой,²¹ исследования И. А. Перельмутера по морфологии древнегреческого и индоевропейского глагола,²² И. В. Крюковой по ирландскому глаголу, А. В. Шацкова²³ по хеттским словообразовательным моделям, П. А. Кочарова по древнеармянскому глаголу. Ведутся также работы по реконструкции падежной флексии, включая вопрос о числе падежей (Н. Н. Казанский), и — по реконструкции акцентных парадигм (Л. Г. Герценберг, Н. Н. Казанский, А. С. Николаев).²⁴

¹⁴ *Herzenberg L. Zur Rekonstruktion indogermanischer Formeln // Antiquitates indogermanicae, 1974. S. 93—99; Герценберг Л. Г. Морфологическая структура слова в древних индоиранских языках. Л., 1972.*

¹⁵ К этимологии теонима Гера // Палеобалканистика и античность. М., 1989. С. 54—58; Мифологический эпос микенского времени // Балканские чтения I. Симпозиум по структуре текста. М., 1990. С. 27—30; Греческое *ῥῥῖφος* «игра в слова» в поэзии и в жизни // ΜΝΗΜΗΣ ΧΑΡΙΝ. К 100-летию А. И. Доватура. СПб., 1997; Язык диктует // Мат-лы XXVI Межвуз. конф. преподавателей и аспирантов СПбГУ 11—14 марта 1997 г. Вып. 3; Греческая словесность II тыс. до н. э. // Балканские чтения 4. Греция Древняя, Средняя, Новая. Мат-лы симпозиума. М., 1997; Диахрония эпической формулы // Сб. ст. к 70-летию акад. В. Н. Топорова. М., 1998; *Les noms mycéniens dans les textes hittites // Emerita. 1997. T. 65, 2. P. 189—193; Principles of the Reconstruction of a Fragmentary Text (New Stesichorean Papyri). Saint Petersburg, 1997; Falilejev, Kazansky. PIE *med- in Personal Names // Indogermanische Forschungen 1997. Bd. 102, 108—111.*

¹⁶ Актуальные вопросы сравнительного языкознания / Отв. ред. А. В. Десницкая. Л., 1989; *Сухачёв Н. Л. Перспектива истории в индоевропеистике. СПб., 1994.*

¹⁷ *Стеблин-Каменский М. И. Очерки по диахронической фонологии скандинавских языков. Л., 1966.*

¹⁸ *Либерман А. С. Исландская просодика. К фонологической характеристике современного исландского языка и его истории. Л., 1971.*

¹⁹ *Кацнельсон С. Д. Сравнительная акцентология германских языков. М.; Л., 1966; Исследования в области сравнительной акцентологии индоевропейских языков / Под ред. С. Д. Кацнельсона. Л., 1979.*

²⁰ *Герценберг Л. Г. Вопросы реконструкции индоевропейской просодики. Л., 1981.*

²¹ Актуальные вопросы сравнительного языкознания. Л., 1989.

²² *Перельмутер И. А. 1) Залог древнегреческого глагола: теория, генезис, история. СПб., 1995; 2) Общеиндоевропейский и греческий глагол. Л., 1977; Шубик С. А. Категория залога и поле залоговости в немецком языке. Л., 1989; Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков / Отв. ред. С. А. Шубик. Л., 1975.*

²³ *Шацков А. В. Хеттские инфиксальные глаголы. СПб., 2007.*

²⁴ *Герценберг Л. Г., Казанский Н. Н. Праязыковая реконструкция: общие проблемы // Вестник РАН. 2005. Т. 75. № 12. С. 1—13; Казанский Н. Н. К реконструкции категории падежа в праиндоевропейском // Актуальные вопросы сравнительного языкозна-*

Лексика в историческом освещении представлена изучением лексических систем иранских (А. Л. Грюнберг, Л. Г. Герценберг²⁵), латинского (Грошева А. В.²⁶), балканских (М. В. Домосилецкая, А. В. Жугра²⁷), балтийских и славянских (Ю. А. Лаучюте²⁸), кельтских (А. И. Фалилеев²⁹) и других индоевропейских языков.³⁰

Ученые, входящие в школу сравнительно-исторического индоевропейского языкознания, регулярно приглашаются на крупные международные конференции, а также для чтения лекций и докладов в западных университетах. Так, в Калифорнийском университете, на конференции «Annual Indo-European UCLA» с докладами выступали Н. Н. Казанский и А. С. Николаев;³¹ Л. Г. Герценберг прочел курс лекций в Уппсальском университете по авестийскому языку; А. И. Фалилеев прочел курс лекций по валлийскому языку в Венском университете. Л. Г. Герценберг прочел доклад на заседании «Société de linguistique de Paris», а Н. Н. Казанский — на микенологическом конгрессе в Остине (Техас) и в Риме.³²

ния. Л., 1988. С. 115—130; Николаев А. С. 1) Индоевропейские акцентно-аблаутные парадигмы и их отражение в древнегреческом языке. АКД. СПб., 2006; 2) Индоевропейское обозначение года и проблема locativus sg. в акростатическом склонении // Индоевропейское языкознание и классическая филология VII. СПб., 2003. С. 167—179.

²⁵ Герценберг Л. Г. Перс. دَبَّة [dabba] // Acta linguistica Petropolitana. Тр. Ин-та лингвистических исследований РАН. СПб., 2003. Т. 1. Ч. 1. С. 65—72.

²⁶ Грошева А. В. Латинская земледельческая лексика на индоевропейском фоне. СПб., 2009.

²⁷ Домосилецкая М. В. Народные названия внутренних болезней мелкого рогатого скота в балканских языках и диалектах // Acta linguistica Petropolitana. Тр. Ин-та лингвистических исследований РАН. СПб., 2003. Т. 1. С. 87—92; Жугра А. В., Каминская Л. Н. К вопросу о месте турцизмов в албанском языке // В поисках «ориентального» на Балканах, «Балканские чтения-7». М., 2003; Жугра А. В., Каминская Л. Н. Этнолингвистические заметки I («рождение» и «смерть» как «приход» и «уход» в народной традиции албанцев) // Там же. С. 405—414.

²⁸ Лаучюте Ю. А. Словарь балтизмов в славянских языках. Л., 1982.

²⁹ Falileev A. Etymological Glossary of Old Welsh. Tübingen, 2000; Фалилеев А. И. Древневаллийский язык. СПб., 2002; Falileev A. Celtic Dacia. Personal names, place-names and ethnic names of Celtic origin in Dacia and Scythia Minor. Aberystwyth: CMCS 2007.

³⁰ См., например: Казанский Н. Н., Кузьменко Ю. К. К этимологии ст.-слав. КЪНИГЫ // Acta linguistica Petropolitana. Тр. Ин-та лингвистических исследований РАН. СПб., 2003. Т. 1; Nikolaev A. S. Aind. ábda- und Zubehör // Acta linguistica Petropolitana. Тр. Ин-та лингвистических исследований РАН. СПб., 2003. Т. 1. С. 103—117; Nikolaev A. S. Rund um att. γράϝς, hom. γρηϝς: zur Deutung einiger altgriechischer Personennamen // Colloquia Classica et Indogermanica-III. СПб., 2002. С. 179—198; Николаев А. С. К действию закона Рикса в древнегреческом языке // Hrdá manasa: Сб. статей к 70-летию со дня рождения профессора Л. Г. Герценберга. СПб., 2005. С. 38—72.

³¹ См.: Kazansky N. N. Indo-European Onomastics as an Historical Source // Journal of Indo-European Studies. 1995. Vol. 23, 1—2. P. 157—177; Nikolaev A. S. Proto-Indo-European Ergativity and the Genitive in *-osyo // Proceedings of XI UCLA Indo-European Conference. IIES Monograph Series 35 / K. Jones-Bley, M. Huld and A. Della Volpe (eds). Institute for the Study of Man. Washington, D. C., 2000. P. 293—311; см. также хронику: XIX Ежегодная индоевропейская конференция в Лос-Анджелесе // Вопросы языкознания. С. 155—157.

³² Greek Poetry in the Mycenaean Time // Atti del XII Colloquio Internazionale di Miceneologia. Pisa; Roma, 2008. Vol. I. P. 407—429 (= Pasiphae. Rivista di filologia e antichità Egee. Vol. 1, 2008).

За этимологический словарь валлийского языка А. И. Фалилеев получил золотую медаль РАН за 2000 г. (среди молодых ученых); в 2003 г. золотую студенческую медаль РАН за исследования по индоевропеистике получил А. С. Николаев, а Н. А. Бондарко — премию им. Леонарда Эйлера СПбНЦ РАН и правительства Санкт-Петербурга среди молодых исследователей в области гуманитарных наук; за книгу «Из истории первых итальянских грамматик: Неизданные заметки современника на полях трактата Пьетро Бембо „Беседы о народном языке“ (1525, кн. III)» (Наука, 2005) Л. Г. Степанова получила сразу три премии — от правительства Итальянской Республики, а также итальянскую международную премию Эннио Флайано по итальянистике и российскую международную премию им. Ефима Эткинда «За лучшую книгу российского исследователя о западной культуре и литературе»; в 2008 г. А. С. Николаеву была присуждена премия им. Е. Р. Дашковой СПбНЦ РАН и правительства Санкт-Петербурга среди молодых исследователей в области гуманитарных наук.

В течение целого ряда лет в Петербурге в рамках школы по индоевропеистике проводились конференции, посвященные кельтологии «Язык и культура кельтов».³³ Эти встречи проходили раз в два года и вызвали немалый интерес западных коллег. Так, на заседаниях делали доклады К. Х. Шмидт, Х. Тристрам, П. Схрайвер и многие другие. Благодаря этим встречам в настоящее время исследования памятников древних кельтских языков продолжают активно развиваться в трудах А. И. Фалилеева и С. В. Иванова. На протяжении последних лет достаточно регулярно проходят заседания семинара «Индоевропейское сравнительно-историческое языкознание» (рук. Н. Н. Казанский, А. Ю. Русаков).

В настоящее время в ИЛИ РАН проходят ежегодные чтения по проблемам индоевропеистики памяти профессора И. М. Тронского.³⁴ Поддерживаются широкие связи с основными западными центрами по индоевропеистике (например, в 2000 г. прошло совместное заседание отечественных и французских индоевропеистов с участием Ш. де Ламбертери, Ж. Лалло, Б. Коломба; в 2003 г. с докладом выступал американский профессор Крэйг Мельчерт;³⁵ в последующие годы доклады прочли австрийский академик Айхнер, итальянские профессора С. Люраги и Деттори.³⁶ В 2005 г. прошла конференция «Античная грамматическая традиция в веках».³⁷ Были организованы конференции, посвященные памяти тех, кто стоял у истоков создания школы: акад. В. М. Жирмун-

---

³³ Язык и культура кельтов. Мат-лы IX коллоквиума / Отв. ред. А. И. Фалилеев. СПб., 2003.

³⁴ В настоящее время вышло семь выпусков материалов конференций. Некоторые из представленных на конференции докладов в переработанной форме вошли в тома *Colloquia Classica et Indogermanica II* / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб., 2001 и *Colloquia Classica et Indogermanica III* / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб., 2003.

³⁵ Автор монументальной исторической фонетики (*Melchert C. Historical Anatolian Phonology*. Amsterdam; Atlanta, 1994).

³⁶ Петербургское лингвистическое общество. Вторые научные чтения. Тез. докл. СПб., 2000.

³⁷ Античная грамматическая традиция в веках. *Ancient Grammar and its Posterior Tradition*. Мат-лы междунар. конф. / Отв. ред. Л. Г. Степанова, В. И. Мажуга. СПб., 2005. На 2009 г. объявлена публикация тома в качестве 36-го приложения к журналу *Orbis*, где будут опубликованы полные тексты докладов.

ского,³⁸ чл.-кор. РАН А. В. Десницкой,³⁹ профессора М. И. Стеблин-Каменского.⁴⁰ К юбилею профессора В. М. Павлова был издан сборник статей и полная библиография юбиляра.⁴¹

В рамках деятельности школы осуществляется работа по подготовке к печати трудов ученых, связанных со сравнительно-историческим языкознанием. Был издан важный справочник А. В. Жугры по истории албанистики в России «Албания в русской науке и культуре».⁴² При активном участии коллектива школы были опубликованы труды Н. С. Гринбаума по микенологии и древнегреческой диалектологии.⁴³

Особенно масштабны эти труды в области германистики. Силами участников школы (Н. А. Бондарко, П. А. Кочаров и др.) подготовлен к печати вышедший в 2006 г. однотомник работ чл.-кор. РАН А. И. Домашнева «Труды по германскому языкознанию и социолингвистике» (1113 с.), итоговый сборник работ проф. С. В. Смирницкой «Труды по германистике и истории языкознания», продолжается подготовка нового издания перевода на немецкий язык монументального исследования акад. В. М. Жирмунского «Немецкая диалектология» (рук. проекта Л. Э. Найдич).

Изучение истории германских языков при этом продолжается на новом и вполне современном уровне. Например, Н. А. Бондарко проводил исследования, посвященные процессам формирования средне- и ранненововерхненемецкого литературного языка на материале богословских трактатов и проповедей XIII—XV вв., происходящих из швабско-алеманнского, баварско-австрийского, а также восточно- и рейнско-франкского языковых ареалов. Были выявлены и описаны релевантные модели языкового варьирования в рамках стереотипных лексико-грамматических структур.⁴⁴ Важно отметить, что семантико-син-

³⁸ Материалы конференции, посвященной 110-летию со дня рождения академика В. М. Жирмунского. СПб., 2001; Академик Виктор Максимович Жирмунский. Библиографический очерк. Изд. 3-е, испр. и дополн. СПб., 2001.

³⁹ Материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН А. В. Десницкой. СПб., 2002; Агния Васильевна Десницкая. Библиографический очерк / Сост. библиографии и вступ. ст. А. В. Жугры. Описание архивных материалов А. Н. Анфертьева, И. А. Магин. СПб., 2002.

⁴⁰ Материалы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Михаила Ивановича Стеблин-Каменского СПб., 2003.

⁴¹ Владимир Михайлович Павлов. Библиографический очерк / Вступ. ст. В. П. Беркова, сост. Н. Л. Сухачёв, отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб., 2005. Общее и германское языкознание: К пятидесятилетию научной деятельности профессора Владимира Михайловича Павлова / Отв. ред. Н. Л. Сухачёв. СПб., 2007 (Acta linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН. Т. 3. Ч. 1).

⁴² Жугра А. В. Албания в русской науке и культуре. Справочно-библиографическое издание / Отв. ред. А. П. Сытов. СПб., 2007.

⁴³ Гринбаум Н. С. 1) Микенологические этюды. СПб., 2001; 2) Пиндар: проблема языка. СПб., 2007. С. 7—11.

⁴⁴ Из основных публикаций отметим лишь некоторые: Bondarko N. 1) *Sant Bernhard spricht*. О стилистической адаптации латинских источников в средневерхненемецкой традиции // Acta linguistica Petropolitana. Тр. Ин-та лингвистических исследований РАН. СПб., 2006. Вып. 2. С. 197—228; 2) Die Predigten Bertholds von Regensburg in einer wiederaufgefundenen Handschrift der Wissenschaftlichen Bibliothek der Moskauer Staatlichen Lomonossow-Universität // Deutschsprachige Literatur des Mittelalters im östlichen Europa. Forschungsstand und Forschungsperspektiven / Hg. von Ralf G. Päsler und Dietrich Schmidtke. Heidelberg, 2006. S. 519—561; 3) Der geistliche Orden als Bewahrer funktional determinierter sprachlicher Stereotype. Zur sprachlichen Gestaltung von Zeit und Ewigkeit in

таксический анализ текстов осуществлялся на основе не только критических изданий, но и всех доступных рукописей (учтены около 200 рукописей).

Исследования рукописных вариантов для средневековых рукописей представляют собой проблему, решение которой требует совмещения методов палеографии, лингвистики и хорошего знания культурной ситуации в рассматриваемом регионе. Одно из ранних средневековых произведений — «Путешествие Эгерии по святым местам» — ставит перед исследователем многочисленные проблемы, которые в серии статей, представляющих собой развернутый филологический и лингвистический комментарий к тексту, успешно разрешает А. Б. Черняк.⁴⁵

Изучение германских языков, с точки зрения эволюции фонологических систем, а также возможные контакты между скандинавскими и саамскими языками нашли отражение в многочисленных публикациях Ю. К. Кузьменко.⁴⁶

der oberdeutschen franziskanischen Unterweisung des 13. und 14. Jahrhunderts // Historische Soziolinguistik des Deutschen VIII. Hg. von Gisela Brandt und Rainer Hünecke (Stuttgarter Arbeiten zur Germanistik Nr. 439). Stuttgart, 2007. S. 61—76; 4) Die sprachlichen Erscheinungsformen der deontischen Modalität in der *Epistola ad fratres de Monte Dei* Wilhelms von Saint-Thierry und in deren mittelhochdeutscher Übertragung // Probleme der historischen deutschen Syntax unter besonderer Berücksichtigung ihrer Textsortengebundenheit. Akten zum Internationalen Kongress an der Freien Universität Berlin. 29. 06—03. 07. 2005 / Hg. von Franz Simmler und Claudia Wich-Reif. Berlin, 2007. S. 151—195; Бондарко Н. А. 1) Давид Аугсбургский как мастер традиционной словесности // Символ. № 51 (2007). С. 331—356; 2) Проповеди Бертольда Регенбургского в «Гальберштадтских фрагментах» из рукописного собрания Научной библиотеки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова // Немецкие средневековые рукописи и старопечатные фрагменты «Коллекции документов Густава Шмидта» из собрания Научной библиотеки Московского университета. Каталог. Материалы и исследования / Сост. Е. Р. Сквайрс, Н. А. Ганина. М., 2008. С. 200—242; 3) *Quaeris quid agas, in quo te occupas?* Модальность долженствования в «Послании к братии Мон-Дьё» Гильома из Сен-Тьерри (латинская и средневрхненемецкая редакции) // Индоевропейское языкознание и классическая филология-ХII. Мат-лы чтений, посвященных памяти проф. И. М. Тронского. 23—25 июня 2008 / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб., 2008. С. 34—48; 4) Языковые стереотипы в композиционной структуре древнейших немецких монастырских уставов францисканского ордена (на материале документов монастыря св. Марии Штерн в Аугсбурге) // Русская германистика. Ежегодник Российского союза германистов. М., 2008. Т. IV. С. 255—263.

⁴⁵ Черняк А. Б. 1) «Путешествие Эгерии к святым местам»: несколько слов о рукописи // Индоевропейское языкознание и классическая филология-Х (чтения памяти И. М. Тронского). СПб., 2006. С. 241—243; 2) «Путешествие Эгерии к святым местам»-2: К какому языковому варианту принадлежит «Путешествие»? // Индоевропейское языкознание и классическая филология-ХI. СПб., 2007. С. 326—329; 3) Языковая ситуация в древнем Риме (по поводу диссертации Р. Мюллера (*Müller R. Sprachbewußtsein und Sprachvariation im lateinischen Schrifttum der Antike. München, 2001; Zetemata 111*)) // ВДИ 2007/1. С. 259—262; 4) «Путешествие Эгерии к святым местам»-3: Несколько слов о жанре текста // *Acta linguistica Petropolitana*. Тр. Ин-та лингвистических исследований. Т. III, ч. 1. Общее и германское языкознание. К 50-летию научной деятельности проф. В. М. Павлова. СПб., 2007. С. 315—329; 5) «Путешествие Эгерии к святым местам»: Несколько слов о жанре памятника, а также текст и комментарий к главам I—III // *Acta linguistica Petropolitana*. Тр. Ин-та лингвистических исследований. СПб., 2008. Т. IV, ч. 1. С. 341—365.

⁴⁶ Кузьменко Ю. К. 1) Фонологическая эволюция германских языков. Л., 1991; 2) Некоторые синтактико-стилистические особенности периода в древнеисландской прозе // Очерки по историческому синтаксису германских языков. Л., 1991. С. 140—151; 3) Формирование основных особенностей скандинавских языков // Мат-лы конф.,

Изучение взаимодействия разных традиций нашло отражение в серии публикаций, посвященных проблеме культурных и языковых контактов, происходивших начиная с IV в. до н. э. между греческими эллинистическими государствами и носителями индийских языков.⁴⁷ Данные контакты, как известно,

посвященной 90-летию со дня рождения А. В. Десницкой. СПб., 2002. С. 67—78; 4) О появлении суффиксированного отрицания в древних скандинавских языках // *Philologica Scandinavica*. Сб. статей к 100-летию со дня рождения М. И. Стеблин-Каменского / Ред. Б. С. Жаров. СПб., 2003. С. 98—117; 5) Борьярмолет. Саамо-шведский пиджин начала XVIII века // 16-я конференция по изучению Скандинавских стран и Финляндии. Мат-лы конф. Москва; Архангельск, 2008. Ч. 2. С. 136—138; Кузьменко Ю. К., *Добровольский И. Г., Дубов И. В.* Граффити на восточных монетах. Древняя Русь и сопредельные страны. Л., 1991; *Kusmenko Ju.* 1) Der samische Einfluss auf die skandinavischen Sprachen. Ein Beitrag zur skandinavischen Sprachgeschichte. Berlin, 2008; 2) Einige Bemerkungen zu den altisländischen grammatischen Abhandlungen // *Skandinavistik* Jg. 23/2. Kiel, 1993. S. 85—95; 3) *Dialektologi och språkhistoria* // *Svensk språkhistoria* / Ред. Jurij Kusmenko, Sven Lange. Berlin, 1996. S. 91—98; 4) Zur Interpretation der Runeninschrift auf dem Anhänger von Alt-Ladoga // *Germanic Studies in Honor of Anatoly Liberman* / Red. K. G. Goblirsch et al. Odense, 1997 (NOWELE v. 31/32). S. 181—201; 5) Weitere Bemerkungen zu den altisländischen grammatischen Abhandlungen // *Skandinavistik*. Jg. 27, H. 2/1997. S. 114—124; 6) Skizze einer Geschichte der Sprachkultur in Island // *Sprachkultur und Sprachgeschichte*. Herausbildung und Förderung von Sprachbewusstsein und wissenschaftlicher Sprachpflege in Europa / Hrsg. Von Jürgen Scharnhorst. Frankfurt am Main, 1999. S. 47—64; 7) Utvecklingen av det semantiska genusystemmet i de västjyska dialekterna I // *Nordiska språk — synkront och diakront* (utg. Ju. Kusmenko, S. Lange). Berlin, 1999. S. 104—113; 8) Utvecklingen av suffigerad negation i urnordiskan // *Strövtåg i nordisk språkvetenskap* (utg. av J. Kusmenko och Sven Lange). Berlin, 2002. S. 102—120; 9) Die Ursachen der Suffigierung des bestimmten Artikels in den skandinavischen Sprachen // *Язык и речевая деятельность*. Т. 4, № 1. 2001. С. 184—206; 10) Die Quellen der Artikelsuffigierung in den Balkansprachen // *Актуальные вопросы балканского языкознания* / Ред. А. Н. Соболев, А. Ю. Пусаков. СПб., 2003. С. 133—157; 11) Skandinavisch-samischer Sprachkontakt. Gegenseitiger Einfluss // *The Sami and the Scandinavians. Aspects of 2000 years of contact* / Hg. J. Kusmenko. Berlin, 2004. S. 215—235; 12) Saami influence on the development of morphological innovations in Common Scandinavian // *Finno-Ugric people in the Nordic Countries. Roots V: The roots of people and Languages of Northern Eurasia* / Ed. Birger Winsa. Hedenäset, 2005. S. 11—31; 13) Typology of the contact on the Balkans and in Scandinavia — the case of the suffixed definite article // *Studies in Eurolinguistics*. Vol. 2. Integration of European Language Research / Ed. P. Sture Ureland. Berlin, 2005. S. 89—112; 14) Samische Interferenzmerkmale in den skandinavischen Sprachen // *Studies in Eurolinguistics*. Vol. 5 / Edited by P. Sture Ureland. *Language Contact and Minority Languages on the Littorals of Europe*. Sture Ureland, Anthonz Lodge and Stefan Pugh (eds). Berlin, 2007. S. 303—328.

⁴⁷ *Казанский Н. Н., Крючкова Е. Р.* 1) Среднеиндийская калька древнегреческого термина? (др.-греч. *ὑραμματαδιδασκαλος* — пали *lekhācharya*-) // *Colloquia Classica et Indogermanica-III*. СПб., 2002. С. 407—418; 2) Древнегреческо-древнеиндийский билгвизм // *Scripta Gregoriana*: Сб. статей в честь 70-летия академика Г. М. Бонгард-Левина / Отв. ред. акад. С. Л. Тихвинский. М., 2003. С. 214—231; 3) Переводя буддийские тексты на эллинистическое койне (заметки на полях греческого перевода эдиктов Ашоки) // *Труды Объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию*. 2004. СПб., 2005. С. 79—87; 4) Лексические свидетельства греко-индийских контактов // *Индоиранское языкознание и типология языковых ситуаций*. Сб. статей к 75-летию профессора Александра Леоновича Грюнберга (1930—1995) / Отв. ред. М. Н. Боголюбов. СПб., 2006. С. 339—349; 5) Греческая ученость в индийском преломлении // *Восток и Запад в балканской картине мира. Памяти Владимира Николаевича Топорова*. М., 2007. С. 159—169; 6) Среднеиндийский композит в древнегреческом переводе: к семантике *широкой образованности и многого знания* // *Общее и германское языкознание: К 50-летию научной деятельности профессора*

привели к созданию греко-индийских государств, для жителей которых есть основание предполагать определенную степень билингвизма.

Научная школа активно участвует в программах фундаментальных исследований президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии»⁴⁸ и «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям», которые подразумевают совместные исследования специалистов по сравнительно-историческому языкознанию и археологов, историков Древнего мира, специалистов по материальной культуре. В этой же сфере происходит международное сотрудничество с университетом Бирмингема (Англия) по выработке моделей освоения Европы в древности (рук. П. М. Долуханов).

Об авторитете лидеров школы в мире говорит тот факт, что для сборника в честь профессора Л. Г. Герценберга поступило более 20 статей от ведущих индоевропейцев мира. Если бы для гуманитарных наук существовали индексы цитируемости, они были бы достаточно высоки. Отсылки на членов коллектива можно обнаружить во всех специальных энциклопедиях.⁴⁹

Научная школа сравнительно-исторического индоевропейского языкознания традиционно объединяет академическую и вузовскую науку.⁵⁰ Среди участников коллектива значительный процент составляют студенты, которые под руководством сотрудников ИЛИ РАН участвуют в осуществлении целого ряда конкретных проектов.

Ежегодно один из томов серийного периодического издания «*Acta linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН*» посвящен проблемам индоевропейистики (вышли 4 тома по три части в каждом).

Подводя итоги, можно заметить, что школа сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков развивается достаточно успешно и, безусловно, входит в список ведущих научных центров мира. При этом следует иметь в виду, что первые позиции в списке прочно занимают Лос-Анджелес, Лейден, Париж, Инсбрук и Вена. Дальнейшее развитие школы неизбежно на-

---

В. М. Павлова / Отв. ред. Н. Л. Сухачёв (=Acta Linguistica Petropolitana. Тр. Ин-та лингвистических исследований / Отв. ред. Н. Н. Казанский. Т. III, ч. 1). СПб., 2007. С. 118—126; 7) Translating Buddhist Text into Hellenistic Koine (Marginal Notes to the Greek Translation of Ashoka's Edicts) // *Manuscripta Orientalia*. Vol. 12. N 3. September 2006. P. 15—21.

⁴⁸ См. двухтомник: Этнокультурное взаимодействие в Евразии / Отв. ред. А. П. Деревянко, В. И. Молодин, В. А. Тишков. М., 2006. Кн. 2. С. 7—15.

⁴⁹ Есть они и в недавней *Encyclopedia of Indo-European Culture* (London; Chicago, 1997), составленной Д. Адамсом и Дж. Мэллори, и в монументальном труде, написанном Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Ивановым «Индоевропейский язык и индоевропейцы: реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры». Тбилиси, 1984 (английский дополненный перевод: Th. Gamkrelidze, Vyacheslav Ivanov. *Indo-European and the Indo-Europeans. A Reconstruction and Historical Analysis of a Proto-Language and a Proto-Culture*. Berlin; New York, 1995. (=Trends in linguistics: studies and monographs 80)).

⁵⁰ В связи с этим участниками школы регулярно ведется работа по созданию учебников. Помимо уже упомянутого краткого введения в индоевропейистику Л. Г. Герценберга и подготовленного сборника программ (Учебные программы по дополнительной специализации «Сравнительно-историческое индоевропейское языкознание» / Сост. Л. Г. Герценберг, Н. Н. Казанский) назовем учебник бенгальского языка Е. Р. Крючкова, Е. К. Бросалина, А. Л. Сладкова «Бенгальский язык. Начальный курс. Часть I—II». Учебное пособие / Отв. ред. д-р Пуроби Рой. СПб., 2006.

талкивается на две проблемы, имеющие более широкое значение для развития науки в России. Первое из них связано с неадекватностью международного обмена. О более прочном месте школы в мировой науке можно будет говорить, когда на стажировку в Санкт-Петербург начнут приезжать молодые исследователи из других мировых центров. Последнее требует специальных программ, направленных на приобретение талантов из других стран. Очевидно, что если такие программы и будут разработаны, то сначала они будут реализовываться в области ядерной физики, а до филологии очередь дойдет не скоро. Вторая проблема связана с переходом системы образования на новый стандарт, включающий в себя бакалавриат и магистратуру. Из всего, что было сказано, очевидно, что пополнение школы возможно лишь за счет людей, получивших правильное филологическое образование. Между тем сейчас целый ряд важнейших теоретических предметов отнесен в магистратуру, после которой требуется еще как минимум два года для освоения иных языковых традиций, без которых сопоставление невозможно как таковое. Открытые в настоящее время в МГУ и СПбГУ магистратуры по индоевропеистике почти не имеют желающих занять одно из предложенных мест. Таким образом, наряду с проблемой библиотечного комплектования проблема подготовки квалифицированных кадров оказывается одной из наиболее острых. Следует также иметь в виду, что в дореволюционной России подготовка в области компаративистики осуществлялась не в двух университетах, а намного шире. Предполагать, что в ближайшие годы удастся восстановить индоевропейскую компаративистику даже в таких традиционных центрах, как Казань, было бы излишне оптимистичным. Одна надежда на то, что в моду войдет профессионализм в узкой конкретной области. Тогда и такая увлекательная область, как компаративистика, не будет испытывать затруднений при наборе кадров.

II. ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ ГУМАНИТАРИЕВ

Б. М. ФИРСОВ

ПУТИ РАЗВИТИЯ И ПОДДЕРЖКИ ВЫСШИХ ФОРМ ОБРАЗОВАНИЯ В XXI ВЕКЕ

В составе многочисленной группы единомышленников-энтузиастов я имел честь заниматься созданием Европейского университета в Санкт-Петербурге и быть 6 лет ректором этого негосударственного образовательного учреждения дополнительного профессионального образования в области социально-экономических и гуманитарных наук. Сложение этих усилий с поддержкой Администрации и Законодательного собрания Санкт-Петербурга и многолетней помощью универсального назначения со стороны спонсоров, прежде всего фонда Форда, фонда К. и Дж. Д. Макартуров, программы поддержки высшего образования HESP (фонд Сороса) привели к нетривиальному результату — появлению современного учебно-исследовательского комплекса (в другом, более понятном, выражении — аспирантского колледжа), способного готовить научные и преподавательские кадры высшей квалификации на уровне современных требований. С позиций этого результата я хотел бы поставить несколько вопросов перед уважаемой аудиторией.

Основная гипотеза

Я отношусь к числу тех людей, которые считают, что образование в области социальных и гуманитарных наук не поспевает за социальными изменениями страны и мира. Со ссылкой на российские дебаты в конце минувшего века предложу диагноз: современное образование предельно рационализировано, вербализировано, его гуманитарная (мировоззренческая) база является ограниченной. Это приводит к распространению в обществе профессионально компетентного, но бездуховного индивида.

В то же время переход от техногенной к антропогенной цивилизации и растущая разнородность общества вызывают к жизни непривычно новый набор человеческих качеств. Требуются люди, во-первых, гибкие, умеющие работать более чем в одной профессиональной позиции, в том числе принимать на себя роль руководителя, способные быстро приспосабливаться к любым изменениям; во-вторых, пытливые, стремящиеся анализировать и оказывать влия-

ние на ситуацию, включая экстремальную; в-третьих, обладающие опытом в нескольких областях жизнедеятельности, свободные от стереотипов какой-то одной специальности, способные к генерации идей и перемещению этих идей из одной области в другую. Ясно, что нынешнее высшее образование не соответствует этим целям. Оно дает знания, но не развивает человека. Правда, иные мои российские коллеги не видят в образовании изъянов, за исключением режима денежного голодания. Относительное спокойствие наблюдается и «наверху». В то же время общество все больше осознает дефицит общей культуры, способной соединить в себе назревшие споры и размышления переживаемого нами времени, и потому оно нуждается в новом типе университетского знания.

Проблема первая: образование не учитывает императивы развития мира и страны

Ситуацию, в которой мир оказался в начале XXI в., во многом определяют два фактора: **ориентация на будущее** и **неопределенность**. Верные старым добродетельным традициям XIX в., мы, как правило, говорим о будущем или только о будущем, не обращая внимания на то, что в процесс планетарного развития все более вмешивается фактор неопределенности. Под неопределенностью я понимаю не столько нестабильность постсоветского жизненного пространства, сколько принципиальную непредсказуемость ключевых параметров социогенной среды во всем мире. По образному выражению российского профессора А. Толстых, для нынешней ситуации более всего подходит выражение «очень быстрое движение в очень мутной воде».

В этой связи полезно выделить в образовании три измерения.

Первое измерение исходит из презумпции стабильности мирового порядка в эпоху перехода к антропогенной цивилизации и гетерогенному обществу. Говоря иначе, в том обетованном мире, к которому устремилась Россия как часть новой Европы, открытость настоящему и ориентированность на будущее, творчество, индивидуальность, предприимчивость будут базовыми свойствами людей.

Второе измерение — построено на постоянном учете фактора неопределенности. Здесь я вынужден вернуться к трагическим событиям 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне, 23—25 октября 2002 г. в Москве, 1 сентября 2004 г. в Беслане, в июле 2005 г. в Лондоне, к массовым бунтам во Франции осенью того же года. Говоря о них, некоторые соотечественники доказывают, что с терроризмом может справиться тоталитарный режим. Факт этот парадоксальный, но я намеренно откажусь от обсуждения причин относительно высокой стабильности тоталитарного государства, роли репрессивных структур, всеобщей бдительности населения, основанной на массовых доносах. Главным для меня является другой тезис. Форматы образования не принимали и не принимают в расчет того, что объект наших неустанных забот homo sapiens обречен на длительное сосуществование и выживание в сообществе с homo terroristikus. «Самое страшное — в Чечне действительно выросло целое поколение, ненавидящее нас. С восьми лет мальчики у них могут стрелять», — еще совсем недавно, 1 ноября 2002 г., писала газета «Известия». Поскольку насилие все еще неистребимо, постольку и террор оказывается если не вечным, то во всяком случае претендующим на долгожительство. Антитеза ему — гармония,

учет чужих интересов, недопущение экстремизма, толерантность. Говорю об этом с болью потому, что православно-мусульманская конструкция нашей страны, хотя и уберегла ее от судьбы главного объекта атаки, не отменила опасности национального размежевания и крайностей национализма.

Нынешнее общество нуждается в людях, способных профессионально работать в условиях социальной нестабильности, неопределенности и беспорядка. И потому требуются в невиданных ранее количествах примирители и посредники, а не только спецназ и ОМОН. Умение действовать между конфликтующими сторонами должно становиться базовой характеристикой человека XXI в. Без этого современное общество окажется нежизнеспособным.

Третья составляющая — уроки экономической и политической свободы. Наблюдаемое повсеместно сочувствие идеалам этих представлений не адекватно их сознательному освоению и усвоению. Именно здесь лежат причины мировоззренческой дисгармонии политического и экономического начал.

Расщепление монолита образовательной модели на три части в нынешних социальных условиях кажется мне неизбежным. Это полностью совпадает с неопровергнутым постулатом Ю. Лотмана о современном социально-гуманитарном (в равной мере — социально-экономическом) знании: «Только позади все закономерено, впереди все остается непредсказуемым».

Проблема вторая: профессиональное или академическое?

Заметный рыбок ЕУСПб в сторону мировых стандартов последиplomного социально-экономического и гуманитарного образования не дает права считать, что совершен переворот в этой области. По-прежнему в обучении преобладают специальные дисциплины. Подъемная сила этих дисциплин представляется недостаточной для того, чтобы существенно влиять на социально-экономические и социально-политические преобразования России. И потому их следует дополнить комплексом дисциплин, развивающих аналитические, логические, мыслительные и эстетические способности слушателей. Предлагаю ответ на вопрос о том, чему и как надо учить, попытаюсь стимулировать воображение апелляцией к опыту прошлого.

Античный куррикулум состоял из тривиума (грамматика, риторика, логика) и квадрума (арифметика, геометрия, астрономия и музыка). Этот куррикулум был генетическим кодом, основой наследственной информации для зарождения университетов. Призову в союзники Конфуция, сказавшего 2500 лет тому назад: «Изучать что-либо и не задумываться над выученным — абсолютно бесполезно. Задумываться над чем-либо, не изучив предварительно предмет раздумий опасно». Стимулирование органической потребности и привитие умения задумываться вновь по примеру наших далеких предшественников становится целью послевузовского образования. Достичь ее значило бы, во-первых, усилить саморефлексию российского общества; во-вторых, помочь его избавлению от роковой опасности невнятных ответов на синхронные исторические вызовы.

Университетская идея всегда опиралась на двуединство критического синтеза знаний (*развитие наук*) и решения более частных задач обучения широким и узким специальностям (*подготовка полезных работников*). Внутренняя структура этого двуединства постоянно испытывала определенное насилие

со стороны государства. В итоге к концу XX в. прагматизм социума пустил корни в университетской среде. Одновременно произошла девальвация самоценности познания для образования человека. Как правильно заметил Ю. Афанасьев, ректор Российского государственного гуманитарного университета, человек-практик, созидатель, добротный профессионал, потеснил человека разумного, понимающего. Разница этих понятий и по сей день в полной мере не принимается во внимание. Настойчивое стремление к профессионализму и опора на предметное знание вовсе не тождественны мучительному поиску смысла во всем сущем. В этом различие формул профессионального и академического образования.

Профессиональное образование, каким бы хорошим оно ни было, отличается тем, что больше обучает человека, чем развивает его. Приведу один исторический пример, который обозначит искомый водораздел. При реформировании гимназии в конце 20-х гг. XIX в. возник спор о том, какие языки надлежит изучать российской молодежи — французский или латинский с греческим. Николай I написал свое мнение: «Я считаю, что греческий язык есть роскошь, тогда как французский — род необходимости». Сторонники древних языков оправдывали свою позицию тем, что знание французского языка развивает самонадеянность, тогда как изучение греческого и латинского языков «приводит к скромности и сознанию своего неведения».

Проблема третья: плен государственной опеки

Здесь полезно вспомнить, что университеты во многих случаях (например, университеты Болоньи, ряда немецких городов) появились задолго до создания национальных государств. Их питательной средой, если можно так выразиться, была космополитическая диаспора латиноязычного академического мира. Россия — одно из немногих исключений, здесь сначала возникла абсолютистская власть, а следом университеты как детище абсолютистского государства. Возможно, что именно по этой причине у них было мало опыта автономной жизни. Во всяком случае мера автономии всегда декретировалась сверху «высочайшими повелениями», исходившими от правителей России (императоры, партийные вожди, в наши дни — президенты), и была подвержена сильным колебаниям в зависимости от ситуации в стране. Стереотип таков, что университет (вуз) и по сей день в массовом да и в профессиональном сознании воспринимается как часть государства. В соответствии с этим стереотипом все государственное продолжает казаться многим людям более прочным и надежным, чем негосударственное, частное. Отношение к независимым институциям часто, если не всегда, оказывается настороженным, в силу чего их положительные качества не замечаются. Виной тому психологическая неготовность создавать негосударственные (частные) структуры и, конечно же, сохраняющееся чувство полной зависимости от государства, вера в то, что только оно может указать путь движения вперед.

Университетская автономия, опирающаяся на попечительские и наблюдательные советы, на другие представительные для образовательного и научного сообщества органы самоуправления вполне отвечает духу времени. Заглядывая в ближайшее будущее, я не вижу препятствий к тому, чтобы университет стал гильдией преподавателей и ученых со своими субкультурными нормами, про-

фессиональным кодексом и кодексом чести, цементирующими сообщество, которое поставило перед собой цель завоевать достойную репутацию в глазах социума. Движение в сторону конструктивной автономии и самостоятельности, упорная, нелегкая борьба за нее, нравственное противостояние произволу власти, расширение социального пространства для проявления личной инициативы оборачиваются в конечном счете большой общественной выгодой.

Проблема четвертая: благотворительность как источник поддержки образования, науки и культуры. Ресурсный капитал (Endowment)

Судьба образования в значительной мере зависит от того, что в литературе принято теперь называть *системной (корпоративной, «большой») благотворительностью*. В основе этого нового явления — крупные суммы денег на благотворительные цели и специальные учреждения (фонды), предназначенные для распорядительства деньгами, требующего такого же, если не большего приложения менеджерских и предпринимательских талантов, как и создание первоначального капитала, из которого выделились эти крупные суммы денег.

Российские эксперты различают три стратегии такой благотворительности.

Первая — накопление ценностей с последующей передачей в общественное пользование. Примеры тому, если сослаться на нашу историю, П. Третьяков и князь В. Тенишев, создавший частное Этнографическое бюро для изучения крестьянского быта. Человек широкий, увлекающийся, Тенишев всерьез намеревался вложить средства в создание музея зарубежной живописи, равно по масштабам Третьяковской галереи.

Вторая стратегия — основание новых университетов и публичных библиотек. Пример тому — Стенфордский университет, созданный магнатом Стенфордом и его женой в память о трагически погибшем сыне (в настоящее время это один из крупнейших университетов не только США, но и мира). Еще один пример — народный университет на деньги московского золотопромышленника Шанявского (Москва, начало XX в.). Наконец, Психоневрологический институт, созданный В. Бехтеревым на собранные им деньги российских предпринимателей (1913 г.). Не случись революция, институт стал бы еще одним университетом Петербурга.

Третья стратегия — создание организаций для управления деньгами в благотворительных целях. Благотворительные фонды — учреждения, где главная роль принадлежит попечителям. В США они довольно быстро превратились в структуры, способные содействовать решению задач национальной важности — фонд Рокфеллера, корпорация Карнеги в начале XX в., фонды Форда и Макартуров в середине, фонд Сороса в конце этого века.

Тем же путем пошли и российские предприниматели, но их благие начинания были оборваны революцией. По воле купца Х. С. Леденцова в начале XX в. был создан благотворительный фонд поощрения развития науки и техники. Леденцов завещал на эти цели 2 миллиона рублей золотом. Чтобы управлять этим капиталом, было создано Общество содействия успехам практических наук им. Леденцова. Члены общества избирали совет, совет — экспертные

комиссии, последние выделяли деньги (гранты, как сказали бы мы сейчас) на проекты. В числе первых получил средства на исследования высшей нервной деятельности Иван Петрович Павлов. Показательно, что 90 % доходов от капитала шли на уставные цели и только 10 % — на орграсходы.

Проявив финансовую инициативу, благотворитель получал право влиять на местоположение учебного заведения, выбор специальностей, содержание обучения (или исследований). Возникшая тогда традиция общественного участия в управлении и поддержке образования была в значительной степени стимулирована кипучей энергией российских государственных деятелей, в первую очередь С. Витте.

Россия и ее регионы имеют шансы быстро выйти на передовые позиции в сфере «большой» благотворительности. У нас много преуспевающих людей, имеющих крупные состояния, многие из них молоды. Они могут многое предложить и сделать. Фонд Ходорковского выделил 100 миллионов долларов на развитие РГГУ. На наших глазах входит в силу фонд Потанина. Процесс идет и требует к себе пристального внимания. Системная благотворительность вряд ли может быть уподоблена отстегиванию денег из кошельков добрых толстосумов. Это прежде всего сложная интеллектуальная деятельность, включающая в себя высококлассный менеджмент и подчиняющаяся тем же законам, что и любое свободное предпринимательство. Она опирается на внедрение идей филантропии в сознание общества; на специально разработанные законодательством этические кодексы, в равной мере обязательные для дарителей и получателей. Соблюсти и в полной мере реализовать эти предпосылки значило бы привлечь громадные ресурсы к развитию науки, образования и культуры, к решению социальных проблем, к улучшению жизни отдельных сегментов общества, как и общества в целом.

В перечень названных целей органически вписывается задача надления учреждений науки, образования, культуры капиталом для развития. Это связывается с понятием *endowment*. В русском переводе это — ресурсный капитал, вклады и пожертвования специального назначения (очень часто в форме акций, ценных бумаг и других видов корпоративных финансов). Умелое управление этими средствами, эффективное приумножение стартового капитала может быть гарантией «пожизненного» обеспечения полноценной деятельности университетов, научных учреждений, музеев и других организаций непроизводственной сферы. Идеи *endowment*'а, его правовые и финансовые основы применительно к российским условиям активно разрабатывает нынешний ректорат Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Выдвигать, казалось бы, неподъемные задачи и добиваться их решения было характерной чертой Василия Васильевича Леонтьева. Он был человеком активной мысли и действия, разрушал стереотипы политиков и экономистов. Внедрение идей благотворительности в масштабах страны с активным участием частного капитала, новое качество и рост объемов инвестиций в человека на этой основе следует признать неотложным общенациональным делом. Решение этой «неподъемной» на первый взгляд задачи следует начать путем систематического обучения главных субъектов благотворительной деятельности — предпринимателей — реальных и потенциальных доноров, сотрудников благотворительных фондов, работников финансовых органов и налоговой инспекции, работников служб, отвечающих за контакты с общественностью и фандрайзинг (поиск средств).

Мне кажется, что сотрудничество Европейского университета в Санкт-Петербурге, Леонтьевского центра, ученых и практиков — лауреатов Леонтьевской медали могло бы привести к открытию первого в стране *факультета системной благотворительности* с задачами подготовки (с отрывом и без отрыва от основной деятельности) людей, способных профессионально заниматься филантропией. **Такова неотвратимая логика процесса раскрепощения жизни, свидетелями и участниками которого мы являемся.**

В заключение я хотел бы выразить Общественному совету по награждению Леонтьевского центра мою глубочайшую благодарность за присуждение мне Международной Леонтьевской медали. Почет и уважение профессионального сообщества являются высшими ценностями для ученого.

Ю. А. ПЕТРОСЯН

СЛОЖНОЕ СОСЕДСТВО

(Османская империя и Россия в XIX веке)

Многогранные отношения двух великих империй средневековья — Османской и Российской — не могут быть, конечно, всесторонне освещены в рамках одной статьи. Мы попытаемся лишь рассмотреть основные аспекты военно-политического противостояния и экономических связей этих государств в XIX в., а также охарактеризовать историю знакомства русских людей с обширными территориями империи османов.

* * *

Международное положение Османской империи в начале XIX в. было сложным. Одним из крупнейших и значительных событий явилась для нее русско-турецкая война 1806—1812 гг. Непосредственным поводом к началу военных действий послужили нарушения Османской империей ряда русско-турецких договоров и соглашений, но большее влияние на развитие событий в этот момент оказали дипломатические интриги Франции против России в Османской империи, а также стремление султанского правительства добиться восстановления власти султана над Крымом. Русские войска заняли Дунайские княжества — Молдову и Валахию, но на суше не смогли добиться крупных военных успехов. Несколько более успешно проходили операции русских военно-морских сил. Русская эскадра дважды нанесла туркам поражение в мае—июле 1807 г. В августе того же года было подписано перемирие, но в начале апреля 1809 г. военные действия возобновились. Военная кампания 1809—1811 гг. принесла крупные успехи русской армии, которая под командованием фельдмаршала М. И. Кутузова летом и осенью 1811 г. нанесла значительные удары по турецким войскам на Дунайском фронте. Положение Османской империи осложнилось и тем, что сербские повстанцы нанесли туркам также ряд поражений, в частности в октябре 1811 г. в сражении при Нише. Все эти обстоятельства, дополнявшиеся постоянной угрозой антитурецкого выступления в Болгарии, вынудили султана и Порту пойти на мирные переговоры в России, которые завершились 28 мая 1812 г. Бухарестским

мирным договором. Россия получила Бессарабию. Договор восстановил власть турецкого султана в Молдове и Валахии. Однако княжествам было предоставлено право автономии. Сербия получила по договору 1812 г. определенную автономию в вопросах внутреннего управления. Мирный договор 1812 г. закрепил за Россией ряд областей Закавказья. Наконец, договор обеспечил России нейтралитет Османской империи в войне России с Наполеоном.

Русско-турецкие отношения опять обострились менее чем через десять лет. Поводом вновь стала борьба балканских народов против власти султана.

В середине апреля 1821 г. весь Стамбул был взбудоражен вестью о восстании греков. Оно началось в Морее, с невероятной быстротой распространившись по всей континентальной Греции. Антиосманское восстание в Греции стало началом нового этапа борьбы нетурецких народов Османской империи за свое национальное освобождение. Султан и Порты ответили на восстание греков не только подавлением повстанческого движения в Морее, но и кровавой расправой с греческим населением во многих городах империи. И все же восстание победило, в 1822 г. в Эпидавре национальное собрание провозгласило независимость Греции. Пытаясь все же спасти свою власть над землями Греции, султан обратился за помощью к своему сильному вассалу — правителю Египта Мухаммеду Али, войска которого к весне 1826 г. подавили повстанческое движение в Морее. Но тут вмешались европейские державы. В октябре 1827 г. объединенные военно-морские силы Англии, Франции и России наголову разгромили турецко-египетский флот, а в Морее появился французский экспедиционный корпус.

В декабре 1827 г. Османская империя объявила войну России, особенно активно поддержавшей греческих повстанцев. В апреле 1828 г. русская армия форсировала Прут и заняла Молдову и Валахию. Осенью того же года русский флот блокировал Стамбул, нарушив снабжение османской столицы. Наконец, 20 августа 1829 г. русская армия овладела Адрианополем (Эдирна), открыв себе дорогу на Стамбул. К тому же на Кавказском театре военных действий победа оказалась на стороне русской армии. И все же русские войска так и не двинулись к Стамбулу, хотя соблазн овладеть столицей империи османов был, конечно, весьма велик. Но еще больше была опасность столкновения с коалицией европейских держав, которые имели в Османской империи свои интересы и ни при каких обстоятельствах не примирились бы с захватом ее столицы русскими войсками. Переговоры о мире оказались для русских, стоявших буквально у стен столицы империи турецких султанов, неизбежными. В начале сентября в Эдирне был подписан мир, который закрепил присоединение к России тех армянских и грузинских земель, которые были освобождены в ходе войны русскими войсками. Договор обеспечил автономию Греции и Сербии, а также вывод султанских войск из Молдовы и Валахии, чьи автономные права были существенно расширены.

В конце ноября в Стамбул прибыло российское чрезвычайное посольство. Его глава граф Д. Ф. Орлов имел аудиенцию у султана, а на следующий после этого день в султанской загородной резиденции состоялся неофициальный прием. И вряд ли участники этого приема, подводившие итог очередному военному столкновению своих держав и определившие только что условия отхода русских войск за пределы владений султана, могли себе представить, что история очень скоро преподнесет свой очередной сюрприз, в результате которого

русские вновь вернутся в эти края, но уже в совершенно ином качестве — спасителей султана и его трона.

События развивались драматически и быстро. Недавний союзник султана в греческой кампании — правитель Египта Мухаммед Али — открыто и остро стал конфликтовать со своим сюзереном. Поводом было требование султана Махмуда II о срочной выплате денег в султанскую казну в счет египетской дани. Мухаммед Али начал военные действия против султана, его войска заняли всю Сирию и Киликию, а затем вторглись в Анатолию. 21 декабря 1832 г. в Египте у Коньи турецкая армия была разгромлена наголову. Великий везир, командовавший ею, попал в плен. Реальной стала угроза движения египетских войск на Стамбул и падения османской династии. В этих условиях Махмуд II решил принять предложенную военную помощь императора Николая I — своего недавнего противника. Этот крайне неординарный эпизод в русско-турецких отношениях заслуживает более подробного освещения, тем более что воспоминания русских очевидцев этих событий достаточно мало известны европейским и арабским ученым.

21 декабря 1832 г. — в тот самый злосчастный для султана день, когда его армию постигла катастрофическая неудача под Коньей, в Стамбул прибыл особый уполномоченный царя Николая I генерал-адъютант Н. Н. Муравьев, который имел поручение предложить султану немедленную военную помощь России. Переговоры, однако, затянулись, ибо султан и Порты даже в этом исключительно для них трудном положении, не спешили принять русскую военную помощь, опасаясь роста влияния России во владениях султана. Но дальнейшее продвижение египетских войск в Анатолии, уже занявших в феврале 1833 г. Кютахью, а в марте Измир, прекратило колебания султана и его министров. 30 марта Порты официально обратилась к Николаю I с просьбой поставить войска для защиты Стамбула от египтян.

Русские десантные части были направлены в Стамбул из Одессы. Первый отряд русского экспедиционного корпуса прибыл в район Стамбула 4 апреля, а второй — 23 апреля. Общая численность русского экспедиционного корпуса, поставленного под командование Н. Н. Муравьева, составила более 10 тысяч человек. Еще в феврале в воды Босфора вошла русская эскадра в составе четырех линейных кораблей, пяти фрегатов и двух корветов под общим командованием адмирала М. П. Лазарева. Она встала на якорь перед летней резиденцией российского посольства в Бююкдере под Стамбулом. Сухопутные части русского экспедиционного корпуса расположились лагерем в долине Хюнкяр-Искелеси на азиатском берегу Босфора, преградив тем самым в буквальном смысле слова марш египетской армии на Стамбул.

Поскольку событие это было поистине уникальным в длительной истории русско-турецких отношений, стоит подробнее рассказать о нем, опираясь на обстоятельнейшие мемуары Н. Н. Муравьева, изданные в Москве в 1869 г. и являющиеся библиографической редкостью.¹ Первоначально предполагалось, как пишет Н. Н. Муравьев, направить части экспедиционного корпуса на кораблях эскадры М. П. Лазарева, но это не состоялось по причине невозможности «принять сухопутные десантные войска» на борт кораблей. Конечно же, причина эта явно надуманная, что понимал и писавший об этом Муравьев. Просто в феврале у царя Николая I, страстно стремившегося вмешаться военной

---

¹ *Муравьев Н. Н.* Русские на Босфоре. М., 1869.

силой в турецко-египетский конфликт, чтобы повысить роль России в регионе, не было официальной просьбы Порты о присылке войск. Когда в марте обсуждался конкретный план действий десантной группы, Николай I поставил перед Н. Н. Муравьевым главной целью охрану пролива Босфор и защиту от возможной опасности султанской столицы. Затем было решено часть войск направить в район Стамбула сухим путем через Дунайские княжества, а другие части экспедиционного корпуса отправить к Стамбулу морем. Подготовка всей операции велась в строжайшей тайне. Переговоры о десанте велись с сераскером (военным министром) султана, с которым детально обсуждались уже в середине марта технические и бытовые вопросы дислокации русского десанта, его взаимодействия с частями турецкой армии. Кстати, чтобы оценить военную роль десяти тысячного русского десанта, стоит принять во внимание тот факт, что у султана в этот момент было 12 тысяч гвардии в самом Стамбуле, а от разгромленной армии великого везира осталось не более 13 тысяч солдат.

Хотя вопрос о направлении войск России в район Стамбула продолжал обсуждаться по дипломатическим каналам, подготовка к десантированию шла в середине марта весьма интенсивно. Российское правительство открыло для Н. Н. Муравьева кредит в Стамбуле для покупки лошадей для артиллерии русского десанта. 22—23 марта Н. Н. Муравьев вместе с турецкими официальными лицами осматривал возможное место дислокации русского десанта в районе Хюнкяр-Искелеси, оценивая военно-стратегические выгоды расположения войск именно в этом месте азиатского побережья Босфора.

Когда части российского десанта расположились лагерем в долине Хюнкяр-Искелеси, к ним присоединился и турецкий отряд — пехотный батальон и эскадрон султанской гвардии. Эти турецкие части были поставлены под командование Н. Н. Муравьева. Началась усиленная подготовка к отражению возможного движения египетских войск на Стамбул.

Русский экспедиционный корпус состоял из двух пехотных бригад с их артиллерийскими ротами, одной саперной роты и казачьей команды. Артиллерийские роты имели 24 орудия. Десант был основательно обеспечен боеприпасами, имел при себе все необходимое для развертывания палаточного лагеря. Также прибыло 17 врачей и 35 фельдшеров для обустройства полевого госпиталя. Войска прибыли со своим провиантом, его запас был рассчитан на три месяца — это были мука, крупы, соль, спирт. Мясом экспедиционный корпус снабжали турецкие власти.

Атмосферу жизни десантного отряда в долине Хюнкяр-Искелеси хорошо отражают записки поручика Генерального штаба Болдырева, опубликованные в нескольких номерах журнала «Русский инвалид» в том же 1833 г. под названием «Письма с Анатолийского берега Босфора».² Описывая лагерь русского экспедиционного корпуса, Болдырев отмечал необычное дружественное соседство палаток русских и турецких воинов, отличный боевой порядок артиллерии десанта. Он писал о внимании турецких властей к русским войскам. Сам султан прислал много вина и разных съестных припасов и лакомств воинам корпуса. Простые же турки — гражданские лица и военные — очень скоро установили с русскими воинами самые дружеские отношения. В самом конце апреля был устроен и торжественный смотр султаном русских и турецких воинских частей, которым предстояло в случае необходимости совместно действовать на

---

² «Русский инвалид». № 109. 30 апреля 1833 г. С. 434—436.

поле брани. Лагерь русских войск не раз посещали высшие султанские сановники, некоторые посещения сопровождались красочными гуляниями, развлечениями и фейерверками. В июле султан побывал на учениях русской пехоты.

Воевать солдатам и офицерам русского корпуса на сей раз, к счастью, не довелось. Переговоры между турками и египтянами в Котахье завершились соглашением об отходе египетских войск за горы Тавра. Правда, султану пришлось уступить Мухаммеду Али огромную территорию в восточной части Средиземноморья и на юге Малой Азии, но угроза столице и трону была отведена. Конечно же, русский корпус, стоявший на дороге к Стамбулу, сыграл в этом значительную роль. 8 июня 1833 г. в Стамбуле был подписан союзный договор между Османской империей и Россией, получивший название Хюнкяр-Искелесийского договора. 10 июня русские корабли и части экспедиционного корпуса отправились в родные края.

Хюнкяр-Искелесийский договор, подписание которого в немалой степени было подготовлено русской военной акцией в долине Хюнкяр-Искелеси, устанавливал навечно мир, дружбу и союз между Россией и Турцией. Он провозглашал защиту обоих государств против любых покушений на их безопасность, регулярные консультации сторон по вопросам безопасности. Россия взяла на себя обязательство оказывать Турции военную помощь, если правительство султана выразит такое пожелание. Договор имел и секретную статью, которая зафиксировала обязательство Турции закрывать по требованию России пролив Дарданеллы для иностранных военных судов.

Как это не раз бывало в русско-турецких отношениях, «вечный мир» оказался недолговечным, он был нарушен Крымской войной 1853—1856 гг. Внешним поводом для возникновения политического, а затем и военного конфликта великих держав на Ближнем Востоке стал вопрос о «святых местах». Еще в мае 1850 г. начался затяжной спор между Францией и Россией о приоритете Католической и Православной церквей в святых местах христианства в Иерусалиме и Вифлееме. В январе 1852 г. царскому правительству удалось добиться султанского фирмана, признававшего преимущественное право Православной церкви в святых местах. Франция в свою очередь добилась вскоре признания в святых местах прав Католической церкви в ущерб Православной. Тогда Николай I решил усилить давление на султана и его правительство. Весной 1853 г. в Стамбул прибыла российская чрезвычайная миссия во главе с князем А. С. Меншиковым. Ей было поручено не только в ультимативном порядке обеспечить права Православной церкви в святых местах, но и добиться признания за Российской империей права покровительства всем православным подданным султана.

Меншиков прибыл в Стамбул в сопровождении большой и весьма пышной свиты, вел себя на переговорах не просто настойчиво, но откровенно вызывающим образом. Султан и Порта в конечном счете отклонили требование России. Меншиков ответил на это угрозами, заявив, что императорское правительство России в такой ситуации будет обеспечивать права Православной церкви, опираясь на свою собственную силу. 21 мая Меншиков и его свита, а также весь персонал российского посольства покинули Стамбул. Дипломатический разрыв отношений стал фактом, а вскоре грянул и военный гром.

Война шла вначале с переменным успехом, но в конце 1853 г. русские разгромили флот в Синопской бухте, а на Кавказском театре военных действий на-

голову разбили армию султана. Опасаясь разгрома Турции Россией, Англия и Франция вмешались в войну на стороне Османской империи. Почти год англо-франко-турецкая армия и союзный флот осаждали Севастополь, который союзникам все же удалось взять в сентябре 1855 г. На Кавказском фронте российские войска одержали ряд побед. Ход войны подвел противников к необходимости мирных переговоров. 30 марта 1856 г. в Париже был подписан мирный договор. Севастополь вернули России в обмен на захваченный русскими войсками город Каре в Анатолии.

И опять мир в русско-турецких отношениях продлился чуть более двадцати лет. На этот раз его нарушило развитие национально-освободительной борьбы балканских народов против султанского владычества. Россия активно поддерживала народы Болгарии, Боснии и Герцеговины в их борьбе за освобождение от власти султана.

Между тем в Стамбуле российской дипломатии к середине 1870-х гг. пришлось столкнуться с важным новым явлением в политической жизни Турции — движением за провозглашение конституции.

В конце 1875—начале 1876 г. в политической жизни Османской империи все больше давала о себе знать оппозиция султану и Порте, политическое кредо которой прямо сказалось на русско-турецких отношениях. Первые турецкие конституционалисты, лидером которых стал крупный турецкий государственный деятель Мидхат-паша, возглавили в критический для Османской империи момент борьбу против султана Абдул-Азиза и его правительства. В этой борьбе ими широко использовались идеи «общеимперского патриотизма», направленные на то, чтобы погасить огонь национально-освободительной борьбы, сохранить целостность империи и укрепить власть султана и Порты над нетурецкими народами. Не менее широко лидеры конституционного движения использовали антирусскую пропаганду.³

Когда весной 1876 г. конституционалисты начали открытую борьбу с султаном и его правительством, они умело использовали в антиправительственной агитации тот факт, что крайне непопулярный великий везир Махмуд Недим-паша имел репутацию деятеля, ориентировавшегося в своей политике на Россию. Глава Порты, действуя с согласия султана, действительно поддерживал постоянные контакты с русским послом Н. П. Игнатьевым, стремясь обеспечить султану и его правительству поддержку русского царизма, а в крайнем случае ослабить его поддержку повстанцев на Балканах.

Примечательно и то, что события в Стамбуле в мае 1876 г.,⁴ которые привели к низложению султана Абдул-Азиза, начались с антиправительственной

³ Заметим, что русские дипломаты в Стамбуле очень внимательно следили за деятельностью Мидхата и его сторонников. Хранящиеся в Архиве внешней политики России донесения русского посла в Стамбуле и русских консулов в крупнейших городах империи содержат ценнейший материал для анализа и оценки как турецкого конституционного движения, так и русско-турецких отношений в этот период. Среди этих архивных документов заслуживают внимания исследователей следующие материалы Архива внешней политики России в Москве: Ф. «Канцелярия МИД», 1875, д. 22—23, 28—33; Ф. «Посольство в Константинополе», д. 1123, 1430, д. 1431.

⁴ Развитие событий в Стамбуле в 1876 г. подробно анализировал в своих донесениях в русскую столицу посол России. См.: АВПР. Ф. «Канцелярия МИД». 1876. Д. 28. Л. 139—141, 224—225; Д. 29. Л. 38—40, 181—184, 195, 214, 411—412; Д. 30. Л. 26—27, 117, 381, 402—403; Д. 31. Л. 346—347, 390—391; Д. 32. Л. 238, 455—459; Д. 33. Л. 161—162.

агитации, которая обвиняла великого везира в уступках требованиям России, поддерживающей повстанцев в Боснии, Герцеговине и Болгарии. Столица была буквально наводнена слухами о том, что русский посол заправляет всеми государственными делами, а султан обратился к России с просьбой прислать в Стамбул десятки тысяч русских солдат для охраны его особы.⁵ Эти слухи, конечно, не были первопричиной недовольства населения правительством, но умело распускавшиеся слухи сильно наэлектризовали толпы учащих медресе-софт, ставших ударной силой антиправительственной оппозиции и лидера конституционалистов Мидхата.

После дворцового переворота в Стамбуле в конце мая 1876 г. русский консул неоднократно сообщал из Эдирне о росте антирусских настроений среди местного мусульманского населения, слухах о войне с Россией, о том, что новый султан намерен потребовать у России издержек, связанных с восстанием в Боснии и Герцеговине, и даже возврата Крыма.⁶ Конечно, слухи нагромождали одну на другую разные нелепости, но не случайно в том же Эдирне низложенного великого везира Махмуда Недима ругали главным образом за то, что он имел репутацию «московского визиря». По словам русского консула в Эдирне, недовольство масс правительством и их ненависть к иностранцам сосредоточились на низленном султанине Абдуле Азизе, отстраненном от власти великом везире Махмуде Недиме, которого считали виновником чуть ли не всех бед страны, а также на России.⁷ Такие настроения были распространены не только в провинциях, но и в столице, где крупные турецкие газеты регулярно освещали обстоятельства Восточного вопроса с откровенно антирусских и антиславянских позиций, перепечатывая соответствующие материалы из ряда крупных европейских газет, агитируя за решительное подавление повстанческой борьбы на Балканах.

Политика противодействия всем требованиям России о реформах в балканских провинциях была постоянным внешнеполитическим курсом Мидхата и его единомышленников в течение периода их борьбы за провозглашение конституции. Этим они достигали по крайней мере двух целей: укрепляли свои позиции и авторитет в качестве защитников целостности империи, а обостряя русско-турецкие отношения, внушали султану и высшей бюрократии мысль о том, что провозглашение конституции — единственное радикальное средство для противодействия политике России на Балканах.

В начале декабря 1876 г. внешнеполитические обстоятельства оказали, пожалуй, определяющее влияние на судьбу конституционного плана Мидхата. 11 декабря в Стамбуле собралось совещание представителей европейских держав для рассмотрения проекта автономии Боснии, Герцеговины и Болгарии, который должен был быть предложен Порте и реализован под контролем держав. На конец декабря была намечена международная конференция в Стамбуле с участием турецких представителей. Реальность вмешательства держав стала настолько очевидной, что султан Абдул-Хамид II, всячески пытавшийся сорвать или оттянуть решение вопроса о конституции, назначил Мидхата великим везиром, а 23 декабря, в день открытия конференции держав, была провозглашена первая турецкая конституция. И хотя уполномоченные держав отвели

⁵ *Ahmed Midhat. Üss-ü inkilâp. Kisim 1. Istanbul, 1894. S. 209.*

⁶ АВПР. Ф. «Главный архив ВА2». 1876. Д. 25. Л. 59.

⁷ Там же. Л. 60.

заявление турецкого делегата о нецелесообразности работы конференции ввиду в корне изменившейся политической обстановки в Османской империи, работа конференции была практически сорвана. Турецкие представители упорно отказывались обсуждать предложения держав, ссылаясь на конституцию, даровавшую всем подданным страны равные права, сделавшую всех «османов» братьями.⁸

Когда вечером 23 декабря наэлектризованная многотысячная демонстрация по случаю провозглашения конституции достигла дома Мидхата, демонстранты открыто потребовали отклонить требования держав и начать войну против России. Великий везир счел нужным выступить перед демонстрантами и заверить их в своей готовности защитить честь и права государства. И действительно, главное внимание возглавлявшегося Мидхатом правительства было сосредоточено на подготовке к войне с Россией после срыва конференции держав, которая для России была последней попыткой мирным путем решить балканский вопрос.

И все же нараставший конфликт между султаном, отнюдь не склонным выполнять положения конституции, и Мидхатом в начале февраля 1877 г. кончился его отстранением от должности. Хотя султан и крайняя феодально-клерикальная реакция нанесли решительный удар по сторонникам конституции, выслав Мидхата за пределы империи, проводившийся совместно конституционалистами и консервативными силами курс на обострение русско-турецких отношений не изменился.

Между тем Россия вновь и вновь делала попытки найти дипломатическое решение конфликта. Русский посол в Стамбуле Н. П. Игнатьев со специальной миссией посетил в марте 1877 г. столицы ряда европейских держав, добиваясь подписания соглашения об условиях мира Сербии и Черногории с Османской империей. Переговоры были трудными для русской дипломатии, ибо Англия, например, потребовала провести демобилизацию русской армии, а Франция предлагала изменения к проекту, выгодные для Порты. Наконец, был согласован так называемый «Лондонский протокол», который призывал Порту провести необходимые реформы для улучшения положения христианских подданных. Не очень определенно протокол заявлял о возможности держав принять меры для обеспечения благосостояния христианского населения и всеобщего мира. Но Порты отвергла 9 апреля 1877 г. согласованные требования держав о реформах, отклонение которых предоставляло России, по соглашению с Англией, свободу действий в русско-турецких отношениях. Эта твердая и неуступчивая позиция Порты в немалой степени была продиктована непрекращавшейся закулисной игрой английской дипломатии, которая своими тайными посулами поддержки Османской империи толкала Порту к войне с Россией. Явное нежелание правящих кругов Османской империи искать пути к соглашению, избежать вооруженного столкновения проявили и депутаты первого турецкого парламента.

4 апреля 1877 г. Россия объявила Османской империи войну. Военные действия развернулись одновременно на Балканском и Кавказском фронтах.

⁸ Одной из наиболее интересных, насыщенных ценным фактическим материалом книгой, повествующей о бурном для империи Османов 1876 г., является книга русского дипломата В. Теплова «Смутное время и дворцовый переворот в Константинополе (записки очевидца)», изданная в Санкт-Петербурге в 1897 г. и давно ставшая раритетом даже в России.

Успех почти повсеместно сопутствовал русским войнам — в Болгарии были взяты Шипка и Плевна, на Кавказском фронте — Ардаган, Сухум, Каре. В январе 1878 г. русские войска вступили в Софию, и вскоре вся Болгария была освобождена из-под власти султана. 20 января русские части заняли Эдирне, открыв себе дорогу на Стамбул. Затем они заняли селение Ешильней (Сан-Стефано). И вновь, в который раз уже, русские войска остановились у стен Стамбула, так и не начав штурм города. На этот раз, как это бывало и ранее, султана и его власть в империи османов спасло соперничество держав в регионе. Европейские державы, особенно Англия, стали настаивать на перемирии и проведении общеевропейской конференции по проблемам балканских народов.

3 марта 1878 г. в Сан-Стефано был подписан русско-турецкий мирный договор, который определил полную независимость Сербии и Черногории, установил для Болгарии статус автономного княжества. Порта приняла на себя обязательство предоставить автономию Боснии и Герцеговине. Сан-Стефанский мир закрепил власть России в Ардагане, Батуме и Карее. Правда, столь выгодные России условия мира были несколько изменены под давлением европейских держав на Берлинском конгрессе в июне—июле 1878 г. По Берлинскому трактату оказались урезанными границы Черногории, а Австро-Венгрия получила право оккупировать Боснию и Герцеговину. Болгария была разделена, причем ее северная часть была объявлена автономным княжеством, а южная — Восточная Румелия — вновь подпала под власть султана.

Пребывание русских войск в Сан-Стефано, в нескольких километрах от Стамбула, нашло отражение в русской мемуарной литературе и публицистике. Один из очевидцев и участников событий князь В. Д. Дабиж в своих давно ставших библиографической редкостью воспоминаниях писал,⁹ что в феврале 1878 г. этот небольшой городок под Стамбулом был переполнен русскими войсками, в Сан-Стефано и его окрестностях расположилось 40 тысяч солдат и офицеров. Солдаты жили в палатках, а офицеры в домах местных жителей, большинство которых бежало в сторону Стамбула при приближении русских войск. Жилья не хватало настолько, что даже генералы помещались по 4—5 человек в комнате. Войска проводили большие учения. Офицеры вечерами собирались в приятельские кружки, где обсуждались недавние бои на Балканах, часто звучало недоумение по поводу приостановки движения войск на Стамбул. После подписания мирного договора русские войска оставили Сан-Стефано.

В таких сложных, часто резко меняющихся условиях политической атмосферы в отношениях между Османской империей и Россией жила весь XIX в. небольшая русская колония в Стамбуле, а наездами здесь побывали тысячи русских людей — купцов и дипломатов, паломников и путешественников. Некоторые из них оказывались очевидцами значительных событий в жизни Османской империи и ее столицы и оставили нам интересные и донныне записи о виденном; речь о них пойдет несколько позже — после рассмотрения существенного для данной темы вопроса о русско-турецких экономических отношениях.

Таковы были исторические обстоятельства, на фоне которых осуществлялись экономические связи Османской империи и России на протяжении XIX в. Они были достаточно разнообразными, хотя и не очень устойчивыми, что было

---

⁹ *Дабиж В. Д.* Сан-Стефано и Константинополь в феврале 1878 г. СПб., 1888.

вполне естественно в условиях регулярных и значительных военных конфликтов.¹⁰

Традиционно Османская империя и Россия торговали в основном продуктами сельского хозяйства. Это положение не изменялось на протяжении всего XIX в. Из Османской империи в Россию поступали овощи и фрукты, растительное масло, табак и различные пряности. В турецком экспорте в Россию были также ковры и некоторые традиционные изделия турецких ремесленников. Русские купцы везли на турецкие рынки зерно и муку, спирт и сахар, рогатый скот, разные лесоматериалы. В самом конце столетия в русском экспорте в Турцию появились керосин, резиновая обувь и текстиль. Сами объемы торговых операций были весьма невелики для двух огромных государств-соседей. Обе страны в XIX в. стремились к развитию торговли со странами Запада. Сдерживанию товарооборота между Россией и Османской империей в немалой степени способствовали и такие факторы, как некоторая однотипность их экономических структур и достаточно серьезная конкуренция западных товаров. И все же торговые обороты России с Османской империей постоянно росли. С середины XIX в. до конца столетия они выросли почти в полтора раза, причем рост этот произошел преимущественно за счет увеличения импорта русских товаров в Турцию. Вообще, на протяжении всего XIX в. торговый баланс постоянно отличался высокой активностью в пользу России. При этом надо иметь в виду, что сами по себе торговые связи между Россией и Османской империей до конца XIX в. не занимали сколь-нибудь значительное место во внешней торговле этих стран. Лишь на рубеже XIX—XX вв. Россия начала проявлять в условиях непрекращавшегося роста экономического влияния в Турции держав Запада активность в расширении своего экспорта в Османскую империю.

Определенную роль в русско-турецких экономических отношениях сыграли и военные контрибуции, которые Османская империя обязалась выплачивать России после двух столь неудачных для турок войн 1829 и 1877—1878 гг. Особенно тяжела для Османской империи была контрибуция по мирному договору 1878 г., сумма которой могла быть реально выплачена турками только за сто лет. Погашение ежегодных взносов по этой контрибуции обеспечивалось рядом налогов в пяти крупных вилайетах Анатолии. Естественно, что контрибуции были для России на протяжении всего столетия сильнейшим средством давления на султана и его правительство при решении любых проблем взаимоотношений. Это сказывалось, в частности, во время сложных дискуссий между турецкими и русскими дипломатами в последние два десятилетия XIX в. по вопросу о пересмотре русско-турецкого торгового договора 1862 г., в центре которых были интересы обеих держав при возможном пересмотре таможенных тарифов. Все попытки турецкой стороны добиться выгодного для Османской империи решения вопроса об изменении таможенного режима оказались безуспешными.

---

¹⁰ В весьма небольшой литературе, посвященной экономической жизни Османской империи в XIX в., выделяются, на наш взгляд, работы русских исследователей, опиравшихся в основном на данные русских архивов. Это следующие книги: *Новичев А. Д.* Очерки экономики Турции до мировой войны. М.; Л., 1937; *Иванов С. М.* Политика русского правительства в вопросах торгово-экономических связей России и Турции во второй половине XIX—начале XX века // Россия, Запад и мусульманский Восток в колониальную эпоху. СПб., 1996.

Во второй половине XIX в. российские пассажирские и торговые суда совершали регулярные рейсы между Одессой и Стамбулом, а также между всеми российскими портами на Черном море и портами северного побережья Анатолии. Правда, в результате того, что правительство России не обеспечивало должной экономической поддержки русскому торговому флоту, почти треть оборотов российской внешней торговли осуществлялась на иностранных торговых кораблях. Таким образом, Россия уступала своим западным конкурентам как в развитии собственного торгового флота, так и в обеспечении успешной конкуренции русских товаров на турецких рынках.

Недостаточно дальновидной оказалась позиция русского правительства и в вопросе об участии российского капитала в строительстве железных дорог на обширной территории Османской империи. Даже тогда, когда в последнее десятилетие XIX в. такая возможность оказывалась вполне реальной, под давлением военных ведомств России принималось решение об отказе от участия русского капитала в реализации проектов железнодорожного строительства в Турции, как противоречащих военно-стратегическим интересам России. Господствовала в российских правительственных кругах точка зрения, что развитие сети железных дорог в Анатолии может стать угрозой южным границам России. Эта позиция особенно ярко проявила себя во время борьбы держав за реализацию проекта знаменитой Багдадской железной дороги. Когда в 1899 г. между Османской империей и Германией было достигнуто соглашение о предоставлении немецким предпринимателям концессии на строительство этой дороги, русская дипломатия сумела добиться такого изменения проекта, при котором трасса дороги не проходила по стратегически важным для России регионам Анатолии. Более того, в марте 1900 г. Россия сумела добиться права на сооружение железнодорожных линий в тех районах Анатолии, которые прилегали к ее черноморскому побережью. Но ни одного километра железных дорог по этому соглашению так и не было сооружено. Очевидно, что экономические интересы России в данном случае вновь вошли в противоречие с ее военно-политическими интересами в регионе.

На протяжении всего XIX в. Османская империя постоянно привлекала внимание российских ученых и путешественников, дипломатов и паломников к святым местам Палестины. Многие из них оставили опубликованные воспоминания о своих поездках по стране, представляющие огромный интерес как источник для изучения отдельных политических событий, экономической жизни и быта многочисленных народов, населявших империю османов.

После русско-турецкой войны 1828—1829 гг. дипломат и писатель А. Н. Муравьев совершил путешествие в Палестину. В его путевых заметках, изданных в Санкт-Петербурге в 1835 г., дошло до наших дней и любопытное описание Эдирне в период его занятия русскими войсками в 1829 г. В 1849—1850 гг. А. Н. Муравьев вновь путешествовал по Малой Азии, Сирии и Палестине и описал свои странствия в книге «Письма с Востока».¹¹

Дипломат и писатель К. М. Базили, долгие годы живший в турецкой столице, где прошло его детство, написал ряд книг, посвященных Турции того времени. Его «Очерки Константинополя», изданные в Санкт-Петербурге,¹²

¹¹ *Муравьев А. Н.* 1) Путешествие по святым местам в 1830 г. СПб., 1835; 2) Письма с Востока в 1849—1850 гг. СПб., 1851. Ч. I, II.

¹² *Базили К. М.* *Очерки Константинополя.* СПб., 1835.

содержали живые зарисовки жизни и быта горожан, много интересных сведений о торговле и экономике города. Известно, что К. М. Базили был генеральным консулом в Сирии и Палестине, долгое время жил в Бейруте и Иерусалиме. Его книга «Сирия и Палестина» представляет собой ценный источник для всех, кто интересуется положением в этом регионе в первой половине XIX.¹³

Ценнейший материал, сохраняющий актуальность по сей день, для изучения положения Малой Азии в первой половине XIX в. содержит и труд русского военного и путешественника М. П. Вронченко, который в течение трех лет (1834—1836 гг.) проехал почти по всем районам Малой Азии. На основе материалов этого путешествия он издал книгу, содержащую подробное описание множества городов и местечек, этнографические очерки, обзор состояния промышленности и земледелия.¹⁴

Многие годы, с перерывами на путешествия по Алтаю, провел в Турции, в частности и в Стамбуле, известный ученый и путешественник П. А. Чихачев. Свободное владение турецким языком позволяло этому талантливому человеку широко общаться с местным населением в его длительных поездках по владениям султанов. Многочисленные путевые журналы П. А. Чихачева представляли и представляют сегодня значительную научную ценность. Они были обработаны и опубликованы автором в Париже на французском языке и составили огромный труд в семи книгах.¹⁵

Русский врач и путешественник А. А. Рафалович объездил в 40-х гг. XIX в. почти все владения османских султанов. В Стамбуле он изучал постановку в стране врачебного дела, описал тогдашнее состояние медико-хирургической школы, ряд больниц города. В своих поездках по стране он побывал во многих арабских землях, посетив Египет и Сирию, Палестину, Алжир и Тунис.¹⁶

В 1845 г. Стамбул посетил известный русский художник И. К. Айвазовский. Он сопровождал великого князя Константина Николаевича в его путешествии по Европейской Турции и Малой Азии. Под впечатлением от этой поездки были написаны несколько картин, отразивших природу и быт страны. В 1867 г. И. К. Айвазовский снова приезжал в Стамбул. Заметим, что более 20 картин знаменитого художника-мариниста и сегодня украшают стены бывшего султанского дворца Долма Бахче на берегу Босфора.

Многие арабские земли во владениях турецкого султана посетил в 40—50-х гг. XIX в. и русский офицер, а позже крупный царский чиновник Н. В. Адлерберг. В маршрутах его путешествий были Каир и Александрия, Яффа и Хайфа, Дамаск и Иерусалим.¹⁷

В 1848 г. в Стамбуле и Иерусалиме побывал знаменитый русский писатель Н. В. Гоголь.

---

¹³ Базили К. М. Сирия и Палестина под турецким владычеством в историческом и политическом отношениях. Одесса, 1862.

¹⁴ Вронченко М. П. Обзорение Малой Азии в нынешнем ее состоянии, «Записки военно-топографического депо». СПб., 1838. Ч. III; СПб., 1840. Ч. V.

¹⁵ Tchihatchof P. Asic Mineure. Paris, 1853—1869.

¹⁶ Путешествие по Нижнему Египту и внутренним областям Дельты А. Рафаловича. СПб., 1850.

¹⁷ Адлерберг Н. В. Из Рима в Иерусалим. СПб., 1853.

В 1848—1849 гг. путешествие по Турции совершил, посетив в числе других городов Бейрут и Иерусалим, известный русский литератор, друг А. С. Пушкина П. А. Вяземский.¹⁸

Особого упоминания заслуживает книга А. А. Адамова «Ирак Арабский».¹⁹ Ее автор — русский консул в Багдаде, — основываясь на личном опыте и впечатлениях, представил читателю подробный очерк этого огромного региона Османской империи. Он представляет и сегодня интерес для исследователей истории арабских земель.

В 60-х гг. XIX в. большое путешествие по землям Османской империи предпринял российский офицер, полковник М. Н. Дохтуров, чьи маршруты пролегли и через Сирию и Египет, Дамаск и Иерусалим. Его путевые заметки по-прежнему интересны для историков и этнографов.²⁰

Другой известный русский путешественник Д. Д. Смышляев, совершивший в середине 60-х гг. XIX в. путешествие в Синай и Палестину, оставил нам интереснейшее описание этих земель и населявших их народов.²¹

Заслуживает внимание книга русского офицера Давлетшина, посетившего в 1898 г. Хиджаз. В его подробном отчете об этой поездке много интересных сведений о Джде, Мекке и Медине, в том числе о реальной значимости власти султанского правительства в этих арабских землях, об отношении местных арабов к турецким властям.²²

На рубеже XIX—XX вв. в столице Османской империи подолгу жили собственные корреспонденты ряда русских газет и журналов, чьи заметки из Стамбула и сегодня представляют научный интерес. Среди них были журналисты А. Е. Кауфман из «Биржевых ведомостей», А. Белорусов и А. Деренталь из «Вестника Европы». Прожив в Стамбуле около года, сотрудница газеты «Речь» Ариадна Тыркова опубликовала свои корреспонденции отдельной книгой под названием «Старая Турция и младотурки», изданной в Петрограде в 1916 г. В 1909—1910 гг. в Стамбуле выходила даже газета на русском языке «Стамбульские новости», которая освещала внутреннее и международное положение Турции.

Стамбул оставил заметный след в жизни ряда крупных русских писателей. Здесь бывали и порой подолгу жили К. Н. Леонтьев и И. А. Бунин. Стамбул нашел свое отражение в поэзии И. А. Бунина. Известный русский писатель и историк искусства П. П. Гнедич побывал в Стамбуле в 1894 г. Его записки об этой поездке, публиковавшиеся в петербургском журнале «Современный мир», были снабжены многочисленными иллюстрациями-рисунками автора, сделанными с натуры.

Весьма обширна литература, отразившая паломнические поездки русских людей к «святым местам» Иерусалима. Книжки, статьи и очерки такого рода во многом перекликаются, но каждая из них несет, конечно, в себе и нечто оригинальное, подмеченное конкретным автором. Среди этих книг выделяется, по-

¹⁸ Путешествие на Восток князя П. А. Вяземского. СПб., 1883.

¹⁹ Адамов А. А. Ирак Арабский (Бассорский вилайет в его прошлом и настоящем). СПб., 1912.

²⁰ Дохтуров М. Н. Поездка на Восток. СПб., 1863.

²¹ Смышляев Д. 1) На пути к Синаю. Пермь, 1876; 2) Синай и Палестина. Пермь, 1877.

²² Отчет штабс-капитана Давлетшина о командировке в Хиджаз. СПб., 1899.

жалуй, глубиной и самостоятельностью оценок и размышлений книга Ф. Палеолога «Русские люди в обетованной земле (путевые наблюдения и впечатления)», изданная в Петербурге в 1895 г.

Мы упомянули ряд публикаций русских ученых и путешественников XIX в., которые, на наш взгляд, могут и сегодня представлять интерес для исследователей истории взаимоотношений Османской империи и России. Почти все упомянутые в данной статье книги давно стали библиографической редкостью даже в России.

III. ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Э. А. ТРОПП

ЛОМОНОСОВ-ФИЗИК

...Я должен отдать справедливость господину Ломоносову, что он одарен самым счастливым остроумием для объяснения явлений физических и химических.

Л. Эйлер

«Краткий энциклопедический словарь»¹ гласит: «физика — центральная научная дисциплина в естественнонаучном творчестве Ломоносова, определяющая его мировоззрение». Сам Ломоносов характеризовал физику как «главнейшую часть натуральной науки».² Интерес к физике возник у Ломоносова в студенческие годы и сохранялся на протяжении всей его творческой деятельности. Первый том Полного собрания сочинений (ПСС) открывается «курсовой работой» («специменом») Ломоносова «Работа по физике о превращении твердого тела в жидкое в зависимости от движения предсуществующей жидкости», выполненной в 1738 г., а третий том завершается «Заметками к „Системе всей физики“ и „Микрологии“, датируемыми 1763—1764 гг. М. В. Ломоносов был направлен в Марбургский университет для обучения химии и горному делу. Весной 1738 г., когда Академия наук потребовала от него и его товарищей Д. И. Виноградова и Г. У. Райзера в точном соответствии с инструкцией, полученной ими при отправке за границу, представить «какую-нибудь диссертацию или экспромт, или вообще сочинение написанное, но не напечатанное»,³ он слушал у Христиана Вольфа курс теоретической физики (а осенью 1738 г. — лекции по экспериментальной физике), и первая его научная работа была написана на физическую тему, заданную, скорее всего, Х. Вольфом (такое условие содержалось в процитированном выше письме президента Академии наук Корфа). Любопытен и такой факт: к рапорту студента Ломоносова кроме физиче-

---

¹ Ломоносов. Краткий энциклопедический словарь / Ред.-сост. Э. П. Карпеев. СПб., 1999. С. 205.

² Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. В 10 т. М.; Л., 1950—1983. Т. 1. С. 424 (далее — ПСС).

³ ПСС. Т. 1. С. 539.

ской диссертации был приложен и его перевод оды Фенелона (теорию стихосложения Ломоносов изучал в Марбурге самостоятельно): так в душе великого помора началось соревнование между «физиком» и «лириком».

Марбургский университет был не первым высшим учебным заведением, в котором учился Ломоносов. Уйдя из дому и отправившись в Москву, он поступил в Славяно-греко-латинскую академию, где доучился до предпоследнего класса — философии, а затем был отправлен в Петербург в Академический университет, так и не приступив к занятиям в завершающем классе — богословии. В Славяно-греко-латинской академии Ломоносов изучал латинский язык, славянскую грамматику, получил основные знания по географии, истории, арифметике и катехизису, занимался латинской и русской поэзией, риторикой. В «высшем классе» — философии — он изучал логику, физику и метафизику. Современный ломоносовед Э. П. Карпеев пишет: «Школа накладывает неизгладимый отпечаток на мировоззрение ученого, на его научные и даже жизненные установки, поэтому важно понять, как проявилась в деятельности Ломоносова каждая из школ. При этом нужно учитывать, что, во-первых, в его жизни Славяно-греко-латинская академия была первой школой, в ней он учился, по всей вероятности будучи еще не полностью сложившимся молодым человеком, и, во-вторых, здесь он получил гуманитарное образование, основанное на традиционных и привычных русскому человеку ценностях».⁴

Переход в Марбургский университет означал для Ломоносова и его товарищей скачок на несколько столетий. «На Ломоносова буквально ошеломляющее действие произвело знакомство с современными естественными науками, в первую очередь с физикой и химией».⁵ Снять «когнитивный диссонанс» Ломоносову помогла популярная в то время на Западе «теория двух книг». В наши дни, когда «линию демаркации» между наукой и религией нарушают «научные креационисты» и «религиозные фундаменталисты», с меньшей, чем в XVIII в., актуальностью звучат слова Ломоносова, убежденного сторонника православной веры и энтузиаста научного знания: «Создатель дал роду человеческому две книги. В одной показал свое величество, в другой — свою волю. Первая — видимый сей мир, им созданный, чтобы человек, смотря на огромность, красоту и стройность его зданий, признал божественное свое могущество, по мере себе дарованного понятия. Вторая книга — священное писание. В ней показано создателево благоволение к нашему спасению. В сих пророческих и апостольских богодохновенных книгах истолкователи и изъяснители суть великие церковные учителя. А в одной книге сложения видимого мира сего суть физики, математики, астрономы и прочие изъяснители божественных, в натуру влияющих действий суть таковы, каковы в одной книге пророки, апостолы и церковные учителя. Нездраворассудителен математик, ежели он хочет божескую волю вымерять циркулом. Таков же и богословия учитель, если он думает, что по псалтире научиться можно астрономии и химии».⁶

Марбургский учитель Ломоносова Х. Вольф был одним из самых известных философов и ученых XVIII в. Ученик Г. В. Лейбница, получивший по его рекомендации кафедру в университете г. Галле, Х. Вольф заслужил своими

---

⁴ Карпеев Э. П. Русская культура и Ломоносов / Отв. ред. Т. М. Моисеева. СПб., 2005. С. 111.

⁵ Там же.

⁶ ПСС. Т. 4. С. 375.

лекциями, совмещавшими научную добросовестность и живое изложение, широкую популярность. Его книги имели грандиозный успех во всей Европе, а особенно в Германии, где его учение «стало основой немецкого Просвещения и даже национальной идеологией».⁷

Х. Вольф был энциклопедистом и систематиком. Он исповедовал «деистический объективизм». В области теории познания он представлял крайний рационализм, в методологии развивал и пропагандировал строгий логицизм. Философ-неокантианец В. Виндельбанд назвал его «бесстрашным логиком, учившим религии разума».⁸ Х. Вольф отвергал опору на авторитет как основу доказательства, и эту черту мировоззрения Вольфа высоко оценил Ломоносов, писавший о нем: «Мы кроме других его заслуг особливо за то благодарны, что тем ученых людей одобрил против Аристотеля, против себя самого и против прочих философов в правде спорить, и тем самым открыл дорогу к вольному философствованию и к вящему наук приращению».⁹

М. В. Ломоносов усвоил у Х. Вольфа не только принцип «вольного философствования», но и целый ряд методологических и общенаучных идей. Прежде всего, это возможность аксиоматического построения физики по образцу геометрии Евклида. Ломоносов считал Х. Вольфа автором «математического метода» в естествознании, хотя приоритет в аксиоматизации физики (не реализованной по сию пору) принадлежал Р. Декарту (Б. Спиноза применял «геометрический метод» еще шире: для изложения этики). В 1756 г. в рабочих заметках по теории света и электричества Ломоносов не без гордости вспоминал: «Сам создатель метода не раз одобрял мою твердость в нем. И старец удивлялся мне, тогда еще юноше».¹⁰ Не меньшее впечатление на марбургского студента производила систематичность профессора, широкая картина мира, представившая в вольфианской «натуральной философии».

Последний термин требует комментария. В наше время в философской литературе употребляется его сокращенный вариант «натурфилософия», под которым понимается «философия природы, особенностью которой является преимущественно умозрительное истолкование природы, рассматриваемой в ее целостности».¹¹ В XVII и XVIII вв. происходит выделение ряда отраслей естествознания (наиболее передовых, прежде всего механики и астрономии, а затем физики и химии) из натурфилософии, но «последняя все же мыслится в тесном единстве с ними. Не случайно главный труд Ньютона, формулирующий принципы механики и астрономии, называется «Математические начала натуральной философии».¹² Естествоиспытатели пытались избавиться от «умозрительности», но «целостность» оставалась привлекательной, во всяком случае для тех, про кого сейчас бы сказали, что он «философски настроен». Среди них оказался и Ломоносов, но вдохновителем в этом случае был не Вольф, а замечательный английский ученый Роберт Бойль. Р. Бойль был физиком и химиком,

---

⁷ Лазебный Л. И., Насонова Л. И. Вольфианский рационализм и тенденции рационализации русского менталитета // Философский век. Альманах. Вып. 3. Христиан Вольф и русское вольфианство / Отв. ред. Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. СПб., 1998. С. 132.

⁸ Там же.

⁹ ПСС. Т. 1. С. 423.

¹⁰ Там же. Т. 3. С. 259.

¹¹ Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. М., 1980. С. 235.

¹² Там же. С. 236.

открывателем «основного газового закона» (общеизвестного ныне закона Бойля—Мариотта), одним из тех, кто возродил древнюю традицию атомизма. Книжки Бойля, с которыми Ломоносов познакомился в период обучения в Германии, произвели на молодого Ломоносова еще более грандиозное впечатление, чем лекции Вольфа. В тех же заметках 1756 г. читаем: «С тех пор как я прочитал Бойля, овладело страстное желание исследовать мельчайшие частицы. О них я размышлял 18 лет.¹³ Амбициозный юноша не просто устремился вслед за «славным Робертом Бойлем», но поставил себе, скорее всего неосознанно, цель превзойти его. Отсюда столько рассыпанных по работам Ломоносова замечаний об «ошибках» Бойля, смущавших его коллег по Петербургской Академии наук: «Бойлево разделение корпускул на полушария не имеет места, так как разделенные корпускулы не были бы сферическими», «Остальные опыты прославленного автора (...) отнюдь не свободны от подозрения, так как сам автор при них не присутствовал, а их выполнение часто поручая какому-либо работнику»¹⁴ и, наконец заучивавшееся миллионами старшеклассников «славного Роберта Бойля мнение ложно, ибо без пропущения внешнего воздуха вес сожженного металла остается в одной мере».¹⁵

Между тем, встав на путь создания «корпускулярной философии», то есть объяснения явлений (говоря современным языком) физики конденсированного состояния на основе механики микрочастиц (на языке Ломоносова — «нечувствительных» частиц), избежать «умозрений» было невозможно. Корпускулы (они же атомы, они же «физические монады») были «ненаблюдаемы» и относительно них необходимо было выдвигать гипотезы. На первой же странице второй студенческой диссертации Ломоносова обнаруживаем:

«Присовокупление II

§ 3. Корпускулы совершенно недоступны для зрения (§ 1), поэтому свойства их и способ взаимного расположения должно исследовать при помощи рассуждения».¹⁶

Через несколько лет в черновых записях уже не студента, а адъюнкта физики та же мысль выражена намного эмоциональнее: «Сколь трудно полагать основания! Ведь [при этом] мы должны как бы одним взглядом охватывать совокупность всех вещей, чтобы нигде не встретилось противоположений. Сравнить с делением и извлечением корней кубических и более высоких степеней».¹⁷ Отметив сложные отношения адъюнкта с математикой, продолжим цитату: «Я, однако, отваживаюсь здесь на это, опираясь на положение или изречение, что природа крепко держится своих законов и всюду одинакова». Этот методологический принцип, судя по ссылке в незаконченной работе «Опыт теории о нечувствительных частицах тел и вообще о причинах частных качеств», Ломоносов извлек из «Математических начал натуральной философии» И. Ньютона. На этом принципе основана теория тяготения Ньютона, одинаково применимая и к падению камней вблизи поверхности Земли и к движению небесных тел.

Первой опубликованной работой М. В. Ломоносова по физике оказалась работа методическая и тесно связанная с именем его учителя — Христиа-

¹³ ПСС. Т. 3. С. 241.

¹⁴ Там же. Т. 2. С. 47.

¹⁵ Там же. Т. 10. С. 392.

¹⁶ Там же. Т. 1. С. 25.

¹⁷ Там же. С. 135.

на Вольфа. В ПСС она именуется: «Вольфианская экспериментальная физика с немецкого подлинника на латинском сокращенная, с которого на российский язык перевел Михайло Ломоносов, императорской Академии наук член и химии профессор». «Вольфианская экспериментальная физика» стала первым учебником по экспериментальной физике на русском языке.

В 1744 г. молодой адъюнкт физики читал курс лекций двум студентам академического университета, будущим академикам С. К. Котельникову и А. П. Протасову. В качестве учебного пособия Ломоносов рекомендовал им сочинение Л. Ф. Тиммига «Основания Вольфианской философии, составленные для академического использования». Однако этой книги в академической лавке не нашлось, и Ломоносов решил перевести шестой раздел известного ему труда (очевидно, имевшегося в его личной библиотеке) на русский язык. Закончив перевод, адъюнкт из тактических соображений не стал представлять его в Академию наук, а, посвятив книгу графу М. И. Воронцову, передал ему рукопись. Воронцов направил рукопись в Сенат, откуда она и поступила на экспертизу в Академию. Рецензентом был назначен академик И. Г. Гмелин, сделавший несколько замечаний, но в целом высоко оценивший работу М. В. Ломоносова. 17 сентября 1745 г. Сенат постановил напечатать книгу и предписал «притом Ломоносову на русском диалекте читать лекции».¹⁸

Ломоносов написал «Программу» курса¹⁹ (на самом деле это было краткое извещение о будущих лекциях), разосланную «в Кадетский Корпус, в Канцелярию главной артиллерии и фортификации и в Медицинскую канцелярию».²⁰ 20 июня 1746 г. в присутствии президента Академии наук К. Г. Разумовского была прочитана первая лекция. После трех первых лекций курс прервался в связи с отъездом президента и был возобновлен в августе. Историки не располагают сведениями о том, сколько времени продолжались лекции Ломоносова и много ли было у него слушателей, но косвенным свидетельством популярности курса экспериментальной физики является то, что в марте 1747 г. потребовалось допечатать еще 600 экземпляров книги.

С «Вольфианской экспериментальной физикой» связано и первое упоминание М. В. Ломоносова в зарубежной научной литературе, которое «относится к 1746 г., когда в изданиях Эрлангена и Геттингена появились сообщения о том, что „Ломоносов намерен читать курс лекций по экспериментальной физике Вольфа“».²¹

Основное значение перевода Ломоносова заключалось в том, что он создал русскую научную терминологию в области физики, заложил основы русского научного языка. В предисловии к своему переводу Ломоносов писал: «Сверх сего (пояснения темных мест «сократителя» Л. Ф. Тиммига. — Э. Т.) принужден я был искать слов для наименования некоторых физических инструментов, действий и натуральных вещей, которые хотя сперва покажутся странны, однако надеюсь, что они со временем чрез употребление знакомее будут».²² Любопытно заметить, что — по известным свойствам русского языка — легче прижились в качестве терминов иностранные слова, иногда в видоизме-

¹⁸ Там же. С. 580.

¹⁹ Там же. С. 531—536.

²⁰ Там же. С. 594.

²¹ *Городинская Р. Б.* Ломоносов в немецкой литературе XVIII в. / Ломоносов. Сб. статей и материалов. Т. 9 / Отв. ред. Э. П. Карпеев. СПб., 1991. С. 125.

²² ПСС. Т. I. С. 425.

ненной орфографии (например, гигрометр и гигроскоп вместо игрометра и игроскопа), чем русские «кальки» (вместо «лествицы» Ломоносова в русском языке закрепилась «шкала»).

В 1760 г. вышло в свет второе издание «Вольфианской экспериментальной физики». Оно потребовалось в связи с тем, что первое полностью разошлось, к тому же переводчиком Академии наук Борисом Афанасьевичем Волковым был подготовлен перевод седьмого раздела книги Тьюммига под названием «Вольфианская теоретическая физика». Обе книги были изданы одновременно.

Диссертация «Размышления о причине теплоты и холода» — одно из основных сочинений Ломоносова в области физики. Первая редакция «Размышлений» была написана в том же 1744 г., когда Ломоносов перевел «Экспериментальную физику», и представлена в Конференцию Академии наук 7 декабря этого года. 21 и 25 января 1745 г. работа была прочитана автором на заседании Конференции, после чего состоялось ее обсуждение. Аргументация, с помощью которой ответственность за теплоту была возложена автором на вращательное движение «нечувствительных» частиц (а поступательное и колебательное движения были от этой ответственности освобождены), показалась критикам не вполне убедительной. Кроме того, был отмечен недостаток пиетета по отношению к Роберту Бойлю: «Г-ну адъюнкту было также указано, чтобы он не старался поносить Бойля, весьма знаменитого в ученом мире, выбирая из его сочинений именно те места, в которых тот несколько поддается воображению, и обходя молчанием очень много других мест, в которых он дает образцы глубокой учености. Г-н адъюнкт уверил, что он это сделал без умысла».²³

Приведем краткое изложение «Размышлений». В § 1 на простых примерах автор демонстрирует, что «необходимо, чтобы достаточное основание теплоты заключалось в движении какой-то материи».²⁴ В следующих параграфах устанавливается, что «сие движение есть внутреннее, то есть в теплых и горячих телах движутся нечувствительные частицы, из которых состоят сами тела».²⁵ В § 6 движение нечувствительных частиц подразделяется на поступательное, вращательное и колебательное и автор ставит перед собой задачу определить, какое из этих движений является причиной теплоты. В первоначальном варианте работы (1744 г.) необходимость такого выбора объясняется на основе слишком широко толкуемого «принципа законопостоянства» (со ссылкой на Ньютона):

«А так как теплота, поскольку она является теплотой, есть единое и всегда одинаковое явление природы, она должна иметь единую и всегда одинаковую ближайшую причину и, следовательно, не может происходить от совершенно различных движений».²⁶ Приняв этот постулат, Ломоносов отбрасывает поступательное движение как не имеющее место в твердых телах (опытное обоснование: кипящая вода «не отделяет» атомы стенки серебряного сосуда). Дискриминации колебательного движения посвящен § 10: «Из определения внутреннего колебательного движения (§ 6) ясно видно, что при таком движении частицы тел не могут быть в сцеплении друг с другом. Хотя расстояния, в кото-

²³ Там же. Т. 2. С. 648.

²⁴ Там же. С. 9.

²⁵ Там же. С. 59.

²⁶ Там же. С. 71.

рых совершаются их крайне малые колебания, весьма незначительны, однако невозможно, чтобы при этом частицы не лишались взаимного касания и по большей части не оказывались вне его. Для ощутительного сцепления частиц тела требуется непрерывное взаимное соприкосновение их; следовательно, частицы тела не могут находиться в ощутительном сцеплении, если они сотрясаются внутренним колебательным движением. Но так как большинство тел при нагревании до огненного колебания сохраняют очень сильное сцепление частей, то очевидно, что теплота не происходит от внутреннего колебательного движения связанной материи».²⁷

Отвергнув поступательное и колебательное движения корпускул как причину теплоты, Ломоносов с помощью метода исключения приходит к выводу: «*теплота состоит во внутреннем вращательном движении (...)* связанной материи» (курсив Ломоносова). В качестве первого следствия этого утверждения автор приходит к заключению о том, что частицы материи представляют собой твердые шары: «Для нашего теплотворного движения самой подходящей является шарообразная форма корпускул материи, так как такие частицы могут взаимно касаться только в одной точке и не производят по отношению друг к другу почти никакого трения».²⁸ Согласно реферату самого Ломоносова, «в § 14—25 для вящего доказательства авторовой теории предложены и истолкованы 14 свойств и перемен, которые теплота показывает».²⁹ Среди явлений, которые объясняет теория Ломоносова, находим нагрев твердого тела трением и невозможность нагрева трением жидкости, нагревание железа при ковке, уменьшение твердости при нагревании, плавление и испарение. В § 26 Ломоносов затрагивает вопрос о тепловом расширении тел, но откладывает его рассмотрение, поскольку считает, что для его полного объяснения требуется связать явление теплоты с явлением упругости воздуха, «включенного в поры тела».³⁰ В этом же параграфе содержится, на наш взгляд, самый яркий результат кинетической теории тепла Ломоносова: предсказание существования абсолютного холода: «Далее нельзя назвать такую большую скорость движения, чтобы мысленно нельзя было назвать другую, еще большую. Это по справедливости относится, конечно, и к теплотворному движению; поэтому невозможна высшая и последняя степень теплоты как движения. Наоборот, то же самое движение может настолько уменьшиться, что тело достигает, наконец, состояние совершенного покоя и никакое дальнейшее уменьшение движения невозможно».³¹ В следующем параграфе автор поясняет, что «высшей степени холода на нашем земноводном шаре не существует».³² В § 28—34 Ломоносов опровергает современные ему взгляды на природу теплоты, связанные с гипотезой о теплотворной материи. «В § 35 кратко объявлено, что и такой особой материи нет, которая бы своим присутствием стужу производила».³³

Если «взять за скобки» приписывание причины теплоты именно вращательному движению частиц материи, «ошибки», характерной для переходного этапа физики от натурфилософии к науке, то нельзя не согласиться с оценкой

²⁷ Там же. С. 21.

²⁸ Там же. С. 23.

²⁹ Там же. С. 59.

³⁰ Там же. С. 37.

³¹ Там же. С. 37—39.

³² Там же. С. 39.

³³ Там же. С. 61.

Краткого энциклопедического словаря, характеризующего «Размышления о причинах теплоты и холода» как «работу, в которой Ломоносов последовательно и логически стройно излагает свое, основанное на разрабатываемой им теории строения вещества, представление о теплоте».³⁴ Это была одна из первых в истории науки молекулярно-кинетическая теория тепловых процессов. Сам Ломоносов высоко оценивал «Размышления». Составляя в 1764 г. «Обзор важнейших открытий, которыми постарался обогатить естественные науки Михайло Ломоносов», он поместил на первое место объяснение причин теплоты и холода, которым «устраняются смутные домыслы о некоторой бродячей, беззаконно скитающейся теплотворной материи».³⁵

Основные положения «Размышлений» были включены Ломоносовым в Прибавления ко второму изданию «Вольфианской экспериментальной физики». Но прежде чем удостоиться такой самооценки, «Размышлениям» и их автору пришлось пройти через серьезные испытания.

Два с половиной года диссертация пролежала без движения. Летом 1747 г. в Академии наук встал вопрос о подготовке к печати очередного тома «Комментариев». В числе других работ петербургских ученых, ожидавших очереди, чтобы быть напечатанными, были две работы Ломоносова: «Размышления о тепле и холоде» и «Диссертация о действиях химических растворителей вообще». 7 июля 1747 г. президент АН К. Г. Разумовский, советник канцелярии АН И. Д. Шумахер и ассессор Канцелярии Г. Н. Теплов подписали указ, в четвертом пункте которого говорилось: «Пиесы профессоров Ломоносова и Рихмана списавши послать к почетным Академии членам Эйлеру, Бернулию и к другим, какое об оных мнение дадут и можно ли оные печатать, ибо о сем деле из здешних профессоров ни один рассудить довольно не в состоянии». Ломоносов, по всей вероятности, не знал об указе 7 июля и до конца жизни считал, что отправка его диссертации Эйлеру была результатом происков Шумахера, отношения с которым были у Ломоносова в это время весьма не дружественными (эту версию поддерживал тогда и Теплов). Тем более был обрадован Михаил Васильевич не просто благожелательному, но даже хвалебному отзыву лидера тогдашней науки. О характере оценки Эйлером работ Ломоносова можно судить по строкам, взятым в качестве эпиграфа к настоящей статье.

Безоговорочная поддержка Эйлером кинетической теории теплоты Ломоносова удивляет и современных историков науки, поскольку сам Эйлер держался гипотезы теплорода. В 1738 г. Парижской академией была удостоена премии представленная на конкурс работа «Огонь, его природа и свойства», в которой он защищал теорию «огненной материи».³⁶ Благожелательный отзыв Эйлера о работе Ломоносова и особенно фраза «Я совершенно уверен в справедливости его изъяснений»³⁷ породили в свое время утверждение о переходе Эйлера на позиции кинетической теории. Выдающийся физик-теоретик и историк науки Я. Г. Дорфман достаточно убедительно опроверг этот взгляд, приведя цитаты из работ Эйлера, написанных после 1746 г.; при этом Дорфману пришлось приписать одобрение Эйлером работы Ломоносова профессиональной

³⁴ Ломоносов. Краткий энциклопедический словарь. С. 155.

³⁵ Там же. С. 121.

³⁶ Дорфман Я. Г. Физические воззрения Леонарда Эйлера // Леонард Эйлер. Сб. статей в честь 250-летия со дня рождения, представленных Академии наук СССР / Ред. М. А. Лаврентьев. М.; Л., 1958. С. 382.

³⁷ См.: Там же. С. 383.

солидарности: «Однако после всех приведенных выше цитат мы считаем, что этот торжественный отзыв, как и все ему подобные другие отзывы Эйлера, не следует понимать чересчур буквально. Эйлер относился благожелательно к Ломоносову и, хорошо зная тогдашние порядки в Петербургской академии, в ответ на назойливые, диктуемые интригами запросы управляющего Академией Шумахера писал такие отзывы, которые должны были гарантировать Ломоносова от неприятных случайностей».³⁸

Итак, по Дорфману, Эйлер поставил симпатии к Ломоносову выше научной принципиальности. Суждение это не выдерживает критики: во-первых, последствием положительного отзыва была открытая публикация работы Ломоносова, и Эйлеру хватило бы ума и жизненного опыта, чтобы «не подставляться», рекомендуя плохую работу; во-вторых, Эйлер продолжал писать одобрительные рецензии на работы Ломоносова и тогда, когда Ломоносов, получив чин коллежского советника (март 1751 г.), стал чином выше всех академиков и Шумахер стал для него неопасен.

В 1753 г. Ломоносов написал «Слово о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих»³⁹ и содержавшие некоторые дополнения к нему «Изъяснения»,⁴⁰ необходимость которых возникла у него в связи с несогласием профессоров А. Н. Гришова, Н. И. Попова и И.-А. Брауна с некоторыми из положений, высказанных в самом «Слове».⁴¹ Когда «Слово» и «Изъяснения» были напечатаны, Шумахер послал их в Берлин к Эйлеру с просьбой высказать свое мнение. В ответном письме Эйлер не только дает очередной одобрительный отзыв, но подробно мотивирует его, высказывая свои взгляды на методологию физики: «Сочинения господина Ломоносова об этом предмете я прочел с высочайшим удовольствием. Данные им относительно столь внезапного возникновения стужи и происхождения последней от верхних слоев воздуха в атмосфере объяснения я считаю совершенно основательными. Недавно я сделал подобные же выводы из учения о равновесии атмосферы. Прочие предложения столь же остроумны, сколь и правдоподобны, и свидетельствуют о счастливом даровании господина автора к распространению истинного познания естествознания, чему образцы, впрочем, он и прежде представил в своих сочинениях. Ныне таковые умы весьма редки, так как большая часть остаются только при опытах, почему и не желают пускаться в рассуждения; другие же впадают в такие нелепые толки, что они в противоречии всем началам здравого естествознания. Поэтому предположения господина Ломоносова тем большую имеют цену, что они удачно задуманы и правдоподобны. Отсюда вовсе не следует, что они были вполне доказаны, потому что дальнейшие исследования — согласуются ли с истиной или нет — приведут нас к желанной цели. Все, что мы теперь знаем достоверно в физике, было первоначально окружено только догадками, и если бы мы никогда не допускали таковых, даже ложных, то мы бы не достигли истины. Сам господин автор не выдает своих предположений за абсолютные истины, а поэтому и Академии не следует признавать их таковыми. Между тем каждый может ранее принять в том участие, видя, что предположения не отвер-

---

³⁸ Там же. С. 383.

³⁹ ПСС. Т. 3. С. 15—99.

⁴⁰ Там же. С. 101—133.

⁴¹ Ченакал В. Л. Эйлер и Ломоносов (к истории их научных связей) // Леонард Эйлер. Сб. статей в честь 250-летия со дня рождения... С. 423—463.

гаются без дальнейших рассуждений, а найдены достойными дальнейших изысканий. Это, как мне кажется, и имел в виду господин профессор Гришов в своем ответе, и я не нашел в нем ничего такого, чтобы мог принять в худую сторону господин Ломоносов».⁴²

Как видим, Эйлер подчеркивает «основательность» объяснений Ломоносова, то есть отсутствие в них противоречий с установленными фактами наиболее передовой части физики — механики. Он относит Ломоносова к небольшой группе физиков-теоретиков и противопоставляет его авторам «нелепых толков». Великий математик отчетливо формулирует необходимость гипотетико-дедуктивного метода в физике; более того, современный философ науки увидит в этом письме намек на «фальсифицируемость» теории (способность быть опровергнутой) как неотъемлемый признак ее научности. Даже Ньютон, чье знаменитое «гипотез не измышляю» относилось к гипотезам о причине тяготения, в работах, посвященных строению вещества, без последних обойтись не мог: «При размышлении о всех этих вещах мне кажется вероятным, что Бог вначале дал материи форму твердых, массивных, непроницаемых, подвижных частиц таких размеров и фигур и с такими свойствами и пропорциями в отношении к пространству, которые более всего подходили бы к той цели, для которой он создал их. Эти первоначальные частицы, являясь твердыми, несравнимо тверже, чем всякое пористое тело, составленное из них, настолько, что они никогда не изнашиваются и не разбиваются в куски. Никакая обычная сила неспособна разделить то, что создал Бог при первом творении».⁴³

В своем письме Шумахеру от 18 декабря 1753 г. Эйлер дает ответ и на инвективы, которые историк науки выдвигает против него и его современников двести лет спустя. Это обвинения в так называемых «ошибках». «... Там, где он не видел возможности продвижения вперед ни математическим, ни экспериментальным путем, там Эйлер, влекомый жаждой понять и наглядно представить себе сущность явления, не останавливался перед самыми смелыми гипотезами, перед самыми головокружительными, рискованными домыслами.

Здесь он давал волю своему истинно художественному воображению. Нередко при этом он, однако, делал грубые промахи, упущения. Многие гипотезы, казавшиеся ему правдоподобными или даже не вызывавшие у Эйлера ни малейшего сомнения, впоследствии оказывались несостоятельными. <...>

На эти обстоятельства неизбежно обращают внимание почти все исследователи физических трудов того времени. Перед историком науки встает серьезный вопрос, чем объясняется тот факт, что столь выдающиеся умы, как Эйлер, Ньютон, Ломоносов и многие другие, допускали в своих трудах не только фантастические идеи, но даже ошибки и упущения, которые несомненно могли бы быть замечены современниками?»⁴⁴

Я. Г. Дорфман приводит четыре причины появления таких «ошибок» и неспособности «научной общественности корректировать действия отдельного ученого».⁴⁵ Это, во-первых, малочисленность крупных специалистов, их «рассеянность по разным странам» и «крайне слабая связь друг с другом»; во-вто-

⁴² Цит. по: Ченакал В. Л. Эйлер и Ломоносов... С. 438.

⁴³ Ньютон И. Оптика, или трактат об отражениях, преломлениях, изгибаниях и цветах света. М., 1954. С. 303.

⁴⁴ Дорфман Я. Г. Физические воззрения... С. 408—409.

⁴⁵ Там же. С. 409.

рых, привилегированные условия существования ученых под «высоким покровительством»; в-третьих, руководство научных коллективов со стороны «полуграмотных „меценатов“» или их чиновных управителей и, наконец, в-четвертых, медленная публикация книг и журналов и низкий уровень книжной торговли.

Все отмеченные Я. Г. Дорфманом факторы действительно имели место, но они, на наш взгляд, не дают объяснения «фантастическим идеям, ошибкам и упущениям» гигантов науки XVIII в. Объяснения Дорфмана опровергаются очевидным контрпримером. Все перечисленные им обстоятельства имели место не только по отношению к физике, но и по отношению к механике (включая небесную механику), астрономии и математике, но нисколько не мешали развитию этих наук. Ответ на возникающее противоречие легко может быть найден в знаменитом «законе неравномерности развития», позаимствованном «методологическим анархистом» Полом Фейерабендом у К. Маркса и В. И. Ленина и перенесенном им в методологию науки под именем «неравномерного развития различных частей науки».⁴⁶ Физика XVIII в. переживала мучительный переход из донаучной, натурфилософской стадии в научную, ее понятийный и экспериментальный инструментарий были еще очень бедны. «Ложные догадки» были неизбежны, и Леонард Эйлер оказался прав, утверждая, что без них «мы не достигли бы истины». Сам Я. Г. Дорфман в конце своей глубокой и интересной статьи возвращается к «принципу историзма»: «Нельзя также ни на минуту забывать, что если нам сейчас так отчетливо видна известная наивность некоторых физических идей Эйлера (Декарта, Ньютона, Ломоносова. — Э. Т.), если нас поражает его „недогадливость“, то происходит это потому, что мы смотрим на его (их. — Э. Т.) деятельность с высот науки второй половины XX в. (начала XXI в. — Э. Т.)». Между тем проверить справедливость суждений Я. Г. Дорфмана о «робости и запоздалости» научной дискуссии середины восемнадцатого столетия мы теперь можем на конкретном примере споров вокруг кинетической теории теплоты М. В. Ломоносова.

Еще в середине прошлого века считалось, что естественнонаучные труды Ломоносова были неизвестны за пределами России. Положение изменилось в 50—70-е гг., когда появилось довольно много работ советских и немецких историков науки по проблеме оценки творчества Ломоносова «за рубежом вообще и в Германии XVIII века в частности».⁴⁷

Вышедший в 1750 г. первый том журнала Петербургской Академии наук «Новые комментарии», в котором были опубликованы работы Ломоносова «Размышления о причине теплоты и холода», «Опыт теории упругости воздуха», «О действии химических растворителей», «О движении воздуха в рудниках», был сразу же отреферирован лейпцигским журналом «Нойер Цайтунген фон Гелертен Захен». В сообщении были перечислены с небольшими комментариями все названные работы Ломоносова. В 1751 г. журнал «Гамбургше Магазин» сообщил о содержании того же тома и прорецензировал опубликованные в нем статьи, включая работы Ломоносова. В 1752 г. в двух лейпцигских и одном геттингенском журнале появились анонимные рецензии, подвергавшие резкой критике «Размышление о причине теплоты и холода» и «Опыт

⁴⁶ Фейерабэнд П. Избранные труды по методологии науки. Пер. с англ. и нем. / Общ. ред. и вступ. ст. И. С. Нарский. М., 1986. С. 286—288.

⁴⁷ Горюшинская Р. Б. Ломоносов в немецкой литературе... С. 125.

теории упругости воздуха». Наконец, в 1754 г. в Эрлангенском университете магистр Иоганн Христиан Арнольд, «желая занять место доцента физики (...)» защитил диссертацию «О невозможности объяснить теплоту посредством вращательного движения частиц тела вокруг их очей». ⁴⁸

По нынешним временам Ломоносов должен был испытывать «глубокое внутреннее удовлетворение»: у него был «высокий индекс цитирования», он вызвал международную научную дискуссию. Но бурный темперамент Ломоносова вызвал совершенно другую реакцию. В письме Эйлеру от 28 ноября 1754 г. он пишет: «К тому же меня тревожит наглость рецензентов, которые с язвительностью Теона наперерыв терзают мои рассуждения, когда как они Вами рассмотрены и одобрены Вашим авторитетным приговором». ⁴⁹ Письмо Эйлеру было сопроводительным письмом, при котором Ломоносов направил статью «Рассуждения об обязанностях журналистов при изложении ими сочинений, предназначенное для поддержания свободы философии». ⁵⁰ Он предложил Эйлеру организовать публичный диспут на основе этой статьи.

«Будучи более опытным в делах, касавшихся того, как следует реагировать на различного рода нападки критиков, Эйлер отнесся к этому взволнованному письму Ломоносова (...) довольно спокойно. В письме к конференц-секретарю Петербургской Академии наук академику Г.-Ф. Миллеру он пишет: «Меня это дело тем менее удивляет, что я уже привык видеть, как жестоко все мои сочинения и издания здешней Академии отделяются лейпцигскими и гамбургскими рецензентами, в чем немалое участие принимает, кажется, господин Кестнер, не умеющий держать в узде своего сатирического духа. Волноваться из-за этих людей значило бы тратить попусту время, тем более что они еще хвалятся, когда видят, что на них досадают. Но господин Формей хочет защитить Ломоносова в своем журнале». ⁵¹ Через 10 дней Эйлер ответил и Ломоносову, повторив в своем письме и рассказ о личном опыте взаимодействия с «жестокими» и «язвительными» рецензентами, и предположение о роли Кестнера, и упоминание о возможности защиты с помощью Формея. Идею публичного диспута Эйлер отвергает: «Предложение Вашего высокородия о проведении Вашей защиты путем диспута в каком-либо университете я бы затруднился осуществить, и подобный диспут, как и большинство ему подобных, навсегда остался бы в неизвестности и не был бы отмечен никем из пишущих в журналах». ⁵² Мнение Эйлера подтверждается историей диссертации Арнольда. По сведениям, приводимым Р. Б. Городинской, «диссертацию Арнольда не удалось обнаружить ни в одной библиотеке. С ней можно познакомиться только по отчету «в гамбургском журнале „Штаатс унд Гелерте Цайтунг“, который неоднократно приводился в литературе о Ломоносове». ⁵³ Прав в этом вопросе оказался и Дорфман: дискуссия о молекулярно-кинетической теории Ломоносова, к сожалению, в самом деле была «робкой». Что касается Эйлера, то он «сделал все зависящее от него для выполнения его (Ломоносова) просьбы. Еще до написания цитированного письма он попросил секретаря Берлинской академии И.-Г.-С. Формея опубликовать присланное Ломоносовым „Рассужде-

⁴⁸ Ченакал В. Л. Эйлер и Ломоносов... С. 444.

⁴⁹ ПСС. Т. 3. С. 540.

⁵⁰ Там же. С. 201—232.

⁵¹ Цит. по: Ченакал В. Л. Эйлер и Ломоносов... С. 446.

⁵² Там же. С. 408—409.

⁵³ Городинская Р. Б. Ломоносов в немецкой литературе... С. 132.

ние об обязанностях журналистов“ в издававшемся в эти годы Формеем научно-критическом журнале на французском языке „Новогерманская библиотека“ (...). Формей выполнил эту просьбу. В течение первых трех месяцев 1755 г. он перевел эту статью Ломоносова на французский язык и опубликовал ее в „Nouvelle Bibliotheque Germanique ou Histoire litte'raire del' Allemagne, de la Suisse et des Pays du Nord“ (Tom sezieme. Seconde Partie, Amsterdam, 1755, стр. 343—366).⁵⁴ К сожалению, Ломоносов, который в письме Эйлеру настаивал на конфиденциальности, сам не соблюл ее и опубликовал ответ Эйлера, содержащий нелестный отзыв о А. Г. Кестнере в майском номере петербургского журнала «Литературный Хамелеон» за 1755 г., «позабыв», что Эйлер за год до того рекомендовал «язвительного» Кестнера на должность профессора физики и механики Петербургской Академии наук. Эйлер обиделся, переписка между ним и Ломоносовым прекратилась на несколько лет, чему способствовала и начавшаяся Семилетняя война.

В «Слове о природе света» Ломоносов решительно встал на позиции волновой теории света, принадлежащей «Гугению» (Христиану Гюйгенсу), против «теории истечения» Исаака Ньютона. Причиной света является «зыблющееся» (колебательное) движение эфира, аналогично звуку, являющемуся колебательным движением воздуха. «Что же касается причины цветов, то Ломоносов объясняет их появление следующим образом: заполняющий мировое пространство эфир состоит из шарообразных частиц трех диаметров — большого, среднего и малого. Частицы имеют на своей поверхности выступы и впадины (...) совпадающие, если они имеют одинаковый диаметр. Согласно выдвинутому Ломоносовым принципу „овмещения частиц“, в зацепление входят только частицы одного диаметра (он называет их «совместными»), а частицы разных диаметров войти в зацепление не могут (они, по терминологии Ломоносова, «несовместные»), а поэтому не могут и согласно двигаться».⁵⁵ Свет каждого «главного цвета» распространяется по соответствующим частицам эфира: «от первого рода эфира происходит цвет красный, от второго — желтый, от третьего — голубой». За поддержкой теории трех основных цветов Ломоносов обращается к «славному физику и трудолюбивому испытателю природы цветов Мариотту (...) который не опровергнуть, как некоторые думали, но исправить Невтонову теорию о разделении света преломлением лучей на цветы старался и только утвердить, что в натуре три, а не семь главных цветов».⁵⁶ На риторический вопрос Краткого энциклопедического словаря «на что же природе лишние цвета?»⁵⁷ Ломоносов приготовил ответ: «Прочие цветы рождаются от слияния первых».⁵⁸

Настоящая причина появления в теории Ломоносова трех главных цветов вместо семи кроется не в оптике (что бы стоило автору ввести семь сортов эфирных частиц?), а в химии. Со ссылкой на анонимных «знатнейших химиков» автор приводит список из пяти «первоначальных материй» (т. е. химических элементов), три из которых являются главными («действующими»), два — служебными («страждущими»). «Во первых полагают солярную, сер-

⁵⁴ Ченакал В. Л. Эйлер и Ломоносов... С. 448.

⁵⁵ Ломоносов. Краткий энциклопедический словарь. С. 181.

⁵⁶ ПСС. Т. 3. С. 334.

⁵⁷ Ломоносов. Краткий энциклопедический словарь. С. 182.

⁵⁸ ПСС. Т. 3. С. 332.

ную и ртутную материю; во вторых — чистую воду и землю». ⁵⁹ Чтобы избежать недоразумения, Ломоносов поясняет: «обыкновенную соль, серу и ртуть не почитают они <«знатные химики»> самыми первоначальными простыми и несмешанными материями, но токмо имена от них заимствуют для преимущества в них оных первоначальных материй». ⁶⁰ Теперь все готово для объединения теории эфира и теории «первоначальных материй» в одну систему: «Я приметил и через многие годы многими прежде догадками, после доказательными опытами с довольною вероятностию утвердился, что три рода эфирных частиц имеют совмещение с тремя родами действующих первоначальных частиц, чувствительные тела составляющих, а именно: первой величины эфир с соляною, второй величины со ртутною, третьей величины с серною или горючею первоначальною материею; а с чистою землею, с водою и воздухом совмещение тупо, слабо и несовершенно». ⁶¹

Построив грандиозную оптико-химическую систему, автор переходит к описанию ее «движения», с помощью которого объясняет ряд факторов, относящихся к процессу горения (с. 335), «делания чернил» (с. 340) и физиологии зрения («чувство зрения») (с. 336—337). Как известно, именно в физиологии зрения представление о трех основных цветах оказалось эффективным благодаря высказанной в начале XIX в. Т. Юнгом гипотезе о существовании в глазу трех видов приемников излучения, различающихся между собой по селективным свойствам. ⁶²

С теорией Ломоносова о происхождении света и цвета, по-видимому, был знаком великий немецкий поэт И. В. Гете, сам развивавший оригинальную (но вполне любительскую) теорию в этой области. ⁶³ Любопытно, что и у него были благожелатели, отговаривавшие его от занятий наукой и советовавшие сосредоточиться на поэзии. ⁶⁴

Рассматривая физические работы Ломоносова, нельзя обойти вопрос о законах сохранения, которым присвоено его имя. Великий ученый-физик и выдающийся организатор науки, президент АН СССР С. И. Вавилов в статье «Закон Ломоносова» («Правда» от 5 января 1949 г.) писал: «Значение и особенность начала, провозглашенного Ломоносовым, состояли не только в том, что этим началом утверждались законы сохранения и неуничтожимости материи, движения и силы в отдельности. Некоторые из этих истин издавна, еще в древности, угадывались передовыми умами». ⁶⁵ В одноименной статье ⁶⁶ указывается, что идея сохранения законов была высказана еще древними философами Индии, была воспринята в Древней Греции и через Аристотеля усвоена христианами богословами. В науку Нового времени идея законов сохранения пришла вместе с принципом баланса, возникшим в бухгалтерской практике XV в. ⁶⁷ Уже в конце XVI в. идея баланса «носилась в воздухе», «существовала на уров-

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же.

⁶² См., напр.: *Майзель С. О.* Основы учения о цветах. М.; Л., 1946.

⁶³ *Горюхинская Р. Б.* Ломоносов в немецкой литературе... С. 127.

⁶⁴ *Гете И. В.* Собрание сочинений. Т. 1. Стихотворения. М., 1975. С. 210, 211, 491.

⁶⁵ ПСС. Т. 3. С. 101—133.

⁶⁶ Ломоносов. Краткий энциклопедический словарь.

⁶⁷ *Чайковский Ю. В.* Становление статистического мировоззрения // *Метафизика и идеология в истории естествознания.* М., 1994. С. 62—107. С. 65.

не фольклора». М. Монтень, «развивая некую философию баланса»,⁶⁸ считал эту идею общепринятой: «...как полагают естествоиспытатели, зарождение, питание и рост каждой вещи есть в это же время разрушение и гибель другой»⁶⁹ и в качестве ссылки приводил цитату из Лукреция Кара. Как общепринятый воспринимал закон сохранения материи и движения и Ломоносов, когда он формулировал его в известном письме Эйлеру 1748 г.⁷⁰ и в работе 1760 г. «Рассуждение о твердости и жидкости тел».⁷¹ С. И. Вавилов в своей статье в «Правде» указывал в качестве основной заслуги нашего соотечественника придание этому закону сохранения всеобщего характера: «В отличие от своих предшественников, Ломоносов говорит о любых „переменах, в натуре случающихся“, об их общем сохранении, и только в качестве примеров он перечисляет отдельно взятые сохранение материи, сохранение времени, сохранение силы»...⁷² Нетрудно понять, что С. И. Вавилов рассматривал «закон», или «начало», Ломоносова как философский или методологический принцип, аналогичный упоминающемуся выше «принципу законопостоянства». Столь же очевидно, что наименование «закон Ломоносова» больше говорит о послевоенной эпохе «борьбы с космополитизмом», чем о положении в науке и философии XVIII в.

Освобождение Ломоносова от груза прописанных ему «универсальных законов» вызывает иногда... «обиду» на Ломоносова. Его обвиняют в «разбросанности», «жажде объять своей неумной энергией все». С. И. Романовский пишет: «Вне сомнения, у Ломоносова хватило бы дарований, займись он только физикой или химией, навсегда связать свое имя с конкретным научным открытием в одной из этих наук. Но он занимался сразу всем, а потому, ничего не открыв конкретно, он до многого самостоятельно додумался и многое „угадал“». (В. И. Вернадский). Но догадки, какими бы прозорливыми они ни были, еще не доказательства. Такие догадливые чаще выводят на верную тропу усердных экспериментаторов, и те аргументировано вписывают свое имя в историю науки, навсегда связав его с чем-то конкретным».⁷³ Тот же автор сочувственно цитирует видного американского историка науки Л. Грэхэма: «У него (Ломоносова) возникали блестящие идеи, но отсутствовала дисциплина; он неуверенно пользовался математикой и расплывал свои усилия по разным областям».⁷⁴ Мы отчетливо слышим голоса немецких рецензентов XVIII в., предлагавших Ломоносову (и Гете) сосредоточиться на поэзии. Но изменилось «направление» благожелательных советов: современные науковеды хотели бы, чтобы Ломоносов «занимался только физикой и химией» и «увереннее пользовался математикой».

Пристальное внимание к фигуре Ломоносова у автора «Притащенной науки» объясняется тем, что он использует известный из генетики «принцип основателя»: чтобы «разобраться» в «русских традициях в постижении научного

⁶⁸ Там же. С. 74.

⁶⁹ Монтень М. Опыты. В трех книгах. Книги первая и вторая. 2-е изд. М., 1979. С. 101.

⁷⁰ ПСС. Т. 2. С. 169—193.

⁷¹ Там же. Т. 3. С. 377—419.

⁷² Там же. С. 562.

⁷³ Романовский С. И. «Притащенная наука». СПб., 2004. С. 32.

⁷⁴ Грэхэм Лорен Р. Очерки истории российской и советской науки. М., 1998. С. 28—29.

знания»,⁷⁵ С. И. Романовский изучает того, кто «стал несокрушимым символом зарождавшейся русской науки».⁷⁶

Одной из особенностей русской науки (по С. И. Романовскому — «повреждений»), характерных и для ее основателя — Ломоносова, признается стремление к целостному знанию: «Мир для русского человека всегда был един и неделим, да и себя он ему не противопоставлял. Отсюда и желание обобщенной, „приближенной к жизни“ постановке научных проблем, стремление понять мир в его единстве. Западные же ученые завезли в Россию принципиально иной взгляд на мир и на науку».⁷⁷ К сожалению, для концепции С. И. Романовского стремление к целостному знанию (такая линия действительно существует в русской философии: А. Герцен — В. Соловьев — В. Вернадский) отнюдь не является принадлежностью только русского менталитета. Приведем пример высказывания западного ученого, по национальности австрийца, долгие годы работавшего в эмиграции в Ирландии. Это создатель квантовой механики Эрвин Шредингер. В предисловии к изданию своих знаменитых лекций по применению физических идей в биологии он писал: «Мы унаследовали от наших предков острое стремление к цельному, всеобъемлющему знанию. Само название высших институтов познания — университеты — напоминает нам, что с давних пор и на протяжении многих столетий универсальный характер знаний — единственное, к чему может быть полное доверие».⁷⁸ «Мы» в этой фразе — очевидное «общечеловеческое» местоимение.

Этого примера достаточно, чтобы показать, что тезис о «национальных корнях» и соответственно «ответственности» Ломоносова за идею универсального знания — явная натяжка.

Ломоносов и русская наука — чрезвычайно сложные и противоречивые явления, находившиеся в очень непростых отношениях с российским государством (русская наука находится в таких отношениях и по сию пору). Но и Ломоносов, и русская наука были и остаются частью мировой науки. В сложных условиях «догоняющей цивилизации» русская наука получила огромное количество результатов, обогативших мировую науку. Открывается этот список результатами Ломоносова (корпускулярная теория теплоты, предсказание «абсолютного холода», наблюдательное открытие атмосферы Венеры). Он стремился к универсальному знанию. Он «основал наш первый университет. Он сам был нашим первым университетом».

---

⁷⁵ Романовский С. И. «Притащенная наука». С. 31.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же. С. 32.

⁷⁸ Шредингер Э. Что такое жизнь? Физический аспект живой клетки. Ижевск, 1999. С. 9.

Г. И. СМАГИНА

**ПЕТЕРБУРГСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
В КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ
XVIII ВЕКА**

Основание Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге в 1724 г. было завершающим звеном в цепи культурных преобразований России первой четверти XVIII в. Академия наук должна была вывести страну на тот уровень научного и культурного развития, который соответствовал бы достигнутому ею в Петровское время политическому и экономическому положению. Академия наук, по замыслу Петра, была признана стать не только центром научной работы, но и центром развития образования и распространения знаний.

Первые академии в Европе возникли в эпоху Возрождения в XV—XVI вв. в Италии. На протяжении второй половины XVII в. они создаются в Англии и Франции, на рубеже XVII—XVIII вв. — в Германии, позже в Швеции.

Путешествуя по Голландии, Англии, Германии, Франции, Петр I получил самое общее представление о науке Нового времени, ее организационном оформлении, и у него зародилась мысль о создании Академии в России. Планы создания Академии обсуждались Петром с видными государственными деятелями России — В. Н. Татищевым, Ф. Прокоповичем, Л. Л. Блюментростом, Ф. С. Салтыковым и другими; в целом, они поддерживали его замысел. В их разработке приняли участие и известные европейские ученые Г. В. Лейбниц и Х. Вольф. Именно Лейбниц в ряде писем и записок, адресованных Петру I и его сподвижникам, предложил грандиозный план культурного строительства в России и высказал советы и рекомендации по организации науки, культуры и образования. Лейбницу удалось сформулировать ряд ключевых положений, которые не могли не повлиять на развитие научно-просветительских взглядов и представлений Петра.¹ Лейбниц рассматривал науку, культуру и образование

---

¹ Leibniz in seinen Beziehungen zu Rußland und Peter dem Großen: eine geschichtliche Darstellung dieses Verhältnisses nebst den darauf bezüglichen Briefen und Dankschriften / von W. Guerrier. St. Petersburg; Leipzig, 1873; *Richter L.* Leibniz und sein Russlandbild. Berlin, 1946; *Keller M.* Wegbereiter der Aufklärung: Gottfried Willheil Leibniz Wirken für Peter den Grossen und sein Reich // *Russen und Russland aus deutscher Sicht* 9.—17. Jahrhundert (West-östliche Spiegelungen / Hrsg. von Mechthild Keller unter der Leitung von Lew Ko-

во взаимодействии и тесном контакте. Он считал, что связи между ними очень подвижны, плодотворно ориентированы друг на друга и взаимодополняемы. Для развития и усовершенствования наук необходимо организовать школы, о которых должно заботиться государство.

По мнению Лейбница, важным этапом является основательная подготовка культурного развития страны: учреждение библиотек, книжных лавок, типографий, печатавших книги на русском и иностранных языках, ботанического сада, анатомического театра, обсерватории, организация музеев, кабинетов древностей и редкостей (при этом философ составляет подробный перечень предполагаемых экспонатов²). Для воспитания интереса к наукам он рекомендует перевести на русский язык какую-либо энциклопедию, описывающую всевозможные науки, искусства и ремесла.³ Полагая, что распространение наук и просвещения есть дело государственное, Лейбниц был уверен, что Петр как великий государь в этой области сможет избежать многих ошибок, допущенных ранее в Западной Европе (правда, он нигде не называет этих ошибок). В письмах к Петру I — а их контакты продолжались на протяжении почти двух десятилетий — он прежде всего показал необходимость создания специальной «Генеральной дирекции» (Generaldirection) как самостоятельного органа высшей администрации России по управлению образованием и наукой. В этом случае, писал Лейбниц, — «можно было совершать большие дела с небольшими затратами».⁴

Над планами создания академий в Европе Лейбниц трудился с 1668 г. и до конца своей жизни. Он считал, что академии необходимо открывать в больших княжеских центрах или крупных городах. Лейбниц разрабатывал планы академий для Пруссии, Саксонии, Австрии и России. Города, в которых предполагалось открыть академии, — Берлин, Дрезден, Санкт-Петербург — не были университетскими городами; Вена должна была получить академию как столица империи, несмотря на то что там был небольшой университет. И идеи Лейбница по организации высших научных учреждений надо рассматривать на основе всех его проектов. В его академических планах явно на одно из первых мест выдвигается просветительская миссия академий. Академии, по мысли Лейбница, должны заниматься помимо научных исследований книжным делом, цензурой, выпуском журналов, подготовкой или переводом энциклопедий, организацией библиотечного, архивного и музейного дела, изучением немецкого (можно считать, родного языка) и т. д. Кроме того, он полагал, что академии должны заботиться о школьном деле в стране. В «Генеральной инструкции», взятой за основу при создании Берлинской академии, он подчеркивал, что академия должна посвятить себя наставлению и «взбадриванию» молодежи, побуждая ее заниматься математикой, физикой и языками. При этом Лейбниц не забывает, что наука лишь тогда приносит плоды, когда молодые люди хотят интенсивно ею заниматься и когда их поддерживают добрые и хорошие наставники. По его инициативе Берлинская академия получила монополию на издание календарей и школьных учебников. А его план устройства Саксонской ака-

---

pelew; Reihe A. Bd. 1). München, 1985. S. 391—413; Hirsch E. Der berühmte Herr Leibniz: eine Biographie. München, 2000.

² Leibniz in seinen Beziehungen zu Russland... N 240. S. 348—351.

³ Ibid. S. 358.

⁴ Richter L. Leibniz und sein Russlandbild. S. 14—15.

демии начинается с вопросов воспитания юношества и организации школьной реформы.⁵

Из писем Х. Вольфа, переписка с которым российских организаторов науки и государственных деятелей продолжалась в течение 37 лет (1716—1753) и которого стремились привлечь на русскую службу, видно, что идея объединения в одном учреждении Академии и Университета вызвала сомнения и возражения. 23 июня 1723 г. он писал Л. Блюментросту: «Я не могу также скрыть от Вас высказанное некоторыми лицами мнение, что, может быть, для страны было бы лучше вместо Академии наук открыть несколько университетов... Для того предприятия скорее можно было бы найти людей. Ибо для этого можно принять таких, которые еще не занимают таких должностей, но уже доказали достаточно, что достойны их занимать. А со временем они вырастут, и в конце концов можно будет решить и вторую задачу».⁶

Некоторые сомнения об учреждении Академии высказывались и в среде ближайших соратников царя. В одной застольной беседе, записанной со слов Шумахера, некий тайный советник высказал сомнение, чтобы «российский народ мог получить большую пользу от Академии, состоящей из знаменитых и славных ученых мужей, которые не станут заниматься обучением юношества».⁷ Но Петр возразил, что ученые люди напишут учебники и обучат избранных молодых людей, чтобы они могли учить других. «Другими же сочинениями о своих науках и новых открытиях, которые будут они издавать на латинском языке, принесут они нам честь и уважение в Европе. Иностранцы узнают, что и у нас есть науки, и перестанут почитать нас презрителями наук и варварами. Сверх того, присутствующие в коллегиях, канцеляриях, конторах и других судебных местах должны будут требовать от Академии советов в таких делах, в которых науки потребны».⁸ В этих словах Петра с привлекательной простотой выражена его идея Академии наук.

В феврале 1724 г., т. е. вскоре после рассмотрения Сенатом «Проекта положения о Академии художеств и наук», Блюментрост в письме к Вольфу четко определил характер, создаваемого в Петербурге учреждения: «Это не полный (совершенный) университет, а также и не Академия наук, а скорее некая композиция из того и другого, здесь странным образом делают упор на математику и физику, а также гуманитарные дисциплины. Теология предоставлена Синоду».⁹ Таким образом, при всей ориентации на европейские образцы, организация научного органа в России реализовывалась в оригинальном варианте, задуманном Петром.

В конце января 1724 г. Петром I в новой столице Российской империи была создана Санкт-Петербургская Академия наук. 20 января он подписал указ «О Академии, в которой бы языкам учились, также прочим наукам и знатным художествам и переводили книги».¹⁰ 22 января Сенат одобрил проект положе-

⁵ Böger I. «Ein seculum ... da man zu Societäten Lust hat»: Darstellung und Analyse der Leibnizschen Sozietätspläne vor dem Hintergrund der europaeischen Akademiebewegung im 17. und frühen 18. Jahrhundert. München, 1997. S. 198—206.

⁶ Wolff Ch. Briefe aus den Jahren 1719—1753. Petersburg, 1860. S. 19.

⁷ См.: Копелевич Ю. X. Возникновение научных академий. Л., 1974. С. 185.

⁸ Там же.

⁹ Wolff Ch. Briefe aus den Jahren 1719—1753. S. 173.

¹⁰ Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ). СПб., 1830. Т. 7. № 4427.

ния об учреждении Академии художеств и наук, излагавший задачи нового учреждения, его особенности, связанные с условиями России, структуру, состав, управление, обязанности и права его членов.¹¹ Указом от 28 января определялась сумма на содержание Академии — 24 912 руб.¹² Эти три документа можно рассматривать как единое целое, как обоснование для создания Академии наук и Университета.

Петербургская Академия наук существенно отличалась от имевшихся в то время европейских академий и научных обществ. Во-первых, она была создана «сверху» указом монарха, в стране, где к моменту ее создания не было университета и системы начального и среднего образования; во-вторых, она получила государственное финансирование, европейские научные объединения того времени в большинстве случаев были частными или общественными организациями, существовавшими в основном за счет взносов и пожертвований. В-третьих, Петербургская Академия создавалась как учреждение, в котором должна была твориться наука, в европейских академиях преимущественно лишь подводились итоги научных исследований, выполненных в многочисленных университетах. Четвертое отличие заключалось в соединении в одном учреждении научных и учебных функций, что привело к созданию в Академии Университета и Гимназии. И в-пятых,— популяризация науки.

Немецкий историк Клаус Шарф, рассматривая предпосылки основания Берлинской и Петербургской академий наук и их отношения в XVIII в. в европейской перспективе, пришел к выводу, что «история Пруссии сложилась бы в XVIII в. приблизительно так же и без Берлинской академии, в то время как создание Петербургской Академии во многом определило ход исторического развития Российской империи в XVIII в.»¹³

Как уже указывалось, на содержание Академии Петр положил 24 912 рублей в год. Чтобы нагляднее представить эти цифры укажем, что на устройство уличного освещения в Петербурге в 1721 г. требовалось 21 438 рублей в год, сюда входила как стоимость установки фонарей, так и стоимость их содержания.¹⁴ В одном из своих проектов Лейбниц определил сумму на содержание Академии в 10 тыс. талеров, т. е. чуть больше 14 тыс. руб.¹⁵ Но суммы, отпускаемые Академии, были крайне недостаточны, профессора часто подолгу не получали жалованья, и Академия постоянно просила увеличить годовой бюджет и оплатить долги. Бюджет не увеличивали, но при этом правительство часто давало распоряжения заплатить долги, иногда предоставлялись единовременные субсидии, например, отпускались дополнительные средства на организацию экспедиций.

Для сравнения напомним, что Парижская Академия наук получала от короля около 42 тыс. ливров, т. е. 14 тыс. руб.¹⁶ Лондонское королевское обще-

¹¹ Уставы Академии наук СССР. М., 1974. С. 31—38.

¹² ПСЗ. Т. 7. № 4443.

¹³ Шарф К. Основание Берлинской и Петербургской академий наук и их отношения в XVIII в. в европейской перспективе // Немцы в России. Три века научного сотрудничества. СПб., 2003. С. 23.

¹⁴ Луннов С. П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII в. М.; Л., 1957. С. 172.

¹⁵ Один талер в первой половине XVIII в. равнялся примерно 70 русским копейкам.

¹⁶ Один ливр — приблизительно 25 коп.

ство существовало на взносы своих членов и частные пожертвования, обычно эта сумма не превышала 600 фунтов стерлингов, т. е. около 3 700 руб. Берлинское научное общество располагало только доходами от издания календарей. Они давали около 3 тыс. талеров, т. е. 4300 руб.¹⁷

В 1747 г. на содержание Петербургской Академии было решено отпускать 53 298 руб. Однако и этой суммы было недостаточно, т. к. еще в 1735 г. Академия просила увеличить ее бюджет до 64 тыс. руб. По подсчетам Н. Д. Чечулина и С. М. Троицкого, на культурные и социальные нужды (Академия наук, Академия художеств, Московский университет, школы и народные училища, медицинское обслуживание и богодельни) в XVIII в. правительство тратило не более 1 % всех средств бюджета.¹⁸

Стабилизировать финансовое положение Академии удалось только княгине Е. Р. Дашковой, которая в январе 1783 г. была назначена директором Академии. За счет расширения издательской деятельности, продуманной книготорговой политики и жесточайшей экономии ей удалось собрать и сэкономить значительную сумму денег, которая использовалась для поощрения сотрудников и организации трех благотворительных фондов.¹⁹

Если научный персонал Академии оставался в пределах 10—17 человек, то численность вспомогательных учреждений и так называемого обслуживающего персонала постоянно увеличивалась. Так, если в январе 1726 г. жалованье в Академии получали 34 человека, то в августе 1727 г. уже 80 чел, в 1741 г., по сведениям Шумахера, в Академии числился 321 человек, в декабре 1789 г. — 353 человека.

Любопытно отметить, что на первом академическом издании «Речи, произнесенные в первом торжественном собрании» (1726) имеется виньетка, на которой изображены три крестьянина: один просеивает зерно, другой сеет его на пашне, третий несет мешок собранного урожая на мельницу. На виньетке надпись: «*Secernit falsum, verum auget et usibus aptat*» — «Отделяет ложное, вырабатывает истинное и прилагает к практике». Символ сеятеля, или иными словами распространителя наук и просвещения, стал символом всей деятельности Академии наук.

По «Проекту положения об учреждении Академии», рассмотренном императором Петром I и Сенатом 22 января 1724 г., Санкт-Петербургская Академия наук должна была состоять из собственно Академии как научно-исследовательского учреждения, Университета и Гимназии. Она была призвана осуществлять не только научные изыскания, но и заниматься подготовкой ученых и просто образованных людей. Таким образом, Петербургская Академия наук должна была взять на себя такие обязанности, которые в других государствах выполняли несколько самостоятельных учреждений. Как отмечалось в «Проекте положения об учреждении Академии», хотя «в прочих государствах» университет и научные корпорации не связаны между собой, но, учитывая «состо-

¹⁷ *Копелевич Ю. Х.* Возникновение научных академий. С. 87, 108, 155.

¹⁸ История Академии наук СССР. В 2 т. М., 1974. Т. 1. С. 44—45, 159, 435—436; *Троицкий С. М.* Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М., 1966. С. 226, 245; *Чечулин Н. Д.* Очерки по истории финансов в царствование Екатерины II. СПб., 1906. С. 217.

¹⁹ *Смагина Г. И.* Сподвижница Великой Екатерины: очерки о жизни и деятельности директора Петербургской Академии наук княгини Екатерины Романовны Дашковой. СПб.; Росток, 2006.

яние здешнего государства», не нужно следовать западным примерам; без университета Академия мало принесет пользы и не оправдает себя из-за отсутствия достаточного числа образованных людей. Такое сочетание было выгодно и в финансовом отношении, чего Петр и не скрывал. В «Проекте положения об Академии» четко указано: «...и таким бы образом одно здание с малыми убытками то же бы с великою пользою чинило, что в других государствах три разные собрания чинят...».²⁰

24 января 1726 г. можно считать началом учебной и просветительской деятельности Академии наук. В этот день были прочитаны первые публичные лекции для юношей, которые собрались «из пространной России для учения и свободных наук», открылись пять классов академической Гимназии, было объявлено об организации четырех специальных курсов для тех, «которые высоким наукам учиться не могут, но однакож другие художества в житии человеческом преползныя переимать желают». Специально подготовленное объявление о начале учебных занятий в Академии с каталогом лекций было отпечатано 14 января 1726 г., разослано во многие учреждения и расклеено на улицах Санкт-Петербурга. В нем четко говорилось о двух главных задачах, стоящих перед новым учреждением: «Должность же в сей Академии собранным двойна будет: как в тщании и умножении новыми обретенными наук ... так и в учении российских юнош».²¹

«Проект об учреждении Академии» определял Гимназию как подготовительную школу, в которой обучали бы «первым фундаментам наук» и готовили юношество, имеющее склонность к наукам, к поступлению в Университет.²² Академический университет создавался как учреждение, призванное «расплодить науки в России», и должен был воспитывать кадры отечественных ученых и специалистов-практиков прежде всего для самой Академии.²³

За годы существования Гимназии сменилось 13 руководителей-ректоров, из них 12 были академиками-профессорами, что говорит о внимательном отношении к этому учебному заведению. В течение первых десяти лет ректором Гимназии был академик Г. З. Байер. Именно он создал академическую Гимназию, используя опыт Кенигсбергской кафедральной школы, в которой работал несколько лет. Байер составил учебный план, расписание занятий, пригласил учителей, рекомендовал им учебные пособия и методы преподавания. В 1731 г. он разработал и ввел в действие положение о Гимназии, согласно которому

²⁰ Уставы Академии наук СССР. М., 1974. С. 31—38.

²¹ Материалы для истории Имп. Академии наук. СПб., 1885. Т. 1. С. 169—172.

²² *Владимирский-Буданов М. В.* Первая гимназия в России // Педагогический музей. 1878. № 1—3. С. 17—27, 91—112, 183—194; *Лисицкая С. И.* Академическая гимназия. Очерки по истории Санкт-Петербургского университета. СПб., 2000. Т. 8. С. 60—80; *Толстой Д. А.* Академическая гимназия в XVIII столетии. СПб., 1885. Важные сведения о работе членов Академии с гимназистами можно найти в работах П. П. Пекарского, В. С. Рождественского, М. И. Сухомлинова, Ю. Д. Марголиса, Г. А. Тишкина и других.

²³ История Университета при Академии наук уже не раз привлекала внимание исследователей. См.: *Кулябко Е. С.* 1) М. В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской Академии наук. М., 1962; 2) Замечательные питомцы академического университета. Л., 1977; 275 лет. Санкт-Петербургский государственный университет. Летопись 1724—1999 / Под ред. Л. А. Вербицкой. СПб., 1999; *Марголис Ю. Д., Тишкин Г. А.* «Единым вдохновением»: Очерки истории университетского образования в Петербурге в конце XVIII—первой половине XIX в. СПб., 2000.

Гимназия была разделена на два отделения: немецкое, или приготовительное, состоящее из трех классов, и латинское — из двух классов. Такое устройство объяснялось тем, что первые учителя Гимназии не знали русского языка и ученики не могли их понимать, не изучив немецкого языка. Академик Г. Ф. Миллер, современник Байера, писал в своей знаменитой истории Академии: «На Байера было возложено руководство школами, учрежденными при Академии, которые [здесь] именуется гимназиями. И надо признать, что эти школы при нем находились в хорошем состоянии. За эту работу ему прибавили жалованья, что ему как человеку семейному было весьма необходимо».²⁴

В 1733 г. академик И. Э. Фишер составил по требованию президента Академии наук барона Г. К. Кейзерлинга «Проект об устройстве гимназий и школ в Петербурге» («Vorschlag wie das Gymnasium und die Schulen zu St. Petersburg einzurichten»)²⁵ Во вступительной части проекта Фишер старался прежде всего показать отличие гимназий от школ. В школах, по мнению Фишера, наряду с чтением, письмом, счетом, катехизисом, рисованием должны изучаться языки — латинский и немецкий. В гимназии главное внимание следовало уделять языкам — латинскому, французскому, греческому, но еще дополнительно преподавать поэзию, гражданскую историю, политическую географию, красноречие, логику и мораль, и, как отмечает автор, «наряду с гуманитарными изучаются и реальные предметы», правда, он не называет их. Поскольку в России, как и в других странах, должны воспитываться образованные люди, которые смогут послужить отечеству, — приходит к выводу Фишер, — то нужно и то и другое, т. е. и гимназии, и школы. Он считал, что в Петербурге надо открыть две латинские гимназии и одну немецкую школу для русского юношества.

Гимназия испытывала большие трудности, у нее не было постоянного помещения; из-за открытия в Петербурге Сухопутного шляхетского корпуса резко сократился прием учащихся, так как родители старались туда отдать своих детей, к тому же к 1736 г. еще ни один гимназист не прошел полный курс обучения. В 1737 г. для проведения реорганизации Гимназии была создана специальная комиссия, в состав которой были назначены академики Г. З. Байер, Г. В. Крафт, Л. Эйлер, а также Х. Гольдбах, имевший репутацию хорошего педагога как бывший воспитатель императора Петра II. От работы комиссии сохранился проект, составленный Л. Эйлером.²⁶ Он предложил прежде всего ввести в Гимназии единообразный и равно обязательный для всех учащихся учебный план. Главная задача Гимназии, по мнению Эйлера, состояла в подготовке юношества к ученой деятельности, и весь учебный план должен был быть направлен на реализацию этой идеи. Он высказал много разумных предложений, среди них и организация обучения на русском языке.

В 1738 г. Гимназию возглавил академик Г. В. Крафт. К этому времени он уже 12 лет преподавал в ней физику и математику и хорошо знал положение дел. Для учащихся Гимназии он составил несколько учебников по физике, геометрии, механике и математической географии. Придавая большое значение наглядности в обучении, он создал лучший в Европе физический кабинет.

²⁴ Миллер Г. Ф. Избранные труды / Сост. С. С. Илизаров. М., 2006. С. 514.

²⁵ Проект Фишера на нем. яз. Оpubл. в «Материалах для истории имп. Академии наук» (СПб., 1886. Т. 2. С. 349—361, подлинник находится в ПФА РАН. Р. 1. Оп. 70. Д. 6. Л. 1—17).

²⁶ ПФА РАН. Р. 1. Оп. 70. Д. 23. Л. 1—12.

В нем проводились не только занятия с учениками, но и научные исследования. Крафт разработал «Регламент академической Гимназии», состоящий из 77 пунктов.²⁷ В нем он предложил четкий и обдуманый план учебных занятий для каждого из 5 установленных классов, сформулировал правила поступления в Гимназию и, впервые в академических проектах подобного рода, правила для учащихся.

Самую большую трудность во все годы существования академических учебных заведений представляло комплектование состава учащихся. Для привлечения в них молодых дворян академик Г. Ф. Миллер предложил открыть при Академии специальный пансион. Этот проект, который носил название «Проект пансиона для детей знатных особ при Академии наук», стал первым, составленным Миллером для академических учебных заведений и вообще первым педагогическим проектом ученого. Он написан Миллером на немецком языке и хранится в его фонде в РГАДА.²⁸

Проект не датирован. Но в журнале академической канцелярии за 1748 г. встречается упоминание о нем и дата его представления в Академии — 13 января 1748 г., т. е. уже через два месяца после вступления в должность ректора.

Проект Миллера состоит из введения и 16 параграфов. Во введении автор объясняет причины, побудившие его составить этот документ. Дело в том, что по Регламенту 1747 г. Академия наук должна была содержать на «казенном коште» при Университете 30 студентов, и при Гимназии — 20 воспитанников. Причем было особо оговорено, что на государственное обеспечение не принимались дети дворян: они должны были учиться за свой счет. Исключение делалось только для бедных дворян. Поэтому Миллер предлагает «полностью устранить все затруднения, до сих пор мешавшие той пользе, каковую по всей справедливости должны были бы получить от Академии и дети знатных родителей».

К таким «затруднениям» Миллер относит, во-первых, удаленность учебных заведений от Академии, поэтому детей знатных особ нужно сопровождать в Гимназию или на лекции в Университет, а затем забирать; во-вторых, родителям все равно приходится содержать учителя или гувернера, который присматривал бы за занятиями детей дома; в-третьих, Миллер считает, что «вряд ли хорошо», когда дети знатных особ учатся и находятся вместе с детьми разночинцев. «Действительно надобно опасаться, — пишет Миллер, — что знатные юноши из-за долгого общения с детьми простолюдинов могут перенять у них в нравственном поведении нечто мужицкое, от чего позднее не так легко отделаться».

Для устранения этих неудобств Миллер предлагает открыть специальное учебное заведение или пансион для дворянских детей. Любопытно заметить, что через 16 лет, в 1764 г., в проекте школьной реформы в России, составленном по указанию Екатерины II, он думает иначе о совместном обучении детей дворян и разночинцев. «Ребенок благородного звания поощряется к усердию, если слышит, как хорошо отвечают дети из низших сословий, так же как и последние исправляются, видя хорошие манеры благородных детей».

---

²⁷ Там же. Ф. 3. Оп. 9. Д. 10. Л. 1—20.

²⁸ РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 412. Ч. 1. Д. 15. Л. 1—6; «Учебное заведение, которое будет полезно детям знатных родителей». Проект Г. Ф. Миллера. 1748 г. / Публикация Г. И. Смагиной // Исторический архив. 2006. № 1. С. 4—8.

Пансион, по мысли Миллера, должен был теснейшим образом быть связан с Академией, размещаться вблизи нее и желательно в доме, принадлежащем или арендуемом Академией.

Проект не ограничивал число питомцев. В пансион следовало принимать всех желающих — «сколько объявится». За содержание каждого пансионера устанавливалась плата 200 руб. в год. Собранные от родителей средства предназначались на обеспечение питомцев «изрядным обедом и ужином». Следует заметить, что предлагаемая Миллером сумма содержания пансионеров довольно значительна. По Регламенту 1747 г. на содержание казеннокоштных студентов выделялось по 100 руб. в год, гимназистов — 30 руб. Правда, М. В. Ломоносов считал эти суммы «весьма скудными».

Поскольку пансион при Академии наук Миллер рассматривал как государственное учебное заведение, он предлагал обеспечивать пансионеров жильем, дровами и свечами из средств Академии, «ибо трата сия умеренна, а польза она принесет многим».

Важное место в миллеровском Проекте отводилось начальнику пансиона. По мнению автора, обязанности начальника должен был исполнять специально подобранный и обязательно назначенный Академией человек, «сведущий в науках, да при том ведущий добропорядочную жизнь и имеющий семью». Миллер считал, что можно совместить должность начальника пансиона с должностью эконома, а также этого человека использовать еще и как преподавателя. Кроме того, начальнику предписывалось «все то, что будут учить на публичных уроках, с пансионерами дома повторять, обсуждая, разъясняя, и вообще следить, чтобы они упражнялись в управлении и праздню не проводили время». Видимо, все-таки понимая всю тяжесть педагогического труда, Миллер полагал, что «родители еще будут пособлять начальнику различной провизией, а время от времени не преминут сделать ему подарок за его усердную службу».

Миллер предлагает родителям самим обеспечить своих детей необходимой мебелью (кроватями, зеркалами, стульями, столами и др.). И если предположить, пишет Миллер, что родители, забирая детей после окончания обучения, будут оставлять привозимую ими утварь, то «постепенно комнаты будут обставляться мебелью, что при приеме новых пансионеров не будет надобности в новых приношениях от родителей».

Руководствуясь воспитательными целями, Миллер рекомендует организовать обслуживание пансионеров не их собственными домашними слугами, а специально приглашенными для этого гувернерами, которые будут подчиняться только начальнику пансиона. Причем за эту дополнительную работу начальнику дозволялось прибавить жалованье за счет увеличения платы за пансион.

С родителями и родственниками дети могли встречаться только по воскресным и праздничным дням, в это время разрешалось забирать пансионеров утром после церковной службы и обязательно вечером возвращать в пансион.

В Проекте Миллер не рассматривает вопросы содержания образования, так как предполагается, что питомцы будут посещать занятия в академической Гимназии. В связи с этим Миллера беспокоит только одно — практика совместного обучения детей дворян и разночинцев. В этом проекте он отстаивает раздельное обучение, но если это невозможно осуществить, то хотя бы следить за тем, чтобы пансионеры как можно меньше времени проводили с детьми низшего происхождения и на занятиях сидели за разными столами.

Составляя свой Проект, Миллер нередко предается воспоминаниям о первых годах деятельности академической Гимназии, свидетелем которых он был. С особой теплотой он вспоминает надзирателя, приставленного к знатным юношам. Миллер не называет его имени. Видимо, речь идет об И. К. Геннингере, состоявшем на службе в Академии в первое десятилетие существования Гимназии. Также в памяти Миллера сохранился один удачный педагогический прием, когда за обеденный стол гимназистов приглашались профессора и адъюнкты, и «такое застольное общество для знатных молодых людей было не без пользы». Миллер считает такой опыт очень полезным и рекомендует его использовать в новом учебном заведении, «дабы пансионеры из бесед с профессорами за столом могли извлечь пользу». Использует Миллер и личные впечатления. «По собственному опыту могу твердо сказать, — пишет он во вступительной части проекта, — что сейчас более, чем когда-либо, многие знатные господа не знают, что делать со своими детьми, и наверняка желают, чтобы при Академии нашелся бы человек, кому бы они могли отдать своих детей на содержание в пансионе и доверить их целиком его присмотру».

«Проект пансиона для детей знатных особ при Академии наук» не был реализован, хотя, безусловно, оживил бы учебную деятельность Академии наук. 3 февраля 1748 г. в протоколах академической Канцелярии записано: «предложения профессора Миллера за невозможностями отставить».

В 1748—1750 гг. Гимназией руководил академик И. Э. Фишер. Вскоре после вступления в должность, 3 мая 1748 г., он представил свой проект по улучшению деятельности Гимназии.²⁹ В первом параграфе было четко обозначено, что «Гимназия особливо для России заведена, дабы они, обучившись нашим языкам и наукам, Отечеству тем большую пользу принести могли». Учебный план он видел состоящим из 12 предметов: закон Божий, немецкий, французский, латинский, греческий языки, география, история, арифметика, геометрия, каллиграфия, рисование и танцы. Он предложил принимать в Гимназию детей только в 10-летнем возрасте. Хотя и этот план не был утвержден, но некоторые положения из него Фишеру все же удалось реализовать.

6 сентября 1748 г. Г. Ф. Миллер, в то время исполнявший обязанности ректора академического Университета, представил свои предложения по улучшению деятельности Гимназии и Университета. 26 параграфов из 85 в этом документе посвящены Гимназии.³⁰ Миллер прекрасно понимает назначение этого учебного заведения и поэтому пишет: «При Университете нужно учредить Гимназию, в которой следует воспитывать юношей, которые со временем станут изрядными студентами Университета. Поэтому учителя, прилагая все усердие и старание, должны стремиться достичь конечной цели». Предложения Миллера касаются прежде всего организации процесса воспитания и относятся к учителям Гимназии. Он считал, что: «Каждый учитель должен прежде всего любовью и добрым словом побуждать учеников к прилежанию и добронравному поведению, но когда это не помогает, то он должен власть употребить и наказать в зависимости от проступка розгой или иным орудием, однако при этом соблюдать меру, чтобы наказание походило скорее на отеческое, а не господское. Особенно он должен остерегаться, наказывая, повредить здоровью детей».³¹

²⁹ ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 9. Д. 21. Л. 6—10 об.

³⁰ Там же. Ф. 21. Оп. 1. Д. 99. Л. 10—45.

³¹ Там же. Л. 40.

Очень много для улучшения деятельности Гимназии и Университета сделал М. В. Ломоносов, который с 1758 по 1765 г. находился во главе этих учебных заведений. Деятельность Ломоносова на посту ректора академических учебных заведений достаточно хорошо изучена, поэтому не будем на ней подробно останавливаться.³² Отметим лишь, что благодаря усилиям Ломоносова работа Гимназии значительно улучшилась. Если за первые почти 30 лет ее существования (1726—1753) ни один академический гимназист не был произведен в студенты, то только лишь за 4 года (1760—1765) 24 гимназиста поступили в Университет.³³

Академической Гимназией с 1777 по 1794 г., т. е. в течение 15 лет, руководил выпускник академических учебных заведений и Страсбургского университета, академик по классу ботаники, один из виднейших ученых XVIII в. И. И. Лепехин. Директор Академии наук княгиня Е. Р. Дашкова была довольна его деятельностью, неоднократно повышала ему жалованье, а по его представлению — и учителям Гимназии. Сохранились свидетельства гимназистов тех лет А. Ф. Севастьянова и В. М. Севергина, впоследствии ставших академиками, о добром влиянии на них Лепехина.³⁴ По словам академика Н. Я. Озерцовского, Лепехин «пекся о воспитанниках, как о молодых растениях в академическом саду, который в то же время был предоставлен его попечению. Со вступлением его в сии две должности сад украсился редкими произрастаниями; способности в учениках разверзлись; он возбудил в них охоту к чтению, любил их как детей, а они его как отца».³⁵

Должность инспектора Гимназии требовала много сил и времени от Лепехина, на которого, кроме того, были возложены управление Ботаническим садом Академии, огромная научная и переводческая работа. К тому же с самого основания Российской Академии он исполнял обязанности неперменного секретаря, участвовал в подготовке всех шести томов «Словаря Академии Российской». Когда Лепехин узнал, что Дашкова собирается оставить Академию, он 26 июля 1794 г. обратился к ней с прошением об отставке из Гимназии. В нем Лепехин писал, что давно хотел осуществить это намерение и так объяснял задержку: «По сие время удерживали меня от сего единственно как старание делать Вам удобное, да и то благосклонное уважение, с каковым Ваше сиятельство всегда принимать изволили все мои представления, до сего училища

---

³² Педагогические взгляды и деятельность М. В. Ломоносова неоднократно привлекали внимание исследователей и существует обширная литература. См.: *Бобровникова В. К.* Педагогические идеи и деятельность М. В. Ломоносова. М., 1961; *Буторина Т. С.* М. В. Ломоносов и педагогика. Архангельск, 1994; 275 лет. Санкт-Петербургский государственный университет. Летопись. 1724—1999. С. 47—60; История Академии наук СССР. М., Л. 1958. Т. 1. С. 299—306; *Кулябко Е. С.* 1) М. В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской Академии наук; 2) Замечательные питомцы академического университета; 3) Ломоносов о воспитании и образовании. М., 1991; *Марголис Ю. Д., Тишкин Г. А.* Отечеству на пользу, а россиянам во славу. Л., 1988. С. 102—154; *Павлова Г. Е.* Истоки организации Петербургского университета (от Академического до Санкт-Петербургского университета. 1724—1819) // Очерки по истории Санкт-Петербургского университета. СПб., 1989. Вып. 6. С. 175—189; *Перевалова Л. А.* Педагогические взгляды М. В. Ломоносова. М., 1964.

³³ *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. В 10 т. М.; Л., 1950—1983. Т. 10. С. 723.

³⁴ *Фрадкин Н. Г.* Академик И. И. Лепехин и его путешествие по России в 1768—1773 гг. М., 1953. С. 104.

³⁵ Там же. С. 102.

касающиеся».³⁶ Е. Р. Дашкова, хотя и с сожалением, но приняла отставку Лепехина.

Несмотря на все трудности, Гимназия просуществовала 80 лет — с 1726 по 1805 г. Университет — около 40 лет — с 1726 по 1766—1767 гг. За это время Академический Университет и Гимназия воспитали замечательную плеяду отечественных ученых, педагогов и государственных служащих. Из 30 российских действительных членов Академии наук в XVIII в. 23 получили образование в академических учебных заведениях, среди них академики С. К. Котельников, И. И. Лепехин, В. М. Севергин и другие. На основе изучения архивных и опубликованных источников по истории Гимназии можно говорить о том, что курс обучения в ней прошли более 2000 учащихся.³⁷

Широко использовалась в Академии наук еще одна специфическая и весьма удачная форма подготовки юношества к научной деятельности. Молодые люди зачислялись в штат Академии наук и одновременно учились и выполняли обязанности младшего научного персонала в различных академических службах — в физическом и анатомическом кабинетах, обсерватории, редакции газеты и журналов. Но особенно большую пользу приносило участие в академических экспедициях, где совместная теоретическая и практическая работа с первоклассными учеными формировала начинающих исследователей и воспитывала у них привычку к систематическому труду.³⁸ Под руководством естествоиспытателей Г. В. Стеллера, И. Г. Гмелина, Г. Ф. Миллера сложились научные интересы известного путешественника, исследователя Камчатки академика С. П. Крашенинникова. У натуралиста И. Аммана учился будущий адъютант по ботанике Г. Н. Теплов, у И. Вейтбрехта — будущий академик анатом А. П. Протасов. Значительны заслуги в педагогической области академика П. С. Палласа. Он оказывал постоянное внимание и поддержку молодым ученым, впоследствии академикам В. Ф. Зуеву, И. И. Лепехину и Н. Я. Озерецковскому.³⁹

Для пополнения и усовершенствования полученных знаний Академия посылала своих студентов в европейские университеты. Чаще всего молодых людей направляли в Геттинген, Лейден, Страсбург, Лейпциг и во Фрейберг. Академия оплачивала все расходы за обучение и проживание. И, несмотря на тяжелое материальное положение студентов, так как деньги высылались нерегулярно и в недостаточном количестве, они старались успешно учиться. В течение XVIII в. за границей обучалось 23 студента Петербургской Академии наук, среди них академики М. В. Ломоносов, А. П. Протасов, В. М. Севергин.⁴⁰

³⁶ Лукина Т. А. Иван Иванович Лепехин. М.; Л., 1965. С. 157.

³⁷ ПФА РАН. Р. 1. Оп. 70. Д. 20. Л. 1—120 об. История Академии наук СССР. Т. 1. С. 141—150, 299—301, 423—425; Кулябко Е. С. М. В. Ломоносов и учебная деятельность. С. 79—85, 120—125.

³⁸ Копелевич Ю. Х. Первые академические студенты // Вопросы истории естествознания и техники. 1996. № 2. С. 4—15.

³⁹ Колчинский Э. И. Немецкие ученые у истоков российской биологии // Немцы в России: Петербургские немцы. Сб. статей. СПб., 1999. С. 52—65.

⁴⁰ Андреев А. Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII—первой половины XIX века. М., 2005. С. 136—154; Смагина Г. И. Научно-просветительская и учебная деятельность Академии наук XVIII в. / Академическая наука в Санкт-Петербурге в XVIII—XX веках. СПб., 2003. С. 119—120.

Академия наук старалась использовать любую возможность для подготовки специалистов. В 1734 г. в Петербург были доставлены два японских рыбака, потерпевшие кораблекрушение у берегов Камчатки. Это обстоятельство поддало мысль организовать обучение русских японскому языку. В 1736 г. при Академии была учреждена школа для изучения японского языка. Школа находилась в Петербурге до 1753 г., а затем была переведена в Иркутск, где слилась с аналогичной и просуществовала до 1816 г.

В 1741 г. при Академии наук была открыта школа китайского и маньчжурского языков. Преподавателем в ней был первый русский китаевед И. К. Россхин. Школа просуществовала 10 лет.

Начиная с 30-х годов XVIII в. в Академии наук складывается система профессиональной подготовки мастеров декоративно-прикладного и изобразительного искусства. Уже при основании Академии наук при ней были созданы разнообразные «художественные палаты» — Инструментальная, Гравировальная, Ландкартная, Рисовальная, Словолитная, Камнерезная и другие. Мастера, работавшие в этих подразделениях, должны были набирать себе учеников. К обучению принимались мальчики 11—12 лет, проявившие способность к рисованию и владеющие грамотой. Все ученики, независимо от того, какую специализацию они выбирали, в будущем поступали в Рисовальную палату, время обучения в которой зависело от способностей и могло колебаться от 7 до 12 лет. Помимо рисования ученики младших классов обязательно посещали занятия в Академической Гимназии по арифметике, геометрии и иностранным языкам. Обучение в Академии было бесплатным, но необходимые материалы — кисти, краски, бумагу — ученики приобретали сами. Более половины учеников были присланы на учебу из Канцелярии от строений, Герольдмейстерской конторы, шпалерной и фарфоровой фабрики, Монетной канцелярии. В старших классах учеников переводили в другие мастерские, где они в процессе совместной работы с мастером осваивали специальности резчика, гравера, инструментальщика, камнереза и другие. Выпускники мастерских трудились не только в Академии наук, но и практически во всех государственных учреждениях Петербурга. Инструментальные мастерские Академии изготавливали или ремонтировали физические, астрономические, химические инструменты, используемые как наглядные пособия в процессе обучения.⁴¹

По Регламенту Академии 1747 г. при всех академических палатах должны были быть ученики. 50 учеников находились на казенном содержании, в год на их нужды отпускалось 1500 рублей. К сожалению, из 11 академических мастерских, имеются сведения только об учениках Рисовальной — 256, Гравировальной — 111 и Инструментальной — 87, хотя известно, что они были и в других подразделениях.⁴² К числу учеников при академических палатах следует добавить около 2000, учившихся в академической Гимназии и около 280 молодых людей, изучавших науки в академическом Университете. Таким образом,

⁴¹ ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 539. Л. 60, 216, 232; Д. 542; Д. 304; Д. 371, и др.

⁴² *Бренева И. В.* Инструментальные палаты Академии наук. СПб., 1999; Гравировальная палата Академии наук XVIII века: Сборник документов / Сост. М. А. Алексеева и др. Л., 1985; *Стецкевич Е. С.* 1) И. Э. Гриммель — руководитель рисовальной палаты Петербургской Академии наук // Немцы в России: Люди и судьбы. СПб., 1998. С. 129—136; 2) Петербургская Академия наук и становление художественного образования в России (Рисовальная палата, 1724—1766 гг.). Автореф. дис. ... канд. истор. наук. СПб., 2001.

на основе архивных и опубликованных источников установлено, что курс обучения в академических учебных заведениях в XVIII в. прошли около 3000 учеников. Как уже указывалось, эти данные не полны, потому что включают показатели только по Гимназии, Университету, Гравировальной, Инструментальной и Рисовальной палатах (данных об учениках еще 8 мастерских, Типографии, языковых школ пока еще не собраны), но и они показывают заметную роль Академии наук в подготовке грамотных и образованных граждан Российской империи.

Для сравнения укажем, что Смольный институт благородных девиц в XVIII в. закончили около 1000 девушек, в стенах Сухопутного кадетского корпуса за 1731—1800 гг. получили образование 6450 юношей, в двух гимназиях при Московском университете обучались 2100 воспитанников. Поэтому даже очень неполные данные об учащихся при Академии наук дают возможность говорить о широкой учебно-воспитательной деятельности Академии наук.

Еще до открытия Академии наук в России была начата подготовка по созданию необходимых условий для успешной работы ее членов. По инициативе Петра началась закупка за рубежом анатомических и зоологических коллекций, раритетов и книг. В 1714 г. были созданы первая национальная публичная Библиотека и один из старейших музеев мира — Кунсткамера. В 1718 г. Библиотека и коллекции различных редкостей, приобретенные в Европе, были перевезены в дом казенного боярина А. В. Кикина — в «Кикины палаты», находившиеся близ Смольного двора. Именно с этого момента Кунсткамера становится общедоступной. По приказу Петра I в нее должны были пускать всех желающих. С 1725 г. Кунсткамера и Библиотека вошли в состав Академии наук, а с 25 ноября 1728 г. состоялось торжественное открытие их в новом, специально для них построенном здании на Васильевском острове. И Библиотека, и первый российский музей — Кунсткамера — сыграли огромную просветительскую роль в жизни Санкт-Петербурга и всей страны.⁴³

Члены Академии часто выступали с интересными общеобразовательными инициативами. В 1735 г. академик Ж. Н. Делиль представил «Полезный проект, чтобы дать каждому санкт-петербургскому обывателю способ, как исправно заводить по солнцу стенные и карманные часы».⁴⁴ По этому проекту с наступлением полудня с бастиона Адмиралтейства должен был производиться пушечный выстрел, по которому все петербургские жители могли проверять свои часы. Предложенный Делилем способ сообщения жителям Петербурга сигналов точного времени просуществовал почти два века. В 1938 г. пушечные сигналы были прекращены, возобновлены они в 1957 г.

Одновременно с напряженной научной работой Делиль много времени уделял подготовке русских астрономов и геодезистов. Он даже составил «Проект относительно обучения и упражнений некоторого числа геодезистов в практике астрономических наблюдений...». Воспользовавшись предложением Делиля, Адмиралтейская коллегия, Морская академия и Сенат направляли к

---

⁴³ *Леонов В. П.* Судьба библиотеки в России. СПб., 2000; *Летопись Библиотеки Российской Академии наук.* Т. 1: 1714—1900. СПб., 2004; *Моисеева Т. М.* Петровская Кунсткамера в контексте западноевропейских музеев XVI—XVIII вв. // 285 лет Петербургской Кунсткамере. СПб., 2000. С. 24—34; *Станюкович Т. В.* Кунсткамера Петербургской Академии наук. М.; Л., 1953.

⁴⁴ История Академии наук СССР. Т. 1. С. 98.

нему учеников. Один из его учеников А. Д. Красильников впоследствии стал известным русским астрономом.

Многие члены Академии занимались непосредственно педагогической деятельностью. Сенатским указом в 1737 г. адъютанту В. Е. Адодурову было поручено два раза в неделю обучать при Сенате сенатских и коллежских юнкеров «в грамматике славянской и латыни читать».⁴⁵ Академики Г. В. Крафт, Х. Гольдбах, Л. Эйлер составляли программы экзаменов для учащихся Сухопутного кадетского корпуса и принимали их.

Высокий уровень преподавания физико-математических и естественных наук в учебных заведениях Петербурга обеспечивали академики и сотрудники Академии: академик Л. Ю. Крафт в Артиллерийском кадетском корпусе, академик В. М. Севергин — в Медико-хирургической академии и Горном корпусе, академик С. Е. Гурьев — в Училище корабельной архитектуры и Греческом кадетском корпусе. Долгие годы трудились в Сухопутном и Морском кадетских корпусах академики Ф. У. Т. Эпинус, Г. Ф. Миллер, С. Е. Гурьев, С. Я. Румовский, Н. И. Фусс, Н. Я. Озерецковский, академический переводчик П. И. Веденский, сотрудник обсерватории Академии и участник Камчатской экспедиции А. Д. Красильников. В составе преподавателей Смольного института благородных девиц находились академики В. И. Висковатов, адъютанты М. Е. Головин и И. Ф. Гакман, ректор академической гимназии К. Ф. Герман, переводчик Т. Ф. Кирьяк. Академик Г. З. Байер преподавал в частной школе Феофана Прокоповича. Здесь учились будущие академики С. К. Котельников и А. П. Протасов.

Ученые Петербургской Академии наук оказывали постоянную помощь при организации и становлении новых научных и учебных центров в стране. Хорошо известна роль М. В. Ломоносова в создании Московского университета; кроме того, весной 1755 г. он составил «Проект регламента московских гимназий». Адъютант В. Е. Адодуров, в то время почетный член Академии, стал первым куратором университета; в качестве преподавателей были отправлены выпускники академического Университета А. А. Барсов, Н. Н. Поповский, Ф. Я. Яремский, И. Ф. Фрязин. Академики Л. Эйлер и особенно активно Г. Ф. Миллер, используя свои контакты в Европе, способствовали приглашению иностранных ученых в Москву в качестве преподавателей. Академия обеспечила комплектование библиотеки, создание научных кабинетов и университетской типографии.⁴⁶

⁴⁵ Пекарский П. П. История имп. Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1. С. 506.

⁴⁶ По истории Московского университета см.: Андреев А. Ю. Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX века. М., 2000; Белявский М. Т. М. В. Ломоносов и основание Московского университета. М., 1955; Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в. М., 1960—1963. Т. 1—3; История Московского университета. М., 1955. Т. 1—2; Летопись Московского университета. 1755—1979. М., 1979; Место, наукам посвященное... Из истории Московского университета. М., 1995; Пенчко Н. А. Основание Московского университета. М., 1952; Петров Ф. А. Немецкие профессора в Московском университете. М., 1996; Садовничий В. А. Слово о Московском университете // Вестник РАН. 1999. Т. 69. № 12. С. 1059—1080; Университет для России. Взгляд на историю культуры XVIII столетия. М., 1997; Шевырев С. П. История императорского Московского университета, написанная к столетнему юбилею проф. Степаном Шевыревым. 1755—1855. М., 1855.

Открытие в 1773 г. в Петербурге Горного училища значительно способствовала Академия наук. Еще в 1766 г. академик И. Леман представил записку «Патриотические мысли о том, какую пользу развитию горного дела может оказать учреждение Горного кадетского корпуса».⁴⁷ Из «Записки» Лемана становится ясным, что в Академии наук задолго до открытия Горного училища, вероятно под влиянием М. В. Ломоносова, обсуждался вопрос об организации учебного заведения для подготовки специалистов горного дела. В своей «Записке» Леман большое внимание уделил обсуждению вопросов, связанных с организацией педагогического процесса в новом учебном заведении и обязанностям профессоров, преподавателей и учащихся. 21 октября 1773 г. Екатериной II был подписан указ о создании Горного училища в Петербурге. При разработке учебных планов были использованы рекомендации Лемана. После открытия училища физику там читал академик Л. Ю. Крафт, химию и металлургию — член-корреспондент А. М. Карамышев, минералогию и горное дело — член-корреспондент И. М. Ренованц. Под руководством последнего во дворе училища был построен учебный рудник, который славился как одна из достопримечательностей российской столицы.

Даже отправляясь в научные экспедиции в дальние районы России, члены Академии наук заботились о просвещении местных народностей. Так, адъютант Г. В. Стеллер был инициатором создания школ на Камчатке, одну из которых он содержал на собственные средства.

Большой активностью в составлении планов и рекомендаций для других учебных заведений отличался академик Г. Ф. Миллер. Он участвовал вместе со своим другом А. Ф. Бюшингом в реорганизации знаменитой в Петербурге Петришуле,⁴⁸ в течение четырех лет заведовал учебной частью Морского кадетского корпуса,⁴⁹ а по инициативе И. И. Бецкого был привлечен к составлению программ и учебных планов Пажеского корпуса.⁵⁰ В 1765 г. ученый переезжает в Москву в связи с назначением его на должность главного надзирателя Московского воспитательного дома. Прослужив в этой должности весьма короткое время, всего около года, Миллер успел составить правила физического содержания детей, инструкции для главных надзирателей и главной надзирательницы воспитательного дома, а также для эконома и казначея.⁵¹ В 1767 г. по просьбе вице-канцлера Голицына он пишет объемную записку об устройстве начальной школы для бедных детей в Москве.

«План обучения пажей», подготовленный Миллером на немецком языке, представляет собой продуманную концепцию образования юношей, призванных впоследствии занять высшие придворные и офицерские должности.⁵² Однако смысловым ядром всей системы было намерение Миллера воспитать такого ученика, который «впоследствии мог быть полезен как гражданин государства».

В проекте Миллера обучение было неразрывно связано с воспитательным процессом, поскольку именно нравственное формирование личности делает

⁴⁷ Раскин Н. М. К предыстории организации горного училища // Очерки по истории геологических знаний. М., 1974. С. 9—22.

⁴⁸ Hoffmann P. Anton Friedrich Büsching (1724—1793). Ein Leben im Zeitalter der Aufklärung. Berlin, 2000. S. 70, 205.

⁴⁹ Пекарский П. П. История имп. Академии наук в Петербурге. Т. 1. С. 373—374.

⁵⁰ Левшин Д. Пажеский корпус за 100 лет. СПб., 1902. С. 116—136.

⁵¹ Майков П. М. И. И. Бецкой. СПб., 1904. С. 170.

⁵² Левшин Д. Пажеский корпус за 100 лет. Т. 2. Приложение 3. С. 33—41.

полноценным образовательный процесс. Что касается содержания образовательной программы, предлагаемой Миллером, то в ней очевидное предпочтение отдается гуманитарным предметам — русскому и иностранным языкам, истории, этике, правоведению, географии; пажей также предлагается знакомить с основами математики и военных наук, поскольку предполагается возможность выбора военной карьеры. Характеризуя каждый предмет и давая рекомендации по его преподаванию, автор проекта отмечает несколько моментов. Во-первых, он поясняет, какое именно значение и почему каждая наука занимает в процессе воспитания и формации будущего придворного или государственного деятеля, поскольку «знания сами по себе, безотносительно к нам, бесполезны». Далее Миллер указывает, какие темы и разделы будут особенно актуальными для них: так, например, при изучении русского языка кроме обязательного знания грамматики и орфографии следует прививать юношам изящество слога, обучать «составлению кратких комплиментов в придворном вкусе», эпистолярному искусству; чтобы «изучение истории носило практический смысл», к знанию событий древности необходимо добавлять рассуждения о современной политике и изучение родословия царствующих особ и знатных семейств России и Европы; правоведение включает очерк современного международного права. Особое значение Миллер придает организации обучения юных пажей, предлагая разнообразные педагогические приемы, призванные сообразовывать учебный процесс с возрастом, способностями и склонностями ученика, ибо «преподавание должно вестись так, чтобы не слишком обременять ученика и не вызвать у него отвращения». Это и постоянное присутствие рядом «высоконравственных и надежных служителей», которые не используют других наказаний, «кроме словесных наставлений и увещаний», постоянные беседы, обсуждение изучаемого и повторение пройденного, а также поощрение лучших учеников подарками. Это и внимание к склонностям ученика, которому в зависимости от того, даются ли ему легче изящные искусства или точные науки, предлагается задуматься о выборе будущей карьеры. Это и организация самих уроков, которые Миллер предлагает проводить не в банальном заучивании материала, а в такой форме, которая бы учила молодых людей мыслить и видеть практическую пользу в изучении предмета (так, языки предписывается изучать через практику общения, географию начинать с изучения родной провинции). Автор рекомендует использовать разнообразные пособия (иллюстрации, наглядные хронологические таблицы), рекомендует конкретные учебники, большинство из которых принадлежат перу членов Академии наук.

Завершением проекта служат конкретные рекомендации относительно штата преподавателей, правил поведения воспитанников и наставников, их рациона и расписания занятий, соотнесенного с придворными обязанностями пажей.

«Записка об устройстве начальных школ для бедных детей в Москве и дома для содержания престарелых и неимущих людей»,⁵³ написанная также на немецком языке, позволяет увидеть Г. Ф. Миллера в роли организатора-практика, которому необходимо решить конкретную задачу (устройство школы для бедных детей и приюта для неимущих стариков), ориентируясь на конкретные

---

⁵³ Müller G. F. Man will eine Schule für armer Leute Kinder und ein Haus zum Unterhalte alter-undunvermögender Personen errichten / Büsching A. F. Beytrage zu der Lebensgeschichte. Halle, 1785. Bd. 3. S. 83—97.

условия и денежные средства. Изложение проекта организации школы напоминает решение арифметической задачи: каким образом рационально распределить ограниченный капитал так, чтобы будущая школа приносила большую пользу обществу. Миллер старается не упустить множество деталей, с образованием по большому счету не связанных (возможный рост процентов от вложенных денег, стоимость земли в разных районах Москвы, цены на продовольствие, дрова и недвижимость и пр.). Скрупулезно рассчитан размер жалования всех, работающих в школе, от учителя до истопника. Для каждой проблемы автор находит самое удобное и оптимальное решение (например, учителя должны набираться из церковнослужителей; с одной стороны, потому, что их устроит меньшее жалование, с другой — потому, что они могут обучать детей сразу несколькими предметам, а кроме того, — принадлежность к духовному сословию послужит гарантией их трудолюбия и нравственности). Трезво и практично подходит Миллер и к организации учения, замечая, что «важно не количество часов, а их хорошее использование». Понимая, что школа для детей из небогатых семейств будет давать лишь элементарное образование, он не забывает напоминать, что классы не должны объединять более 20 человек, поскольку каждому ребенку нужно уделить много внимания. Залогом успешной учебы будет обеспечение детей бесплатными учебниками, перьями и чернилами.

Члены Академии выполняли обязанности по контролю за деятельностью учебных заведений столицы. В феврале 1780 г. Екатерина II обратилась к директору Академии наук С. Г. Домашневу, чтобы были назначены два или три академика для осмотра всех пансионов, частных школ и проведения экзаменов среди учителей и учащихся.⁵⁴ 16 марта 1780 г. на заседании Академии наук А. П. Протасовым был зачитан императорский указ и были назначены две комиссии для выполнения этого поручения.

Академикам П. С. Палласу, И. И. Лепехину, В. Л. Крафту и И. А. Гильденштедту надлежало осмотреть все пансионы Петербурга, академику А. П. Протасову, адъюнктам Ф. П. Моисеенко и В. Ф. Зуеву — русские школы при церквях.⁵⁵ Из письма Екатерины II было известно, что к царскому указу был приложен список учебных заведений.⁵⁶ Обнаруженный мною документ под названием «Список находящихся в С.-Петербурге учителям разных наук и языков и какие именно ученики и ученицы у них обучаются», составленный в полиции в феврале 1780 г., является интересным документом для осуществления анализа состояния учебного дела в России.⁵⁷

Согласно списку, в городе было 26 частных пансионов и школ, которые были расположены следующим образом: в первой и второй Адмиралтейской частях города по 6 пансионов, в Московской — 4, в Литейной — 3, в С.-Петербургской — 2, в Васильевской — 5. Только четверо из 26 содержателей пансионов имели аттестаты от Академии наук с разрешением заниматься подобной деятельностью. В этих учебных заведениях обучалось 447 мальчиков и девочек.⁵⁸

⁵⁴ ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 2-1780. Д. 3. Л. 20.

⁵⁵ Протоколы заседаний Конференции имп. Академии наук с 1725 по 1803 г. СПб., 1900. Т. 3. С. 460.

⁵⁶ ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 2-1780. Д. 3. Л. 20 об.

⁵⁷ Там же. Д. 4. Л. 39—52 об.

⁵⁸ Там же.

Большая работа по инспектированию частных учебных заведений была проведена быстро, о чем свидетельствует сохранившийся в ПФА РАН экземпляр записки академиков на 70 страницах, очень подробно характеризующий каждое учебное заведение.⁵⁹ 28 апреля 1780 г. был представлен отчет. После рассмотрения и обсуждения этих материалов на собрании академиков 1 мая 1780 г. был составлен доклад для представления Екатерине II.⁶⁰

Этот доклад, обнаруженный в Москве в РГАДА, дает важнейший и интереснейший материал для характеристики состояния просвещения в столице в 80-х гг. XVIII в., в нем вскрываются основные недостатки и высказываются пожелания по улучшению организации просвещения в стране.⁶¹

Академическая комиссия осмотрела все 26 пансионеров и отметила, что они были открыты только иностранцами — французами и немцами, и что в них обучают 90 учителей, среди них 50 — немцев, 20 — французов и 20 — русских. Из числа русских учителей половина обучала танцам и рисованию и только 8 человек русскому языку и 2 — математике. Преподавателями математики во всех пансионах были военнослужащие, которые часто пропускали уроки и не очень добросовестно относились к занятиям. Первый вывод, к которому пришли члены комиссии, это отсутствие «искусных и знающих воспитателей и наставников», и особенно огорчало отсутствие учителей «из природных россиян». Вторым, весьма существенным недостатком было состояние учебных книг. В докладе Екатерине II записано: «Книги в большей части училищ употребляются не лучшие, многие же из них и весьма худы»; происходит это от того, что для обучения выбирают без разбора иностранные учебники. (Комиссия предлагала начать создавать учебники, «сделать их общими для всех школ» и напечатать в типографии Академии наук).

Ряд замечаний касался процесса обучения. Отмечалось, что много внимания уделяется изучению французского языка, а «потому не только русский и немецкие языки, но и знание многих вещей достаются в небрежении». Критиковали основной метод обучения — «затверживание»; с грустью указывали, что помещения пансионеров совсем не приспособлены для проведения занятий.

Очень кратко в докладе говорилось о русских школах, организованных при церквях столицы. Было названо число таких школ — 31, где обучалось 320 учеников, из них 310 русских. И главное, что было замечено академической комиссией и подчеркнуто в докладе императрице, это то, что в Петербурге совсем недостаточно пансионеров и школ и 21 тыс. детей от 4 до 14 лет нигде не учатся.

Члены комиссии, академики Гильденштедт, Крафт, Лепехин, Паллас, проведя осмотр учебных заведений Петербурга, просили Екатерину II «вести в действие особое правительство», в обязанность которого будет входить контроль за уже имеющимися и учреждение новых учебных заведений, аттестация учителей, «дабы тем в лучшее привести совершенство народное воспитание».

В 1784 г. был проведен очередной смотр частных учебных заведений и русских школ. В 23 пансионах города обучалось 720 детей (501 мальчик и

⁵⁹ Там же. Ф. 1. Оп. 2-1780. Д. 4. Л. 1—38 об.

⁶⁰ Протоколы заседаний... Т. 3. С. 464.

⁶¹ РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 33. Л. 40—43.

219 девочек), в 17 школах — 159 детей. Один пансион и все школы были закрыты, так как в них нашли «преподавание весьма несовершенно». ⁶² С 1 февраля 1785 г. все желающие открыть частные учебные заведения или стать домашними учителями должны были получить разрешение в Комиссии об учреждении народных училищ, которой Академия наук передала свои обязанности по экзаменованию учителей. ⁶³

Как известно, в XVIII в. очень популярным было домашнее образование, которое осуществлялось силами частных учителей, прежде всего иностранцев. Среди них часто попадались случайные, малообразованные люди, поэтому правительство решило контролировать их деятельность. Сенатским указом от 5 мая 1757 г. «О предварительном испытании в науках иностранцев, желающих определиться в частные дома для обучения детей», ⁶⁴ эта обязанность возлагалась в С.-Петербурге на Академию наук, в Москве — на университет. Все желающие учителя должны были сдать экзамен и получить аттестаты; без аттестатов впредь они не допускались к преподаванию. Если кто «примет к себе в дом и станет держать учителя, не имеющего должного аттестата», говорится в указе, подвергается штрафу в 100 руб.; а учитель может быть выслан за границу. ⁶⁵ Через «Санкт-Петербургские ведомости» 16 мая 1757 г. Академия наук объявляла и приглашала на экзамены по вторникам. ⁶⁶ В 1757 г. были выданы аттестаты 61 учителю. Например, в аттестате магистру Фридриху Преторибсу, врученному ему 4 мая 1757 г., было указано, что «он был прежде в Финляндии пастором ... а теперь живет в С.-Петербурге и держит на Адмиралтейской части приватную школу, обучая приходящих к нему детей латинскому и немецкому языкам, катехизису, истории, географии, арифметике и чистописанию. В том дается ему сие свидетельство, что он к таковому обучению способен». ⁶⁷

Отказано было «за нехорошим знанием» только двум претендентам: Андрею Потбеку из Ревеля и Петру Гендрикову из Астрахани. ⁶⁸

М. В. Ломоносов, живо интересовавшийся состоянием образования в России, внимательно следил за ходом этих экзаменов. Результаты экзаменов показались ему неудовлетворительными, и за его подписью из Канцелярии был послан 16 июня 1757 г. Г. Ф. Миллеру указ, где отмечалось, что «1) многие учителя ничего, кроме своего языка, не знают и правилам грамматическим никогда не учились; 2) аттестаты даются в сомнительных терминах, так что можно заключить, что один человек и достоин и недостоин». ⁶⁹ Миллеру ставилось в вину, что он экзаменует во французском языке, так как это надлежало делать акад. Ф. Штрубе-де-Пирмонтю.

Академия наук выполняла эти обязанности почти 30 лет, и все академики и адъюнкты второй половины XVIII в. принимали участие в организации экзаменов. ⁷⁰ Хотя в нашей памяти сильны образы учителей из комедий Д. И. Фон-

⁶² РГИА. Ф. 730. Оп. 1. Д. 70. Л. 1—111; Д. 74; Л. 5—9; Оп. 2. Д. 3. 50—190; РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 76. Л. 40—55.

⁶³ ПСЗ. Т. 21. № 16058. С. 207—208.

⁶⁴ Там же. Т. 14. № 10724. С. 765.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Санкт-Петербургские ведомости. 1757. 16 мая. № 39.

⁶⁷ ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 9. Д. 78. Л. 43.

⁶⁸ Там же. Ф. 21. Оп. 1. Д. 27. Л. 2—4.

⁶⁹ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 830. Л. 23.

⁷⁰ Там же. Оп. 9. Д. 78, 80, 85, 97, 170, 174, 178, 189, 225, 353 и др.

визина, но, видимо, деятельность Академии наук сыграла определенную роль в повышении качества домашнего преподавания.

Кроме научных и учебных занятий многие академики выполняли обязанности учителей и воспитателей в царской семье или в семьях высокопоставленных чиновников России. Академик Х. Ф. Гросс был наставником детей графа А. И. Остермана, академик Г. З. Байер и И. С. Бекенштейн — барона И. А. Корфа, будущего президента Академии наук, академик Г. В. Крафт — сына Э. И. Бирона. Академик Г. Б. Бильфингер написал инструкцию для обучения и воспитания юного императора Петра II, которая была издана в Академии наук на русском и немецком языках. Академик Х. Гольдбах обучал математике императора Петра II и его сестру Наталью. Академики Я. Герман и Ж. Н. Делиль составили для него учебник по математике: «Сокращение математическое ко употреблению его величества Императора всея России» в 3 частях (1728). Адъютант В. Е. Адодуров обучал русскому языку будущую императрицу Екатерину II. Адъютант Г. Н. Теплов был воспитателем-наставником графа К. Г. Разумовского, будущего президента Петербургской Академии наук. Академик Н. Я. Озерецковский был наставником и руководителем внебрачного сына Екатерины II графа А. Г. Бобринского. Академик П. С. Паллас в течение многих лет преподавал естественные науки будущему императору Александру I и его брату Константину.

Серьезное занятие вопросами образования академика Я. Я. Штелина, видимо, началось в 1742 г., когда Елизавета Петровна проявила заботу о воспитании и образовании своего племянника, будущего императора Петра III и поручила Штелину и академику Х. Гольдбаху составить план его обучения.⁷¹ Рекомендации Штелина показали императрице наиболее подходящими, и он был назначен наставником к наследнику престола.⁷²

Впоследствии к Штелину неоднократно обращались «высокопоставленные особы» с просьбами составления планов воспитания и обучения их детей. Об этом свидетельствуют сохранившиеся в Рукописном отделе Российской национальной библиотеки составленные им планы. Среди них: «План обучения молодой девицы благородного происхождения» («Plan d'Information d'une heu-ne dame de qualité»),⁷³ «Самый надежный и легкий метод для проведения начальных и подготовительных занятий с молодыми господами» («Sicherste und leichteste Methode die Humaniora oder Grund- und Vorbereitungs-Studien mit jungen Herren (von 10—12 Jahre) zu tractieren»),⁷⁴ «План обучения молодого кавалера, составленный в честь молодого графа Н. П. Шереметьева» («Plan de l'Instruction d'un jeune Cavalier»),⁷⁵ «План обучения и развлечений для молодого дворянина от 9 до 10 лет» («Plan d'Instruction et d'amusements d'un jeune Seigneur de 9 à 10 ans»),⁷⁶ «Общий план обучения, составленный

⁷¹ Штелин Я. Я. Записки... о Петре III, императоре всероссийском // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1866. Кн. 4. С. 67—118; Пекарский П. П. История Академии наук в Петербурге. С. 544.

⁷² Несмотря на то что план Х. Гольдбаха не нашел одобрения Елизаветы, она в 1760 г. обращалась к нему еще раз. На этот раз Гольдбах представил свое Мнение об обучении великого князя Павла Петровича (РГАДА, ф. 2, оп. 1, д. 87, л. 1—3; Пекарский П. П. История Академии наук в Петербурге. С. 168—169).

⁷³ РО РНБ. Ф. 871. Оп. 1. Д. 35. Л. 1—4.

⁷⁴ Там же. Д. 14. Л. 1—4 об.

⁷⁵ Там же. Д. 26. Л. 1—1 об.

⁷⁶ Там же. Д. 62. Л. 1—2.

для графа И. Г. Чернышева» («Plan général d'Information pour M-le Cte Tchernicheff»).⁷⁷

Значительный вклад в развитие образования в России внесла Академия наук, занимаясь составлением школьных учебников. Согласно петровскому проекту об учреждении Академии, одна из обязанностей академиков заключалась в том, что «каждый академик обязан систем или курс в науке своей в пользу учащихся молодых людей изготовить». В проекте указывалось, что эти книги будут печататься «на императорском иждивении» на латинском языке, а издание их в русском переводе было бы «не токмо в великую пользу, но и во славу» российскому народу. Первый учебник появился в 1728 г. Это был учебник математики в трех томах, составленный академиками Я. Германом и Ж. Н. Делилем, изданный на французском и русском языках и предназначенный для обучения юного императора Петра II.

Благодаря тому что составлением учебников занимались первоклассные ученые, совмещавшие эти занятия с научными исследованиями, знавшие современное состояние своих наук, учебники создавались на высоком теоретическом уровне, с учетом новейших открытий и достижений в науках, носили практический характер, были прекрасно иллюстрированы, содержали продуманные методические рекомендации — и это позволило им надолго остаться актуальными для российской школы. Всего в XVIII в. в Академии наук было написано, переведено и издано около 200 учебных книг.⁷⁸

Таким образом, Санкт-Петербургская Академия наук на протяжении XVIII в. выполняла не только научные функции, но и учебные, являлась мощным центром образования в России. Университет, Гимназия, школы японского и китайского языков, академические палаты готовили отечественных специалистов и образованных людей. Значительное количество проектов, составленных членами Академии наук по улучшению различных сторон деятельности Университета и Гимназии, по организации внеакадемических учебных заведений, создание учебной литературы дают возможность утверждать, что в Академии наук с большим вниманием относились к вопросам обучения и воспитания российского юношества.

---

⁷⁷ Там же. Д. 63. Л. 1—4.

⁷⁸ Смагина Г. И. 1) Из истории создания и распространения учебных книг в России во второй половине XVIII в. // Книга в России XVII—начале XIX в. Л., 1987. С. 71—78; 2) Первые учебники физики в России // Физика в школе. 1987. № 3. С. 14—16.

Е. А. ИВАНОВА

**ИЗМЕНЕНИЯ В ФОРМАХ ОРГАНИЗАЦИИ ЛЕНИНГРАДСКИХ
УЧРЕЖДЕНИЙ АН СССР
(1934—1979 гг.)**

До начала 1930-х гг. основная часть академических организаций была расположена в Ленинграде, там же проживало и работало большинство членов Академии. При выполнении постановления Совета народных комиссаров от 25 апреля 1934 г. о переводе Академии наук вместе с научным оборудованием (250 железнодорожных вагонов) в Москву переехали и 300 высококвалифицированных сотрудников 14-ти академических институтов.¹ После переезда Президиума и состоящих при нем организационных подразделений хозяйственные службы были разделены на московскую и ленинградскую части. Управление делами, находившееся при Президиуме в Москве, имело свое отделение и в Ленинграде. В 1935 г. в Ленинградское административно-хозяйственное управление (ЛАХУ) входили: финансовый сектор, жилищно-коммунальное управление, автобаза. ЛАХУ размещалось в здании Академии на Университетской набережной, д. 5. Московскую и ленинградскую части имел и Комитет по подготовке кадров. Этот комитет, ведая всей аспирантурой Академии, должен был объединять и организовывать работу всех академических научно-исследовательских институтов в области подготовки высококвалифицированных научных работников по представленным в Академии наук специальностям. Его ленинградская часть также размещалась в здании на Университетской набережной.² Сохраняли свои служебные кабинеты в Ленинграде и руководители Академии: ее президент — академик А. П. Карпинский, вице-президент — академик В. Л. Комаров (ставший президентом в 1936 г.), непреременный секретарь — академик В. П. Волгин.

Известный историк науки А. В. Кольцов впервые рассмотрел «развитие ленинградских учреждений АН СССР в комплексе, в целом».³ В его книге дана

¹ *Комков Г. Д., Левшин Б. В., Семенов Л. К.* Академия наук СССР. Краткий исторический очерк. В 2 т. Изд. 2-е. М., 1977. Т. 2. 1917—1976. С. 59; *Есаков В. Д.* Переезд Академии наук в Москву // *Москва научная*. М., 1997. С. 452—468.

² Справочник Академии наук на 1935 г.

³ *Кольцов А. В.* Ленинградские учреждения Академии наук СССР в 1934—1945 гг. / Отв. ред. Э. И. Колчинский. СПб., 1997. С. 5.

характеристика сети научных учреждений Ленинграда и достижений ленинградских ученых в 1934—1945 гг. В этот период ленинградская наука понесла тяжелейшие потери, связанные с репрессиями, которым подверглись многие ленинградские ученые: геологи, физики, физиологи и многочисленные представители гуманитарных наук.⁴

К концу 1940—началу 1941 г. общая численность ленинградских академических учреждений достигла 33, среди них — 12 институтов, три отделения институтов, одна обсерватория, три самостоятельные лаборатории, три комиссии, один комитет, два музея, одно общество и два отделения обществ. В Ленинграде находились Архив и Библиотека АН СССР.⁵

Во время Великой Отечественной войны руководство академическими учреждениями в нашем городе осуществляла ленинградская группа членов президиума — академики Л. А. Орбели, П. И. Степанов, И. И. Мещанинов. 21 октября 1941 г. этот орган был переименован в Комиссию по делам ленинградских учреждений АН СССР. После эвакуации перечисленных членов комиссии руководство было возложено на академика С. А. Жебелева, деятельное участие в ее работе стал принимать академик И. Ю. Крачковский. Он же стал председателем созданного весной 1942 г. Объединенного ученого совета гуманитарных учреждений Академии. На Совете, включавшем 22 сотрудника гуманитарных институтов Ленинграда, обсуждались научные доклады, защищались кандидатские и докторские диссертации.⁶

В 1950 г., когда президентом Академии был академик С. И. Вавилов, в Ленинграде в главном здании Академии наук находился «Кабинет Президента АН СССР».⁷ С 1953 г. в Академии появилась новая должность — уполномоченный Президиума АН СССР по Ленинграду. Первым исполняющим обязанности уполномоченного стал директор Физико-технического института АН СССР д. ф.-м. н. А. П. Комар. К этому времени ввели также должность уполномоченного Центрального управления капитального строительства по Ленинграду и Ленинградской области. Были созданы Особое строительно-монтажное

---

⁴ Академическое дело 1929—1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 1. Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова. СПб., 1993; Вып. 2. Дело по обвинению академика Е. В. Тарле. В 2-х ч. СПб., 1998; Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге / Под ред. И. П. Медведева. СПб., 1995; *Горяинов А. Н.* Славяноведы — жертвы репрессий 1920—1940 гг. // Сов. славяноведение. 1990. № 2. С. 78—89; *Перченко Ф. Ф.* К истории Академии наук: снова имена и судьбы... Список репрессированных членов Академии наук // In memoriam: Исторический сборник памяти Ф. Ф. Перченка. М.; СПб., 1995. С. 141—210; Репрессированная наука / Под ред. М. Г. Ярошевского. Л., 1991. Вып. 1; Л., 1994. Вып. 2; Репрессированное востоковедение. Востоковеды, подвергшиеся репрессиям в 20—50-е годы // Народы Азии и Африки. 1990. № 4. С. 113—125; № 5. С. 96—106; Репрессированные геологи: Биографические материалы. СПб., 1992; *Решетов А. М.* Репрессированная этнография: люди и судьбы // Кунсткамера. 1994. Вып. 4. С. 185—221; Вып. 5—6. С. 342—368; Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга / Под ред. И. П. Медведева. СПб., 1999; Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М., 1995.

⁵ *Кольцов А. В.* Ленинградские учреждения Академии наук в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945 // Ленинградская наука в годы Великой Отечественной войны. СПб., 1995. С. 16.

⁶ Там же. С. 16.

⁷ Справочник Академий наук союзных республик на 1950 год. М.; Л., 1950. С. 218.

управление «Ленакадемстрой» и Ленинградская проектная контора. Для ленинградских академических учреждений были открыты Дом аспирантуры, а в 1955 г. — общежитие для приезжающих ученых на улице Халтурина.

Позже уполномоченными Президиума по Ленинграду были академик А. А. Лебедев (с 1955 г.), академик М. П. Костенко (с 1958 г.), академик Б. Е. Быховский (с 1965 г.). С 1971 г. уполномоченным Президиума по Ленинграду стал директор Физико-технического института им. А. Ф. Иоффе академик В. М. Тучкевич. С 1972 г. в Ленинградском административно-хозяйственном управлении (ЛАХУ) появился ученый секретарь — к. ю. н. Б. Д. Лебин, до этого несколько лет работавший руководителем управления научными кадрами ЛАХУ.

В 1974 г. помимо ЛАХУ был создан аппарат уполномоченного Президиума АН СССР по Ленинграду. В него вошли ученый секретарь ленинградских учреждений АН СССР, группа экономического и социального планирования, группа управления кадров, иностранный отдел. В ЛАХУ остались хозяйственные службы и академические организации социально-бытовой сферы. Отметим и расширение функций аппарата уполномоченного, произошедшее в это время. В 1974 г. под заголовком «Академия наук СССР. Ленинградские учреждения» вышли «Методические рекомендации к разработке плана экономического и социального развития для ленинградских академических организаций»,⁸ что отвечало требованиям Ленинградского Обкома КПСС (ЛОК КПСС) о разработке комплексных планов экономического и социального развития во всех организациях города.

Развитие академической науки в Ленинграде, как и во всей стране, осуществлялось под контролем партийных органов.⁹ Партийное руководство сферой науки в Ленинграде, пишет А. А. Курепин, «концентрировалось на таких направлениях, как руководящие и научные кадры НИИ, научно-техническое обеспечение возраставших потребностей народного хозяйства страны и Северо-Западного района, подготовка кадров, политическая и идеологическая работа с научной интеллигенцией».¹⁰

Таким образом, по мере роста ленинградских институтов, развития ведомственной социальной и строительной сферы в Ленинграде увеличивалось и

---

⁸ Методические рекомендации к разработке плана экономического и социального развития комплекса ведомственных организаций (на примере ленинградских учреждений Академии наук СССР). Л., 1974.

⁹ Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б)—КПСС. 1922—1952 / Сост. В. Д. Есаков. М., 2000; *Бастракова М. С.* Становление советской системы организации науки (1917—1922). М., 1973; Документы по истории Академии наук СССР: 1917—1925. Л., 1986; Документы по истории Академии наук СССР: 1926—1934. Л., 1988; *Есаков В. Д.* Советская наука в годы первой пятилетки. М., 1971; За «железным занавесом»: мифы и реалии советской науки / Под ред. М. Хайнеманна и Э. И. Колчинского. СПб., 2002; *Кольцов А. В.* Развитие Академии наук как высшего научного учреждения СССР. 1926—1932 / Отв. ред. Б. Б. Пиотровский. Л., 1982; *Колчинский Э. И.* В поисках советского «союза» философии и биологии. СПб., 1999; На переломе: Отечественная наука в первой половине XX в. СПб., 1999; На переломе: Советская биология в 20—30-х гг. СПб., 1997; Организация науки в первые годы советской власти (1917—1925). Сб. документов. Л., 1968; Организация советской науки в 1926—1932 гг. Сб. документов. Л., 1974; Очерки истории организации науки в Ленинграде. 1703—1977. Л., 1980.

¹⁰ *Курепин А. А.* Наука и власть в Ленинграде. 1917—1937 гг. СПб., 2003. С. 253.

представительство центральных академических служб, множились их функции, расширялось взаимодействие ленинградского академического комплекса с городскими властями.

В то же время в течение всего советского периода ленинградская академическая наука сохраняла особое положение внутри академического сообщества. Ленинградские ученые принимали участие в создании Академий наук союзных республик, а также многих новых академических институтов и региональных центров России: от Кольского до Дальневосточного. Так, еще в 1917—1918 гг., как писал в своих воспоминаниях академик В. И. Вернадский, сама модель устройства Санкт-Петербургской Академии с ее исследовательскими институтами и лабораториями по разным научным и техническим направлениям, сложившаяся к началу XX в., была взята за образец для Украинской Академии наук.¹¹ Этот факт был отмечен и в докладе президента РАН Ю. С. Осипова на торжественном заседании, посвященном 275-летию Российской Академии наук. Академик Ю. С. Осипов особо подчеркнул роль одного из ленинградских институтов, отметив, что «трудно переоценить вклад в развитие физических наук всемирно известной школы физиков во главе с А. Ф. Иоффе и Ленинградского Физико-технического института, давших путевку в жизнь целому ряду новых институтов и научных коллективов».¹²

Огромную роль играли ленинградские академические институты и в подготовке аспирантов и докторантов для всех академических институтов страны. Задача управления научных кадров, существовавшего с 1934 г. в составе ЛАХУ, заключалась в том, чтобы ежегодно формировать целевые планы приема аспирантов в соответствии с заявками из других регионов. В 1976—1980 гг. аспирантуру в ленинградских учреждениях АН СССР закончили 685 человек, в том числе очную — 489, заочную — 196 человек. Примерно две трети из них были целевыми аспирантами.¹³

Наибольшее количество аспирантов готовили Физико-технический институт им. А. Ф. Иоффе, Институт эволюционной физиологии и биохимии им. И. М. Сеченова, Ботанический институт им. В. Л. Комарова, Институт социально-экономических проблем, Ленинградское отделение Института языкознания, Институт физиологии им. И. П. Павлова. Эти 6 организаций подготовили за пятилетку 1976—1980 гг. 325 человек, в том числе для научных учреждений — 203 (62 %), высших учебных заведений — 107 (33 %), промышленных предприятий — 15 человек (5 %).¹⁴

В 1970-е гг. формы организации ленинградской академической науки уже не соответствовали тем изменениям, которые произошли в устройстве научно-технической сферы в СССР. По мнению Г. А. Лахтина, с конца 1950-х гг. началась третья стадия в организации советской науки.

Особенности организации науки на этой стадии определили общие предпосылки изменений в ленинградской академической науке: создание в 1979 г.

---

¹¹ *Вернадский В. И.* Труды по истории науки / Отв. ред. д. филос. н. Ф. Т. Яншина, д. геогр. н. С. Н. Жидовинов. М., 2002. С. 377—378.

¹² *Осипов Ю. С.* О становлении и истории развития Российской Академии наук. Доклад на Общем собрании РАН. 3 июня 1999 г. С. 55.

¹³ Справка о состоянии и мерах по улучшению подготовки научно-педагогических кадров через аспирантуру ленинградских учреждений Академии наук СССР. Архив СПбНЦ РАН.

¹⁴ Там же.

Межведомственного координационного совета АН СССР и Ленинградского научного центра АН СССР в 1983 г. Характеризуя эту стадию, Г. А. Лахтин называл ее «стадия превращения науки в непосредственную производительную силу, стадия, на которой она (наука. — *Е. И.*) начала, несмотря на все застойные явления, оказывать определяющее влияние на производство. Прогресс науки и техническое развитие слились в единое течение — научно-технический прогресс. Необходимость формирования последнего породила потребность в органах, руководящих и наукой, и реализацией ее результатов. В этот период была создана управляющая система, значительная роль в которой отводилась Государственному научно-техническому комитету».¹⁵

В 1957 г. был создан Государственный научно-технический комитет, который в 1961 г. был преобразован в Государственный комитет по координации научно-исследовательских работ, а в 1965 г. он стал функционировать как Государственный комитет СССР по науке и технике (ГКНТ).

Отметим, что значительная часть научного потенциала страны была сосредоточена в отраслевых НИИ. Огромная цифра занятых в так называемой прикладной науке складывалась из сотрудников институтов, принадлежащих различным отраслевым министерствам и ведомствам. Для того чтобы повысить эффективность их работы, приблизить их к производству, начиная с 1967 г. стали создаваться научно-производственные объединения. В Ленинграде и области только в 1973 г. было создано 10 новых производственных объединений. Всего к концу этого года в городе действовало 87 объединений, включая 21 научно-производственное. В состав объединений вошло 270 промышленных предприятий и 54 научные и проектные организации.¹⁶ Подчинялись эти организации своим министерствам и ведомствам.

Какие же функции выполняли две организации, призванные координировать развитие научных исследований в СССР: ГКНТ СССР и АН СССР?

Общее руководство научными исследованиями осуществлял Совет министров СССР. Он рассматривал и утверждал основные направления развития науки; план развития науки; финансирование научных исследований; основные мероприятия, направленные на улучшение развития науки и руководства ею.

Основные функции Госкомитета по науке и технике заключались в координировании выполнения единой государственной политики в области развития научно-исследовательских работ; определении основных направлений развития науки и техники; организации разработки важнейших научно-технических проблем совместно с министерствами и ведомствами СССР и Советами министров союзных республик; разработке основных направлений развития науки на перспективу, научно-технических прогнозов по важнейшим народнохозяйственным проблемам; в организации подготовки планов научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ по основным проблемам и передаче проектов планов в Совет министров СССР. Научные советы по важнейшим комплексным и межотраслевым научно-техническим проблемам при Госкомитете по науке и технике осуществляли координацию всего комплекса научно-исследовательских работ по соответствующим проблемам.

¹⁵ Лахтин Г. А. Организация советской науки: история и современность. М., 1990. С. 12.

¹⁶ Ленинградская организация КПСС в цифрах. 1917—1973. Л., 1974. С. 59.

Академия наук СССР была подчинена Совету министров СССР. Она осуществляла общее руководство исследованиями по важнейшим проблемам естественных и общественных наук, выполняемыми в научно-исследовательских учреждениях, определяла основные направления исследований и проводила координацию научно-исследовательских работ. Совместно с ГКНТ, министерствами и ведомствами отбирала наиболее перспективные фундаментальные исследования с целью организации их дальнейшей разработки, определяла области применения результатов этих исследований и организовывала их внедрение в народное хозяйство.

Президиум АН СССР разрабатывал и представлял проекты планов финансирования материально-технического обеспечения и капитальных вложений на развитие научных учреждений АН СССР и академий союзных республик; осуществлял контроль за развитием научных исследований; организовывал научные советы по важнейшим проблемам в области естественных и общественных наук.

Основной формой координации являлись комплексные программы научных исследований и научно-технических разработок. Программы были межотраслевые и отраслевые, реализуемые в рамках объединения или региона. Разработка комплексных программ велась по наиболее важным научно-техническим, экономическим и социальным проблемам. Это позволяло в рамках единого народнохозяйственного плана концентрировать ресурсы на решении ключевых проблем и решать межотраслевые вопросы. Разрабатывались и реализовывались региональные комплексные программы, например программа развития сельского хозяйства и связанных с ней отраслей Нечерноземной зоны РСФСР. Однако работа механизмов формирования и реализации этих программ была затруднена ведомственной принадлежностью организаций, которые должны были совместно работать над одной комплексной проблемой.

В крупных научно-технических центрах делались попытки преодолеть эти ведомственные барьеры, создавая так называемые межведомственные целевые научно-производственные комплексы, которые работали на договорных началах по согласованию с заинтересованными министерствами и ведомствами и, как правило, под руководством обкомов или горкомов партии. Руководящими органами комплексов являлись советы или коллегии, состоящие из представителей соответствующих организаций. Во главе коллегии обычно стоял крупный ученый, его заместителем являлся заведующий или заместитель заведующего соответствующим отделом областного комитета партии.

В АН СССР также был накоплен опыт разработки территориальных планов по координации научно-исследовательских работ и внедрению их результатов в народное хозяйство и культурное строительство. Так, Президиум Сибирского отделения АН СССР в течение многих лет организовывал комплексные исследования совместно с вузами, учреждениями Академий наук союзных республик, научно-исследовательскими институтами и предприятиями различных министерств и ведомств. Эти координационные планы включали, как правило, поисковые работы, прикладные исследования, внедрение в практику. Примером подобной разработки является программа «Сибирь».¹⁷

---

¹⁷ Жуков М. Ф. Проблема организации науки в Сибири в современных условиях // Методологические проблемы современной науки. М., 1979. С. 15; Контюг В. Сибирские масштабы (по комплексным программам) // Правда. 1981, 15 февраля; Марчук Г. И.

Стимулирование научно-технического прогресса, активное вмешательство в научную сферу были характерны для деятельности партийных органов на протяжении всего советского периода. Этому вопросу были посвящены множество решений съездов, конференций КПСС и пленумов ЦК, иных документов ЦК КПСС и Советского правительства.¹⁸ При этом основную причину «низкой отдачи науки» они видели в «несовершенстве организации, т. е. механизма, призванного преобразовать ресурсы в результаты». Соответственно основной задачей выступала «перестройка этого механизма, формирование такой системы организации и управления наукой и научно-техническим развитием, которая обеспечила бы требуемое ускорение».¹⁹

Все эти процессы, общие для страны, проявились и в Ленинграде. В послевоенный период «в городе формировались новые учреждения Академии наук СССР, отраслевые институты, конструкторские и технологические организации, деятельность которых обуславливалась специализацией ленинградской промышленности в области машиностроения, энергетики, приборостроения, судостроения, электроники, химии и других сфер производства. Объем научных исследований ученых Ленинграда, выполнявшихся для города, в середине 60-х гг. составлял 30 %, для Северо-Запада — 10 %, для других регионов страны — 45 % и для зарубежных стран — 15 %».²⁰

К 1965 г. в Ленинграде уже насчитывалось «около 400 различных научных организаций. Среди них 28 научных учреждений Академии наук СССР, 41 вуз, свыше 50 отраслевых научно-исследовательских технических институтов и столько же ленинградских филиалов и отделений центральных научно-технических организаций, более 50 проектных институтов, большая группа конструкторских бюро, 20 медицинских НИИ, 10 сельскохозяйственных, группа институтов, работающих в сфере горно-геологической науки, ряд учреждений, исследующих проблемы общественных наук, культуры и искусства».²¹

В целом в сфере науки и научного обслуживания был занят каждый пятый труженик города.²²

Научно-техническая сфера Ленинграда — крупнейшего промышленного и научного центра страны — постоянно находилась в центре внимания руко-

---

Наука и технический прогресс // Методологические проблемы современной науки. М., 1979. С. 8; Сухоруков Ф. В., Дубнов А. П. Программа «Сибирь». Система руководства научными исследованиями // Вестник АН СССР. 1979. № 9. С. 51—55; Евсеенко А. В., Унтура Г. А. Научно-технический комплекс региона: Анализ и прогнозирование (на примере Сибири). Новосибирск, 1990.

¹⁸ См.: Заузолков Ф. Н. Коммунистическая партия — организатор создания научной производственно-технической интеллигенции СССР. М., 1973; Руденко Р. Ф., Захарова Е. Г. КПСС и научно-технический прогресс. Указатель советской литературы, изданной в 1918—1974 гг. Свердловск, 1975; В. И. Ленин, КПСС о развитии науки / Под общей ред. К. М. Боголюбова. М., 1981; Маркс, Энгельс, Ленин, КПСС о научно-техническом прогрессе. М., 1989.

¹⁹ Лахтин Г. А. Организация советской науки: история и современность. М., 1990. С. 3.

²⁰ Думачев А. П., Соболев А. П. За эффективность науки. Л., 1968. Цит. по: Лебин Б. Д. Основные этапы развития науки в Ленинграде // Совершенствование управления фундаментальными исследованиями в крупном городе / Под ред. ак. И. А. Глебова и проф. И. И. Сигова. Л., 1983.

²¹ Очерки истории организации науки в Ленинграде. 1703—1977. Л., 1980. С. 270—271.

²² Там же. С. 274—276.

водства Ленинградской партийной организации, которое постоянно стремилось усилить партийное влияние в этой сфере. В предисловии к справочнику Ленинградской партийной организации отмечалось, что «в 1973 году по сравнению с 1958 годом научных работников вступило в партию почти в 8 раз больше, медицинских работников почти в 3 раза, инженерно-технических работников, работников культуры, литературы и искусства более чем в 2 раза».²³ Подчеркивается и такой факт: «В Ленинграде и области работают 2,8 тысячи докторов наук, 64 процента из них — коммунисты; среди более чем 20 тысяч кандидатов наук коммунистов почти половина. Только за последние 10—12 лет в Ленинградской партийной организации число коммунистов, имеющих ученую степень доктора наук, увеличилось более чем в 5 раз, а число коммунистов кандидатов наук — почти в 3 раза».²⁴

Ленинградский ОК КПСС нередко выступал инициатором создания форм по ускорению научно-технического прогресса, которые затем распространялись на всю страну.²⁵

В 1972 г. Совет содействия техническому прогрессу при Ленинградском городском комитете КПСС, созданный постановлением бюро Ленинградского городского комитета КПСС от 21 марта 1962 г., был реорганизован в Совет экономического и социального развития. Решением бюро обкома КПСС от 27 июня 1984 г. функции этого Совета, его структура и состав были пересмотрены, изменено и его название. Он стал называться Советом экономического и социального развития, ускорения научно-технического прогресса при Ленинградском обкоме КПСС.

В 1978 г. уполномоченным Президиума АН СССР по Ленинграду становится академик И. А. Глебов, а в 1979 г. создается предшественник Ленинградского научного центра — Межведомственный координационный совет.

Выступая на XXIV конференции ленинградской областной партийной организации 19 января 1979 г. академик И. А. Глебов отметил, что «Ленинградский обком КПСС явился в 1977 году инициатором создания у нас в городе Научно-технического объединения Академии наук СССР. Оно стало главным центром научного приборостроения в стране. Уже сегодня приборы, разрабатываемые в Научно-техническом объединении, входят неотъемлемой частью комплекса оборудования космических станций, спускаемых аппаратов, расширяют возможности исследований, которые проводят физики, химики, биологи. Исключительно своевременной была организация в Ленинграде научно-исследовательского вычислительного центра Академии наук СССР, одного из наиболее мощных в нашей стране. Это первая в системе Академии наук СССР организация, научным профилем которой является автоматизация научных исследований, позволяющая в ближайшие годы существенно повысить эффективность труда ученых».²⁶

²³ Ленинградская организация КПСС в цифрах. 1917—1973. Л., 1974. С. 53.

²⁴ Там же. С. 59.

²⁵ См.: Постановление ЦК КПСС об инициативе предприятий и организаций г. Ленинграда, участвующих в сооружении Саяно-Шушенской ГЭС, по развитию социалистического соревнования за сокращение сроков и высокое качество работ при строительстве этой гидроэлектростанции от 30 апреля 1975 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1975—1977. М., 1978. Т. 12. С. 18—19.

²⁶ ЦГАИПД. Ф. 24. Оп. 174. Д. 1.

Далее в своем выступлении И. А. Глебов подчеркнул важность координационных усилий: «Из большого круга проблем, которые нам предстоит решать в ближайшее время, я хотел бы прежде всего выделить, на наш взгляд, наиболее важную. Речь идет о необходимости четкой координации научно-исследовательской деятельности. Для решения этой проблемы важно использовать тот положительный опыт, который накоплен в объединении по инициативе обкома КПСС, усилий многих организаций Ленинграда в строительстве Саяно-Шушенской ГЭС, в наиболее рациональной системе работы всех видов транспорта. Сегодня есть предпосылки перейти к межотраслевой координации и к комплексному решению также и в области фундаментальных и поисковых исследований, проводимых учреждениями Академии наук СССР, отраслевыми институтами и высшими учебными заведениями, расположенными на территории Северо-Запада нашей Федерации. С этой целью по инициативе обкома КПСС и Президиума Академии наук СССР в настоящее время рассматриваются предложения о создании Северо-Западного научного центра Академии наук СССР».²⁷

---

²⁷ Там же.

И. В. ЛАЗАР

КРИЗИС ВООРУЖЕНИЯ И ПРОИЗВОДСТВО ВЗРЫВЧАТЫХ ВЕЩЕСТВ В НАЧАЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

С самого начала Первой мировой войны все воюющие армии испытывали нехватку боевого снабжения, прежде всего снарядов. Последние достижения военной техники — в том числе фугасные снаряды — вызвали небывалый скачок в развитии артиллерии и рост ее эффективности в период, предшествовавший Первой мировой войне. В итоге артиллерийская мощь стала решающим фактором в ходе этой войны. С началом боевых действий интенсивность артиллерийского огня превзошла ожидания всех воюющих армий и потребовала такого расхода снарядов, который значительно превышал все сделанные перед войной запасы. Промышленность ни одной из стран-участниц не справлялась в полной мере с огромным спросом на снаряды, требующиеся для ведения боевых действий.

Наиболее тяжелой была ситуация в русской армии, которой в первые месяцы войны пришлось участвовать в крупных кровопролитных сражениях (Галицийская битва в августе—сентябре 1914 г., Варшаво-Ивангородская операция в сентябре—октябре 1914 г., Восточно-Прусская операция в августе—сентябре 1914 г.). Так, в ходе Галицийской битвы батареи Юго-Западного фронта за три недели израсходовали по тысяче снарядов на орудие, то есть весь запас войны. В итоге за первые четыре месяца войны мобилизационные запасы боевых снарядов (5,6 млн) оказались полностью израсходованы.¹ Начался систематический «снарядный голод», который стал бедой русской армии на всем протяжении войны, но особенно в течение 1915 г. Между тем к началу 1915 г. положение русской армии осложнилось: в результате Восточно-Прусской операции Германия перебросила войска и тяжелую артиллерию с Западного фронта на Восточный. В этих условиях требовалось экстренное расширение производства боеприпасов, но в первые месяцы 1915 г. российские предприятия могли производить только до 10—25 % от необходимого армии количества

---

¹ Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1975. С. 20.

снарядов.² Причиной тому был недостаток как самих снарядов, так и еще более тяжелый дефицит взрывчатых веществ, необходимых для снаряжения готовых снарядных корпусов.³

Прежде чем обратиться к причинам нехватки взрывчатых веществ, надо сказать несколько слов о состоянии русской промышленности, особенно тех ее отраслей, которые имели военное значение. Процесс мобилизации промышленности с началом войны принял чрезвычайно трудный и затяжной характер. Никакого целостного плана мобилизации не существовало, поскольку Военное ведомство, в чьи обязанности входили вопросы обеспечения армии, руководствовалось принятой российской властью военной доктриной. Согласно этой доктрине грядущая война должна была быть не затяжной, а быстрой и решительной, и запасов снарядов, сделанных перед войной, должно было хватить. В официальном документе, составленном в Военном министерстве, говорилось: «Войну мы предполагали вести в расчете только на заготовленные в мирное время запасы. Плана и подготовки к систематическому пополнению расхода этих запасов во время самой войны не было. (...) Запасов хватило на 4 месяца...».⁴ То есть системы, позволяющей промышленности во время войны переходить на работу для снабжения армии, как это делалось, например, в Германии, в России не существовало. «Военное и морское ведомства, заготавливая запасы боевого снаряжения на случай войны, совершенно игнорировали способ пополнения их во время военных действий, не учитывая, какой большой расход их потребуется во время боя».⁵ Пришлось в спешном порядке принимать экстренные меры, налаживать новые отрасли промышленности, прежде всего химической, и «приспособлять наспех существующие промышленные предприятия для целей войны».⁶

Ситуация осложнялась тем, что химическая промышленность в России накануне войны была развита слабо и находилась в сильной зависимости от поставок иностранного сырья. Производство же продуктов органической химии в начале века только начало складываться. Немногочисленные заводы, производящие эти продукты, работали на импортном, преимущественно германском, сырье — бензоле и толуоле. Доля отечественного производства бензола была ничтожной — всего 3 % от потребности.⁷

---

² Китанина Т. М. Россия в Первой мировой войне 1914—1917 гг. Экономика и экономическая политика. СПб., 2003. С. 81.

³ Во второй половине 1914-го и в первой половине 1915 г. главным тормозом снаряжательных работ был недостаток взрывчатых веществ. Во вторую половину 1915 г. подача взрывчатых веществ значительно возросла, и к началу 1916 г. уже не хватало снарядов, которые следовало ими снарядить, хотя до заявленных армией потребностей не доставало и того, и другого. Об этом см.: РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 128. Л. 506—518. Свод сведений о снабжении армии взрывчатыми веществами // Военная промышленность России в начале XX века (1900—1917). Документы и материалы. М., 2004. С. 761—773.

⁴ См.: Китанина Т. М. Россия в Первой мировой войне 1914—1917 гг. С. 59—60.

⁵ Ипатьев В. Н., Фокин Л. Ф. Химический комитет при Главном артиллерийском управлении и его деятельность для развития отечественной химической промышленности. Пг., 1921. С. 6.

⁶ Там же.

⁷ Урибес Э. Коксобензольная промышленность России в годы Первой мировой войны // Исторические записки. М., 1961. Т. 69. С. 47.

Причин этому было несколько. Большинство частных заводов, изготовлявших продукты органической химии (в то время основными на российском рынке были анилин и его производные, использующиеся для производства красок), находились в договорных отношениях с синдикатом иностранных производителей. Из-за очень высоких таможенных пошлин на готовые химические продукты и очень низких на химическое сырье иностранцам было выгодней ввозить в Россию сырой бензол и доводить его здесь до готовности либо ввозить под видом сырого бензола 50%-ный, или почти готовый, загрязненный небольшим количеством легко отделяемых примесей. В результате германские коксобензольные полуфабрикаты обходились в два раза дешевле отечественных.

Наиболее распространенным и эффективным способом производства бензола в то время было получение его в качестве побочного продукта при коксовании угля. Для этого необходимо было снабдить коксольные печи рекуперационными (улавливающими) установками, в которых выделяющиеся при коксовании газы собираются и подвергаются охлаждению и промывке, при этом большая часть различных примесей выделяется вместе с водой и смолой. Так можно весьма дешевым способом получить помимо бензола такие ценные примеси, как аммиак, фенол и т. д.

Однако русские владельцы металлургических заводов и рудников сами коксовых печей не строили и переработкой угля в кокс не занимались. Строительством коксовых печей и устройством заводов побочных продуктов занимались несколько иностранных, главным образом немецких, фирм. Но они не сооружали установки по улавливанию бензола, поскольку защищали интересы немецких экспортеров.

Накануне Первой мировой войны строительством коксовых заводов в России в Донецком бассейне занимались шесть иностранных фирм. Из них две фирмы («Эванс Коппе», «Оливье Пьетт») были бельгийские, три («Генрих Копперс», «Дюссельдорф» и «Коллин») — немецкие и одна («Карбонизация») — французская. Эти фирмы оговаривали с владельцами рудников свое исключительное право на постройку при печах бензольных заводов. Поскольку эти заводы, как правило, не строились, российской коксобензольной промышленности, по сути дела, не существовало, в лучшем случае она находилась в зачаточном состоянии. Так, для сравнения в 1911 г. в Германии производилось 1 058 375 пудов коксобензольных продуктов, в то время как в России — 3813 пудов.⁸

Но дело не только в засилии иностранных промышленников. Еще одним определяющим фактором было отсутствие на российском рынке в мирное время спроса на бензол и другие ароматические углеводороды.

В Западной Европе улавливание аммиака и тяжелых смол было введено в практику в 80-е гг. XIX в., а улавливание ароматических углеводородов — в первые годы XX в. В России же, несмотря на то что производство кокса в начале XX в. неуклонно увеличивалось и в 1914 г. достигло 277 млн пудов, что соответствовало уровню развитых промышленных стран, рекуперация побочных продуктов не получила распространения.⁹ Коксовые печи в Донецком бассейне

⁸ Фокин Л. Ф. Обзор химической промышленности в России. Пг., 1921. Ч. 2. Вып. 1. С. 61.

⁹ Там же. Ч. 1. С. 154—155.

сооружались в основном без всяких рекуперационных приспособлений, и только в начале 1900-х гг. французским обществом «Карбонизация» был построен в Щербиновке первый завод с улавливанием побочных продуктов. Этот завод вырабатывал аммиачную воду для Донецкого содового завода и нашатырный спирт. Там же были сделаны попытки улавливания бензола и других легких углеводородов, но коммерческим спросом эти продукты не пользовались, и их производство было прекращено. После этого неудачного опыта коксовые заводы Донецкого бассейна не спешили сооружать у себя рекуперационные установки. В итоге за первое десятилетие было построено только два завода с улавливанием побочных продуктов, а к началу войны насчитывалось двенадцать коксовых заводов, имевших рекуперационное оборудование.¹⁰ По данным Совета съездов горнопромышленников Юга России, приведенным Л. Ф. Фокиным, количество рекуперационных печей в России в период с 1911-го по 1914 г. возросло от 344 до 1027 (при общем количестве печей соответственно 4682 и 5457).¹¹ Но при этом к началу 1914 г. только 98 печей были приспособлены к полному улавливанию продуктов коксования,¹² и производство бензола все равно оставалось мизерным. В 1910 г. было произведено 5800 пудов бензола, в 1911 — 3800 пудов, в 1912, по-видимому, ничего (или данных нет), в 1913 — 2400 пудов, и только в 1914 — 47 600 пудов.¹³ Последнее количество — с учетом бензола, который был выработан в последние месяцы года, во время войны, то есть в условиях возросшего спроса на данный продукт. Для того чтобы соотнести это количество сырого вещества с количеством готового взрывчатого вещества, нужно принять в расчет, что из 100 пудов сырого бензола в зависимости от его сорта вырабатывается от 13 до 76 пудов толуола. А из одного пуда толуола получается 1.8 пуда тротила. То есть, даже если предположить, что производимый бензол был высокой концентрации и давал, допустим, со ста пудов 70 пудов толуола, то получается 33 320 пудов толуола, из которого можно произвести 59 976 пудов тротила. Как мы увидим в дальнейшем, это меньше минимальной месячной нормы взрывчатых веществ, необходимых армии уже в конце 1914 г.¹⁴ Отсюда видно, какова была производительность пущенных на полную мощность донбасских рекуперационных печей.

Так или иначе эти данные заинтересовали Военное ведомство только в начале войны. До войны статистика получения сырья для взрывчатых веществ не велась. Казенные заводы взрывчатых веществ — Охтенский и Сергиевский (Самарский), а также крупный частный Шлиссельбургский завод Русского об-

¹⁰ В книге Л. Ф. Фокина, из которой взяты все прочие приведенные здесь данные, указано другое число заводов, построенных по рекуперативному типу, — восемь. Двенадцать — число заводов с рекуперативным оборудованием, по данным ГАУ, которые следовало посетить комиссии В. Н. Ипатьева, в которую входил и инженер Л. Ф. Фокин. Возможно, в своей книге Фокин имел в виду число действующих заводов с неполной рекуперацией, т. е. с утилизацией только смолы и аммиака.

¹¹ *Фокин Л. Ф. Обозр...* Ч. 1. С. 156.

¹² Когда в конце 1914 г. в Донбасс отправилась комиссия В. Н. Ипатьева, печей с полной рекуперацией насчитывалось 358. Эти статистические расхождения, как и многие другие, скорее всего, объясняются тем, что в первом случае принимались во внимание только действующие печи.

¹³ *Фокин Л. Ф. Обозр...* Ч. 1. С. 156.

¹⁴ Тем более что концентрация толуола в донецком бензоле была меньше. Обнаруженный там комиссией А. В. Сапожникова в августе 1915 г. бензол содержал 50 % толуола.

щества для выделки и продажи пороха, который получал от казны большие военные заказы, работали на толуоле, поступающем с частных заводов. Причем во всех бумагах и отчетах этот толуол значился как продукт отечественного производства, а то, что он произведен из импортного сырого бензола, во внимание не принималось. Таким образом, производство взрывчатых веществ, которыми снаряжались боевые снаряды для русской армии, фактически находилось в полной зависимости от поставок германского сырья. Но с началом войны оно поступать перестало. В итоге отечественные заводы взрывчатых веществ оказались в ситуации, когда они «даже на ту небольшую производительность, которую они имели, были лишены главного исходного продукта — толуола, запасы которого в стране были весьма ничтожны, а выработка его в стране была не налажена».¹⁵

Как только обнаружилось отсутствие сырья для производства взрывчатых веществ, перед Военным ведомством встала задача найти основного поставщика бензола и толуола в условиях войны. Предстояло выяснить, можно ли производить в России достаточно сырья или необходимо закупать его за границей. Для выяснения возможностей отечественной коксобензольной промышленности в Донецкий бассейн в июле—августе 1914 г. от Главного артиллерийского управления (ГАУ) была направлена комиссия генерал-майора А. В. Сапожникова. Выводы этой комиссии свидетельствовали, что производство бензола и толуола в России в необходимой мере и в сжатые сроки наладить невозможно.¹⁶ Ознакомившись с выводами комиссии, ГАУ предприняло попытку решить проблему взрывчатых веществ путем закупок за границей, главным образом в США и Англии. Для этой цели А. В. Сапожников был направлен в США, а капитан М. М. Костевич — в Англию. Как впоследствии писал В. Н. Ипатьев, «с самого начала войны военное ведомство отказалось от организации у нас отечественного производства химических продуктов и всю надежду возложило на Америку, не справившись, однако, как следует, в состоянии ли Америка снабжать нас исходным продуктом для приготовления взрывчатых веществ, а также и этими последними».¹⁷ Однако Англии самой не хватало толуола и бензола и его заказывали в Америке, а американская промышленность, «заваленная» заказами союзников, не успевала в силу недостаточного развития справляться с заказами. К тому же цены на американский бензол и толуол были поистине огромными, причем Россия должна была платить за него золотом.

Согласно сведениям об иностранных заказах взрывчатых веществ, пуд бензола в США стоил около 10 руб., пуд толуола — около 11, а пуд готового вещества — тротила — около 70 руб.¹⁸ (До войны покупаемый Россией в Европе очищенный бензол и толуол стоили 2 руб. 40 коп. за пуд, и 1 руб. 50 коп. составляла таможенная пошлина.¹⁹) В итоге в течение 1915 г. Россия заключила контракты с американскими поставщиками на сумму около

¹⁵ Ипатьев В. Н., Фокин Л. Ф. Химический комитет... С. 13.

¹⁶ Трофимова Е. В. Создание и деятельность Химического комитета при Главном артиллерийском управлении в годы Первой мировой войны. М., 2002. С. 51—55.

¹⁷ Ипатьев В. Н., Фокин Л. Ф. Химический комитет... С. 14.

¹⁸ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 504. Оп. 17. Д. 3.

¹⁹ Дмитриев И. С. Бензольное кольцо Российской империи: Создание коксобензольной промышленности на юге России в годы Первой мировой войны. СПб., 2005. С. 29.

23 320 550 руб.²⁰ Такое завышение цен А. В. Сапожников в телеграмме начальнику ГАУ А. А. Маниковскому (июнь 1915 г.) объяснял тем, что «одновременное обращение в потребных случаях к представителям различных фирм о поставке данного материала или фабриката служит причиною возникновения значительного повышения на этом направлении цен, т. к. на месте создаются слишком преувеличенные цифры спроса».²¹ А генерал-инспектор артиллерии великий князь Сергей Михайлович писал начальнику Штаба верховного главнокомандующего генералу Н. Н. Янушкевичу: «Банковский Дом Моргана установил свою монополию на заказы союзников. Диктует свои завышенные цены».²² Кроме того, переговоры с фирмами требовали времени, иногда растягиваясь на месяцы, поскольку условия контрактов постоянно пересматривались. Но главное большая часть этих поставок так и не была выполнена, да и та, что была, выполнялась с огромными задержками (часто в полгода). В. Н. Ипатьев описывал ситуацию: «В течение же 1915 года, в самое горячее время развития военных действий в России, мы могли получить ничтожное количество из Америки толуола и тротила».²³

Кроме Америки заказы на готовые, снаряженные боевые снаряды (фугасные гранаты и шрапнели) делались русским правительством во Франции и Японии, о чем свидетельствует перечень сделанных заграничных заказов, приводящийся в докладе генерал-инспектора артиллерии, председателя Особой распорядительной комиссии по артиллерийской части, учрежденной при ГАУ в начале 1915 г., великого князя Сергея Михайловича главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу, составленном 13 марта 1915 г.²⁴ Заказы непосредственно на взрывчатые вещества и сырье для них в документе не указаны, но некоторые из заказов предполагали поставки уже снаряженных снарядов. К сожалению, из документов не всегда ясно, был ли сделан заказ на снаряженные снаряды или на снаряды без взрывчатки. Например, 290 000 шрапнелей и 30 000 гранат для полевых пушек системы Арисака должно было поступить из Японии в уже снаряженном виде, а в отношении заказанных в Америке 500 000 шрапнелей и 2 500 000 фугасных гранат для 3-х дм пушек этот момент остается неясным.²⁵ В целом результат был тот же: огромные просрочки и недополученные заказы.²⁶ К сентябрю 1915 г. вместо 9.3 млн патронов и снарядов, которые должны были поступить к этому сроку по заграничным заказам, Россия получила 229 тыс. патронов от Виккерса и 322.4 тыс. гранат от французского правительства.²⁷ Выполнение зарубежных заказов колебалось в размере 6—7 %.²⁸

---

²⁰ РГВИА. Ф. 504. Оп. 17. Д. 3. Подсчеты выполнены автором.

²¹ Там же. Оп. 39. Д. 35. Л. 332.

²² Там же. Л. 341.

²³ *Ипатьев В. Н., Фокин Л. Ф.* Химический комитет... С. 14.

²⁴ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВиВС). Ф. 12. Оп. 47/1. Д. 5 Б. Л. 38—41.

²⁵ Там же. Л. 38 об.—39.

²⁶ Исключением являются японские заказы. Организация поставок японской стороной, хоть и не была идеальной, все-таки выгодно отличалась от выполнения заказов США и союзниками.

²⁷ *Айрапетов О. Р.* Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и революцию (1907—1917). М., 2003. С. 100.

²⁸ Там же.

Английское правительство, несмотря на то что Англии самой не хватало взрывчатых веществ, изъявило желание оказать русским союзникам посильную помощь. Однако в этом деле царил странная путаница. Так, в марте 1915 г. лорд Китченер, с которым велись переговоры о помощи в снабжении русской армии, писал в ответ на телеграмму великого князя Сергея Михайловича о сделанных для русского правительства заказах взрывчатых веществ у фирмы Дюпон — основного поставщика в США:

«Фирма Дюпон имеет теперь следующие русские заказы:	
Непосредственно Русскому правительству	6 000 000 фн.
Виккерсу для России на имя Испанского правительства	4 300 000 фн.
Мицуи	3 000 000 фн.
всего:	13 300 000 фн.

В дополнение к вышеуказанному было сделано предложение на поставку 7 000 000 фн. с доставкой от Сент. по Январю, ок. одного доллара за фунт.

Так как генерал Рубан не имел указаний и нельзя было терять времени, то мы купили и можем передать 5.000.000 фн. Русскому Правительству, если Ваше Императорское Высочество пожелает его получить.

Как только Генерал Рубан получит Ваше приказание, будет готово к отправке через Солоники 100 тонн аммонала, а потом мы можем доставить значительно большее количество.

Я рад сообщить Вам, что в отношении насущных потребностей Русской армии мною даны указания в возможно скорейшем времени, в добавление к другим взрывчатым веществам, уже обещанным России, — подготовить к отправке еще 5 тонн пикриновой кислоты».²⁹

Вместе с тем все это время, в период с февраля по апрель 1915 г., между ставкой верховного главнокомандующего и генерал-инспектором артиллерии великим князем Сергеем Михайловичем велась жаркая дискуссия из-за того, что лорд Китченер слал официальные сообщения верховному главнокомандующему о своем желании быть полезным, но невозможности что-либо предпринять из-за отсутствия точно определенных данных о потребностях русской армии.³⁰ Сергей Михайлович же недоумевал и настаивал, что все данные о потребностях были давно и «совершенно в определенной форме» сообщены Китченеру.³¹

Впрочем, возможно это было не просто недоразумение. 31 марта 1915 г. лорд Китченер в ответ на настойчивые требования к русскому правительству дать еще один заказ американской фирме на пушечные патроны получил от великого князя Сергея Михайловича твердый отказ, мотивированный тем, что заказов дано уже на 9 800 000 руб. и в срок они не выполняются и выполняться не будут, а объяснения лорда Китченера о временных затруднениях — дезинформация. «Из перехваченной военной цензурой телеграммы мне известно, что американские заводы настолько завалены заказами с континента, что они не в состоянии что-либо выполнить ранее 1916 года. (...) Указание Лорда Китченера на медленную работу машин и затруднение с союзниками не точно. По донесению нашего приемщика месяц назад еще половина зданий не была готова и

²⁹ РГВИА. Ф. 504. Оп. 39. Д. 35. Л. 1.

³⁰ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 12. Оп. 47/1. Д. 5 Б. Л. 11, 84; Д. 5 А. Л. 242 и др.

³¹ Там же. Д. 5 А. Л. 243 и др.

оборудование машинами не поставлено. (...) Вот красноречивый пример, как заманчиво обуславливают все фирмы свои поставки при даче заказов и как эти заказы выполняются после закрепления за ними денег».³² Лорд Китченер же, декларируя помощь союзникам, был заинтересован в том, чтобы боевое снабжение получала прежде всего британская армия, и, ссылаясь на неразбериху в сведениях, просто затягивал время.

Несмотря на просрочки и несоблюдение контрактов, русское правительство продолжало делать ставку в основном на заграничные заказы. В упомянутом докладе великого князя Сергея Михайловича верховному главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу от 13 марта 1915 г. снабжение русской армии ставится в полную зависимость от успешности иностранных заказов: «Далее, начиная с июня, все количество подаваемых боевых припасов не поддается никаким расчетам, так как увеличение подачи зависит всецело от заграничных заказов».³³ И это при том, что: «С того момента как выяснилось, что отечественные казенные и частные заводы не в состоянии удовлетворить потребности армии в боевых припасах, ГАУ приступило как к заказам, так и к наличным покупкам за границей. Несмотря на то что предложения наличной покупки посыпались в громадном числе и несмотря на участие в этом деле всех наших военных агентов, — ни одной существенной покупки, кроме японских винтовок и японских орудий, до сих пор не сделано».³⁴ В условиях катастрофически тяжелого положения с боевыми снарядами в действующей армии, при всех возлагаемых на заграничные заказы надеждах и при затратах на них огромных денежных средств, в марте 1915 г. положение описывалось генералом Н. Н. Янушкевичем так: «Все иностранное бесконечно запутывается»,³⁵ и дальнейшая ситуация с поставками это только подтвердила.

По данным ГАУ, предоставленным в 1915 г. в Верховную следственную комиссию,³⁶ из заказанных по 30 заключенным заграничным контрактам 2 749 870 пудов взрывчатых веществ (тротила, пикриновой кислоты, аммиачной селитры, аммонала, шнейдерита) с начала войны и до 1 декабря 1915 г. в Россию поступило всего 722 585 пудов. Сверх того, сырья для изготовления взрывчатых веществ (толуола, бензола, фенола и пр.) за тот же период было получено 152 209 пудов.³⁷ К сожалению, отсутствие подробных сведений не позволяет уточнить ежемесячное количество поставок и по каким именно заказам они осуществлялись.³⁸ Надо полагать, часть взрывчатых веществ поступала в уже снаряженных снарядах. Также надо полагать, большая часть указан-

³² Там же. Д. 5 Б. Л. 106—106 об.

³³ Там же. Л. 40 об.

³⁴ Там же. Л. 38.

³⁵ Там же. Л. 11.

³⁶ Верховная комиссия для всестороннего расследования обстоятельств, послуживших причиной несвоевременного и недостаточного пополнения запасов военного снабжения армии (Верховная следственная комиссия) была создана 25 июля 1915 г. Ее деятельность, по сути дела, была направлена на обвинение во всех бедах, свалившихся на русскую армию, бывшего военного министра В. А. Сухомлинова, бывшего начальника ГАУ Д. Д. Кузьмина-Караваева и др.

³⁷ Свод сведений... С. 765—766.

³⁸ На отсутствие этих сведений ссылалась еще в 1915—1917 гг. Верховная Следственная комиссия, расследуя недостаточное снабжение армии боеприпасами. По этой причине и достоверность данных сведений может быть подвергнута сомнению. См.: Свод сведений... С. 770.

ного количества взрывчатых веществ и сырья для них поступила во второй половине 1915 г., когда ситуация с боевыми поставками несколько улучшилась.

Здесь нужно подробнее сказать о количестве взрывчатых веществ, необходимых армии. К февралю 1915 г. ГАУ была заявлена потребность во взрывчатых веществах для снаряжения боевых снарядов в количестве 65 тыс. пудов в месяц. Однако впоследствии эту цифру сочли неверно вычисленной. Она представляла из себя «средний вывод из заявленных отделениями Главного артиллерийского управления в течение ... шести месяцев войны требований на взрывчатые вещества, общая сумма которых достигла за это время 350 тыс. пудов взрывчатых веществ».³⁹ К маю 1915 г. эта потребность была определена в 165 тыс. пудов в месяц, а после мая, «соответственно установлению потребности в огнестрельных припасах в 110 парков», потребность во взрывчатых веществах дошла до 258 тыс. пудов в месяц.⁴⁰ Из этого видно, что полученные из-за границы в течение года 722 585 пудов взрывчатых веществ тяжелого положения не исправляли.

Параллельно с попытками решить проблему взрывчатых веществ с помощью заграничных заказов ГАУ предприняло ряд мер по увеличению производительности казенных заводов взрывчатых веществ. К началу войны производительность этих заводов достигла: Охтенского — 15 тыс. пудов, Сергиевского — 60 тыс. пудов в год.⁴¹ Однако этого было недостаточно для обеспечения фронта, и были предприняты следующие шаги:

— введен упрощенный способ производства тротила — отменена его очистка кристаллизацией из спирта, вследствие чего выпуск тротила увеличился на 10 %;

— увеличена выработка тротила до 300 пудов в сутки путем введения некоторых технических усовершенствований;

— увеличено число рабочих на заводах взрывчатых веществ с 3297 в июле 1914 г. до 9269 в октябре—ноябре 1915 г.;

— введен способ снаряжения фугасных снарядов смесью 50 % тротила и аммиачной селитры;

— введено снаряжение ручных гранат аммоналом;

— на Сергиевском Самарском заводе началось расширение производства для увеличения выхода тротила до 700 пудов в сутки или 190 тыс. пудов в год.⁴²

Но все эти действия наталкивались на острую нехватку сырья для взрывчатых веществ. Низкий уровень производства на обоих заводах объяснялся прежде всего отсутствием тротила, особенно заметным в январе, феврале и марте 1915 г.⁴³ К тому же 16 апреля 1915 г. на Охтенском заводе взрывчатых веществ произошел грандиозный взрыв в тротиловых мастерских, вследствие чего производство тротила до конца 1915 г. на этом заводе было полностью приостановлено.

Предпринятые ГАУ уже с конца 1914 г. постройки Троицкого снаряжательного завода с отделом для изготовления аммонала и завода взрывчатых ве-

---

³⁹ Там же. С. 762.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. С. 761.

⁴² Там же. С. 764—765.

⁴³ Там же. С. 763.

ществ в Нижегородской губернии с производительностью 550 тыс. пудов тротила и 12 тыс. пудов тетрила в год⁴⁴ никак не могли сказаться на разрешении кризисной ситуации в 1915 г., поскольку поступление первой продукции от этих заводов было намечено только на конец 1916 г.

Когда русская армия начала терпеть одно поражение за другим из-за нехватки снарядов, на Военное ведомство и Главное артиллерийское управление, отвечающее за артиллерийское снабжение армии, посыпался со всех сторон шквал критики. Главное, в чем обвинялись эти ведомства, — это недостаточное привлечение к военным заказам частной промышленности при излишнем доверии в отношении производительности казенных заводов и увлечении заграничными заказами. Эти обвинения (приведшие к возбуждению в 1916 г. уголовного дела против бывшего военного министра В. А. Сухомлинова и бывшего начальника ГАУ Д. Д. Кузьмина-Караваева), распространенные самими промышленниками, несомненно имели под собой основания, но надо принять во внимание, что накануне войны не только в военном ведомстве, но и в Правительстве, и в Главном управлении Генерального штаба о мобилизации промышленности никто не думал. Масштабов будущей войны не смог предвидеть никто. После русско-японской войны в ГАУ разрабатывались планы увеличения производительности казенных военных заводов путем их реконструкции и постройки новых заводов, но вместо необходимых для этого 60 млн рублей ГАУ было получено 10 млн рублей.⁴⁵ Что касается заказов частным фирмам, то они не давались по совершенно объективным причинам. Во-первых, до войны такие заказы от казны провоцировали создание синдикатов, значительно завышающих цены на государственные заказы, к тому же систематически уклоняющихся от принятия формальных обязательств при заключении контрактов. Это и заставило Военное министерство делать заказы за границей — получалось дешевле.⁴⁶ К тому же правительство знало о малой производственной мощности частных предприятий и справедливо опасалось невыполнения заказов. Эти опасения в дальнейшем вполне подтвердила деятельность Центрального военно-промышленного комитета (ЦВПК) и Особого совещания по обороне государства, созданных частными промышленниками с целью решения проблемы снабжения армии. Возникновение в июле 1915 г. ЦВПК под председательством А. И. Гучкова и в мае—августе 1915 г. Особого совещания под председательством военного министра — история отдельная. В данной статье, к сожалению, нет возможности рассмотреть ее, да и прямого отношения к делу снабжения армии взрывчатыми веществами она не имеет.

Вся деятельность по снабжению взрывчатыми веществами и сырьем для них с начала 1915 г. сосредоточилась в Комиссии по заготовке взрывчатых веществ, впоследствии реорганизованной в Химический комитет при ГАУ, что и обусловило ее успешное по сравнению с другими сферами военного производства развитие.

---

⁴⁴ Из представления в Военный совет видно, что планы постройки нового завода взрывчатых веществ существовали и обсуждались в ГАУ еще до начала войны. См.: Свод сведений... С. 767—768.

⁴⁵ Айрапетов О. Р. Генералы, либералы и предприниматели... С. 23—24.

⁴⁶ Это касается в основном производителей металлов и угля, а к сырью для взрывчатых веществ не относится, поскольку его производство в России было вообще не развито.

Уже в конце 1914 г. Артиллерийским ведомством решено было снова пересмотреть вопрос об организации производства бензола и толуола внутри страны. Кто был инициатором создания Комиссии, сказать сложно. Принято считать вслед за В. Н. Ипатьевым, что Артиллерийское ведомство, абсолютно доверяя результатам комиссии А. В. Сапожникова, не собиралось налаживать производство на собственных заводах, и только «под влиянием настойчивых обращений как со стороны отдельных лиц, так и учреждений»,⁴⁷ не согласных с зависимостью от зарубежных заказов, решено было снова пересмотреть вопрос. С другой стороны, ГАУ не могло не понимать, что налаживание производства необходимых химических продуктов в России — единственная реальная возможность обеспечить свою армию боеприпасами. Об этом убедительно пишет Е. В. Трофимова, когда утверждает, ссылаясь на архивные материалы, что начальник ГАУ Д. Д. Кузьмин-Караваев «выступил с предложением организовать новую комиссию в Донецкий бассейн»,⁴⁸ поняв, что ситуация с зарубежными заказами ненадежна, и не удовлетворившись результатами комиссии А. В. Сапожникова. С другой стороны, в показаниях, данных Верховной следственной комиссии бывшим начальником ГАУ, Кузьмин-Караваев свидетельствовал, что образование комиссии Ипатьева было прямым следствием результатов деятельности комиссии Сапожникова, выяснившей, что «частная промышленность без значительного субсидирования от правительства не даст увеличения выхода сырых материалов».⁴⁹ Тогда от ГАУ была послана «полномочная» комиссия генерала Ипатьева с правом широкого расходования денег. В этой версии, в отличие от ипатьевской, комиссия А. В. Сапожникова не выглядит некомпетентной, а только неполномочной.

Так или иначе, направленная на заводы Донбасса в ноябре—декабре 1914 г. вторая комиссия под председательством генерал-майора В. Н. Ипатьева доказала в итоге «реальную возможность быстрого создания коксобензолного производства на юге России в Донецком бассейне».⁵⁰

Более месяца потребовалось для того, чтобы комиссия, направленная в Донецкий бассейн, была утверждена и командирована. В. Н. Ипатьеву было не просто добиться вхождения в ее состав тех компетентных специалистов, которые, по его мнению, были необходимы. В итоге он добился своего, и 17 ноября комиссия смогла выехать в Донбасс в следующем составе: председатель комиссии — В. Н. Ипатьев; члены — помощник заведующего отделом Центральной научно-технической лаборатории военного ведомства капитан О. Г. Филиппов; представитель от Министерства торговли и промышленности правительственный инспектор на заводе взрывчатых веществ инженер-технолог В. Ю. Шуман и преподаватель Технологического института императора Николая I инженер-технолог Л. Ф. Фокин.⁵¹

---

⁴⁷ *Ипатьев В. Н., Фокин Л. Ф.* Химический комитет... С. 14. Возможно, здесь содержится намек, что данное решение принято Артиллерийским ведомством не без участия самого В. Н. Ипатьева.

⁴⁸ *Трофимова Е. В.* Создание и деятельность... С. 56.

⁴⁹ РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 55. Л. 303—324 об. Показания бывшего начальника ГАУ Д. Д. Кузьмина-Караваева Верховной следственной комиссии // Военная промышленность России в начале XX века (1900—1917). С. 635—653.

⁵⁰ *Трофимова Е. В.* Создание и деятельность... С. 64.

⁵¹ Там же. С. 57.

Комиссия в течение месяца посетила 11 из 12 имевших рекуперационное оборудование донецких коксовых заводов и свои выводы представила в отчете, доложенном В. Н. Ипатьевым 19 декабря 1914 г. в Центральной научно-технической лаборатории Военного министерства перед высокопоставленной аудиторией, куда входили: генерал-инженер А. П. Вернандер — помощник военного министра, генерал-от-артиллерии Д. Д. Кузьмин-Караваев, генерал-лейтенант А. С. Лукомский — начальник канцелярии Военного министерства, генерал-майор Е. К. Смысловский — начальник Хозяйственного отдела ГАУ и ряд других заинтересованных лиц. Согласно выводам комиссии, заводы Донбасса делились на три группы: 1) заводы с полной рекуперацией (их было 3, всего 358 печей); 2) заводы с неполной рекуперацией, то есть с утилизацией только образующихся при коксовании смолы и аммиака, но способные после реконструкции вырабатывать бензол (9 заводов разных объемов производительности, 780 печей⁵²); 3) заводы без рекуперации, которые составляли большинство (около 5000 печей). Для предприятий первой группы комиссией предлагалось: ввести строгий надзор со стороны ГАУ за непрерывностью работ и учет всех производимых продуктов, внести изменения в технологический процесс, расширить перечень сырья для взрывчатых веществ, установив нитрацию ксилолов (остающихся в сольвенте после перегонки сырого бензола) на Шлиссельбургском пороховом заводе, а также разработать способ превращения бензола в фенол для получения взрывчатого вещества мелинита (иначе — пикриновой кислоты). На предприятиях же с неполной рекуперацией необходимо было установить простейшее рекуперационное оборудование по улавливанию только сырого бензола. Этой группе заводов отводилась основная роль в увеличении добычи сырья для взрывчатых веществ. «В особенности представлялась интересной возможность расширения добычи толуола при условии немедленной постройки ряда дополнительных сооружений при существующих коксовальнях фабриках, имеющих печи рекуперационного типа, но без полного оборудования улавливающих сооружений».⁵³ Что же касается получения из сырого бензола чистого бензола, толуола и ксилолов, комиссия сочла наиболее экономически выгодным и эффективным построить один большой ректификационный завод, который бы располагался в центре коксопроизводящего района. Наиболее подходящим местом для его строительства комиссия сочла Макеевку, в силу наличия источников энергии и близости металлургического и машиностроительного производств.⁵⁴ Затраты на дополнительное оборудование коксовых заводов комиссия оценила в 1 млн руб. В случае реализации всех высказанных комиссией предложений можно было бы получать с заводов первых двух групп до 140 000 пудов толуола и до 325 000 пудов бензола в год.⁵⁵

⁵² В это число не входят печи одного из 9 заводов, уже долгое время не работающие.

⁵³ *Ипатьев В. Н., Фокин Л. Ф.* Химический комитет... С. 15.

⁵⁴ На станции Макеевка находился крупный коксовый завод общества Русский горный и металлургический Унион, принадлежавший к группе заводов с неполной рекуперацией. С владельцем этого завода бельгийским подданным Оливье Пьеттом В. Н. Ипатьев сразу же, еще до решения военного начальства, начал вести переговоры о постройке ректификационного завода. Подробнее об этом будет сказано ниже.

⁵⁵ *Дмитриев И. С.* Бензольное кольцо... С. 37—39; *Трофимова Е. В.* Создание и деятельность... С. 57—62.

Главной целью доклада В. Н. Ипатьева было «убедить в необходимости немедленно приступить к постройке сооружений для улавливания бензола на тех заводах, где это могло быть сделано в течение 5—6 месяцев, и если бы частные фирмы отказались это выполнить, то сделать постройку за счет казны на самом большом коксовальном заводе в Кадиевке. (...) Постройка такого завода обошлась бы казне около 450.000 руб., и ее предполагалось окончить не более чем в 7 месяцев».⁵⁶ Однако, казалось бы, очевидного решения со стороны властьпридержащих не последовало. Как писал Ипатьев в 1921 г., совещание «не нашло возможным тут же решить, хотя бы в принципе, приступить немедленно к постройке хотя бы только одного бензолового завода в Кадиевке».⁵⁷

Правительство долго тянуло с решением этого вопроса. Технически сложные работы, требующие большого напряжения усилий, не вызвали энтузиазма у военного руководства. «Потеряно было около 5 месяцев, ощущался уже сильный недостаток в брзантных снарядах, а откладывалось решение этого вопроса ввиду предположения скорого окончания войны».⁵⁸ Ипатьевская готовность действовать и уверенность в достижимости необходимого результата столкнулись с нежеланием действовать и неуверенностью военных чиновников. Как пронизательно заметил В. Н. Ипатьев, «в прениях по поводу проекта несомненно проглядывало полное недоверие к собственным силам и преклонение перед германской техникой».⁵⁹ Впрочем, не только германской. В конце 1914—1915 г., когда ситуация с боевыми снарядами была катастрофична настолько, что начальник штаба армий Юго-Западного фронта генерал Драгомиров в апреле 1915 г. писал, что «неудовлетворение этой потребности может быть причиной преждевременного окончания войны»,⁶⁰ то есть русская армия близка к полному поражению, удивляет тот факт, что абсолютное значение, судя по переписке всех армейских начальников, включая великих князей Николая Николаевича и Сергея Михайловича, придается помощи союзников. Повторю еще раз мнение великого князя Сергея Михайловича, высказанное им в марте 1915 г.: «Далее, начиная с июня, все количество подаваемых боевых припасов не поддается никаким расчетам, так как увеличение подачи зависит всецело от заграничных заказов». Огромное внимание уделяется приехавшей группе французских инженеров, которые в итоге ничем особым себя не зарекомендовали и действовали в составе комиссии Ипатьева. О положении же на отечественных заводах во всей корреспонденции, посвященной военному снабжению, говорится только, что «все заводы работают со своей максимальной производительностью»,⁶¹ «на них никакого нового производства установить нельзя»⁶² и «все мероприятия могут дать благоприятные результаты только в будущем».⁶³

Все-таки совещание дало согласие образовать при ГАУ Комиссию для разработки вопроса о получении бензола и толуола из угля Донецкого бассейна. Больше полутора месяцев в Артиллерийском управлении не могли догово-

⁵⁶ *Ипатьев В. Н., Фокин Л. Ф.* Химический комитет... С. 15.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же. С. 16.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 12. Оп. 47/1. Д. 5 А. Л. 230.

⁶¹ Там же. Д. 5 Б. Л. 77.

⁶² Там же. Л. 14.

⁶³ Там же. Л. 22—23.

риться о правах и обязанностях этой комиссии. Только 6 февраля 1915 г. она была утверждена под названием «Комиссия по заготовке взрывчатых веществ». В ее состав вошли члены донбасской комиссии Ипатьева, плюс еще несколько человек. Председателем комиссии был назначен В. Н. Ипатьев.

К счастью, В. Н. Ипатьев и его помощники — члены комиссии Л. Ф. Фокин, В. Ю. Шуман и О. Г. Филиппов, не дожидаясь официальных решений, начали действовать в соответствии с составленной ими программой «на свой страх и риск».

Комиссии во главе с В. Н. Ипатьевым удалось преодолеть основные препятствия на пути создания коксобензолного производства: экономическое и юридическое.

Экономическое препятствие представляло из себя уже описанный выше замкнутый круг и заключалось в том, что российская химическая промышленность работала на импортном сырье, так как не было своего, тогда как производители сырья — реальные и потенциальные — не могли развивать свое производство, потому что не было сбыта для их продукции. Предприниматели не были уверены, что ароматические углеводороды понадобятся после окончания войны.

Юридическое препятствие состояло в том, что владельцы металлургических заводов и рудников сами коксовые печи и бензолные заводы при них не строили и права на это не имели. Имели право это делать только иностранные, главным образом немецкие, концессионеры. Но они, как уже было сказано, этого не делали, так как оберегали интересы Германии, поставляющей в Россию бензол и толуол. Фирмы не решались нарушить права иностранных концессионеров и предлагали правительству реквизировать иностранную собственность, на что правительство в свою очередь идти не хотело.

В. Н. Ипатьев сумел убедить владельцев фирм экономическими доводами, доказывающими, что сырой бензол и продукты, из него получаемые, будут пользоваться устойчивым спросом и в мирное время и производство их освободит отечественную химическую промышленность от зависимости от иностранного рынка. Что касалось прав концессионеров, то Ипатьеву, по его собственному признанию, стоило «громадной энергии» доказать и промышленникам, и юрисконсульту Военного министерства «полную несостоятельность возражений (...) совершенно недопустимых во время войны и при полной неизвестности, что ожидает нашу страну после окончания военных действий и заключения мира».⁶⁴ Возможно, это был намек на то, что если Россия выиграет войну, то к ней предъявлять претензии будет бессмысленно, а если выиграет Германия, а Россия проиграет — то тем более.

Не найдено письменных свидетельств того, к каким именно доводам прибегал председатель Комиссии по заготовке взрывчатых веществ с целью убедить промышленников сотрудничать с Военным ведомством. По-видимому, ситуация с заводами сырья для взрывчатых веществ несколько отличалась от ситуации с другими военными производствами в России, когда промышленники, образуя различные военно-промышленные комитеты (ВПК), добивались получения военных заказов, поскольку это давало доступ не только к гарантированным выплатам из казны и большому кредиту, но и к участию в политическом управлении (эта была одна из важнейших причин, из-за которых прави-

---

⁶⁴ *Ипатьев В. Н., Фокин Л. Ф. Химический комитет... С. 18.*

тельство до последнего избегало обращения к частным промышленникам). В этой же отрасли все производство строго контролировалось государственным органом — Комиссией по заготовке взрывчатых веществ, преобразованной в апреле 1916 г. в Химический комитет (председателем которого также был назначен В. Н. Ипатьев). Этот орган фактически стал единственным монопольным заказчиком всей химической промышленности страны, контролирующим ее с точки зрения нужд фронта. Промышленники туда не входили ни в каком качестве, и возможностей для политических манипуляций, к которым прибегали деятели ЦВПК, они не имели. В итоге и результат в этой сфере военного производства выгодно отличался от других его областей, где не было такой координирующей правительственной структуры, способной эффективно, руководствуясь исключительно государственными нуждами, организовать производство, учет и распределение взрывчатых веществ. Контролируя распределение заказов, Химический комитет ограничивал завышение цен производителями взрывчатых веществ на свою продукцию, в то время как промышленники, действующие через ЦВПК, давали заказы, по сути дела, сами себе, соблюдая, разумеется, прежде всего собственный интерес. Хотя, конечно, Химический комитет не был независим от производителей и считался с их интересами, обеспечивая им максимально благоприятные условия. Экономические условия, которые предлагались частным промышленникам, были весьма выгодны. Назначая цены на готовую продукцию, Комиссия, а потом Комитет исходили из интересов промышленников, позволяя им получать огромные прибыли. Так, по контрактам осени—зимы 1915 г. цена на очищенный бензол составляла от 5 до 5.5 руб., а на толуол — от 5 до 6.5 руб.⁶⁵ К тому же Химический комитет всячески содействовал частным промышленникам в материально-технической стороне производства: брал на себя снабжение вагонами, огнеупорным кирпичом, металлами, консультировал по вопросам технологии, предоставлял квалифицированных специалистов. Комиссия В. Н. Ипатьева старалась минимизировать бюрократические проволочки и «улаживала всякие трения и недоразумения, которые могли возникнуть в ГАУ».⁶⁶ Благодаря этим его усилиям авторитет В. Н. Ипатьева был неизменно высок среди производителей взрывчатых веществ и сырья для них. Однако, возможно, в числе доводов Ипатьева были не только доводы экономического порядка. Ипатьев говорит о «высоком патриотическом чувстве», проявленном многими промышленниками, организующими крайне сложные и рискованные с экономической точки зрения производства,⁶⁷ и не упоминает о высоких ценах на производимые продукты, выплачиваемые казной. В отчете Верховной следственной комиссии о снабжении армии взрывчатыми веществами также содержатся сведения, не упоминаемые Ипатьевым. По данным этой комиссии (которым также нельзя доверять безусловно), Комиссия по заготовке взрывчатых веществ, вернувшись из своей поездки в Донецкий бассейн в конце 1914 г., предложила ГАУ на предприятиях, где не будет достигнуто добровольное соглашение с собственниками о поставке в казну продуктов улавливания, «объявить реквизицию газов и части заводских зда-

---

⁶⁵ Урибес Э. Коксобензольная промышленность... С. 65.

⁶⁶ Ипатьев В. Н., Фокин Л. Ф. Химический комитет... С. 23.

⁶⁷ Риск состоял в том, что производства, необходимые во время войны, могли стать невостребованными с ее окончанием, а их сложная организация не позволила бы их легко переоборудовать.

ний и территорий).⁶⁸ На это Ипатьев тоже мог намекать, договариваясь с промышленниками.

Так или иначе, уже 7 января 1915 г. в ГАУ был представлен проект контракта с бельгийским подданным Оливье Пьеттом на производство сырого бензола для Охтенского завода взрывчатых веществ, то есть для военного ведомства. Фирма «Оливье Пьетт» владела коксовым заводом на станции Макеевка, при руднике общества Русский горный и металлургический Унион. Этот завод располагал 110 печами. Была заключена договоренность о сооружении на заводе установки по улавливанию сырого бензола, а также о постройке ректификационного завода для получения толуола, способного переработать 400 000 пудов сырого бензола в месяц, причем 300 000 из них должны были ему доставляться Артиллерийским ведомством с других заводов, производящих бензол. Если же ведомство не могло обеспечить полную загруженность всех мощностей завода, оно должно было платить «Оливье Пьетт» неустойку (по 10 коп. за каждый недопоставленный пуд). Поставки предполагалось начать с 1 мая 1915 г. партиями не менее чем 2083 пудов бензола и толуола в месяц (причем если бы «Оливье Пьетт» не начал поставки к этому сроку, ему пришлось бы платить неустойку в размере 150 руб. в день). Всего, таким образом, должно было поступить 125 000 пудов толуола в течение 5 лет и 50 000 пудов бензола в течение 3 лет. Цены были весьма выгодны для казны. Пуд бензола, как и пуд толуола, стоил 3 руб. 60 коп., а ректификация сырого бензола обходилась в 50 коп. за пуд (за ту же операцию частному Тентелевскому химическому заводу в Петрограде казна платила 9 рублей — в 18 раз больше).⁶⁹ При этом «Оливье Пьетту» контрактом строжайше запрещалось продавать даже самое малое количество получаемых продуктов кому-либо, кроме Военного ведомства.

В. Н. Ипатьеву настолько удалось убедить владельцев завода в надежности и целесообразности данного предприятия, что «Оливье Пьетт» приступил к постройке завода еще до утверждения Военным советом контракта и до получения аванса. В результате уже в начале августа завод начал сдавать бензол и толуол.

В это же время шли работы по постройке казенного бензолового завода в Кадиевке. Там располагался самый крупный в Донбассе Кадиевский коксовый завод (240 печей), принадлежащий Южно-Русскому Днепровскому металлургическому обществу. В начале переговоров общество соглашалось на постройку на собственные средства бензолового завода при Кадиевских коксовых печах, но поскольку завод был им арендован у немецкой фирмы «Копперс», то Военному министерству следовало сначала реквизировать германскую собственность, а эту меру правительство старалось не применять. К тому же в январе 1915 г. на заседании правления Южноднепровского общества выяснилось, что существует контракт, по которому право использовать все побочные продукты коксования на 10 лет принадлежит той же фирме «Копперс». Поэтому общество отказалось от постройки бензолового завода, но предложило безвозмездно уступить казне на три года участок земли под этот завод. В. Н. Ипатьеву стоило больших усилий убедить военное ведомство в необходимости немедленно начать постройку казенного бензолового завода. Главным препятствием были

⁶⁸ Свод сведений... С. 766.

⁶⁹ РГВИА. Ф. 504. Оп. 17. Д. 4. Л. 11—13, 18—25, 35—35 об.

уже описанные сложные юридические отношения, которые должны были возникнуть после окончания войны между казной и фирмой «Копперс». Однако, как было отмечено выше, Ипатьеву удалось преодолеть это препятствие. Военное ведомство утвердило план постройки завода, открыло необходимый кредит и учредило Временно-хозяйственную строительную комиссию под председательством того же В. Н. Ипатьева, призванную руководить ходом постройки. Во многом благодаря энергичным действиям данной комиссии Кадиевский завод был пущен в ход не к началу октября 1915 г., как планировалось, а к началу сентября того же года.

Важнейшее значение постройки казенного бензолового завода В. Н. Ипатьев видел в том, что она «пробила брешь в инертности частных каменноугольных промышленников, которые убедились в решимости Военного Ведомства организовать у нас в широком масштабе отечественное производство бензола и толуола, необходимых стране не только в военное, но и мирное время».⁷⁰ В итоге одно за другим начали поступать предложения от частных предпринимателей, и с осени 1915 г. почти все владельцы коксовых печей стали сотрудничать с комиссией, а с конца 1915 г. была начата постройка около 20 частных бензольных заводов.

Однако Комиссия по заготовке взрывчатых веществ во главе с В. Н. Ипатьевым должна была решать не только вопросы организации русской коксобензольной промышленности в Донецком бассейне, но и насущного обеспечения армии взрывчатыми веществами. На первые шесть месяцев 1915 г. потребность в тротиле была заявлена в количестве около 350 000 пудов, то есть около 60 000 пудов ежемесячно.

Как писал В. Н. Ипатьев, «во время исполнения этого первого задания по заготовке взрывчатых веществ Комиссии пришлось столкнуться почти со всеми отраслями химической промышленности, которые постепенно втягивались в заготовительные операции Артиллерийского Ведомства, приобретающие все более грандиозный характер».⁷¹ Основной упор делался на привлечение к делу частных заводов, которые могли быть оборудованы для изготовления взрывчатых веществ, а также на расширение типов взрывчатых веществ («введением ранее не применявшихся в нашей военной технике как взрывчатых веществ, так и различных сплавов из нескольких взрывчатых веществ».⁷² Технологиями приготовления этих веществ и сплавов, а также внедрением их на химических заводах также занималась комиссия В. Н. Ипатьева.

В связи с выполнением этого задания Комиссией по заготовке бензола и толуола была разработана программа, позволяющая на первую половину 1915 г. полностью удовлетворить потребность армии во взрывчатых веществах в соответствии с заявленными требованиями.

Эта программа изложена в справке, подготовленной В. Н. Ипатьевым и получившей резолюцию великого князя Сергея Михайловича, председателя Особой распорядительной комиссии по артиллерийской части (с одобрением мер, предложенных в справке).⁷³ Комиссия, разрабатывая эту программу, приняла в расчет все возможные пути получения взрывчатых веществ в условиях

---

⁷⁰ *Ипатьев В. Н., Фокин Л. Ф.* Химический комитет... С. 19.

⁷¹ Там же. С. 21—22.

⁷² Там же. С. 22.

⁷³ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 12. Оп. 47/1. Д. 9. Л. 6—8.

неразвитости отечественного коксобензольного производства: государственную промышленность, частную промышленность, приобретение за рубежом и использование взрывчатых веществ — заменителей тротила.

Уже с осени 1914 г. русские заводы перешли на использование смесей вместо чистого тротила. В программе Ипатьева недостающий тротил предлагалось заменить либо полностью мелинитом, либо взрывчатыми веществами, которые использовались в качестве добавки к тротилу: динитробензолом, аммиачной селитрой, динитронафталином. При дальнейших расчетах за основание было принято, что фугасные снаряды можно заряжать смесью из 40 % тротила и 60 % аммиачной селитры или динитробензола.

В соответствии с программой уже в марте 1915 г. ежемесячную потребность в тротиле (60 000 пудов) можно было покрыть путем ряда закупок небольших количеств вышеуказанных веществ у различных казенных, частных заводов и за границей.

Всего, таким образом, получалось 60 000 пудов взрывчатых веществ, то есть при проведении программы в марте могла быть покрыта вся потребность в этих веществах для снаряжения фугасных снарядов. Как отмечалось в справке, «если эту программу удастся полностью провести в марте, то еще легче она может быть осуществлена и в течение последующих месяцев».⁷⁴

Комиссией была выполнена поставленная перед ней задача в том смысле, что выработка взрывчатых веществ путем оборудования для их производства частных заводов возросла с 6342 пудов в феврале 1915 г. до 51 381 пуда в июле 1915 г. и до 85 431 пуда в октябре того же года.⁷⁵ Но для нужд фронта этого было недостаточно, и в начале июня 1915 г., как уже было сказано, требования на выработку взрывчатых веществ были заявлены в количестве 165 000 пудов в месяц. Если для реализации первоначальной программы комиссии организация новых производств была не обязательна, то теперь создание собственного коксобензольного производства оставалось единственным выходом.

В связи с увеличением производства взрывчатых веществ перед комиссией возникла еще и проблема недостатка серной и азотной кислот, необходимых для производства пороха и взрывчатых веществ. До войны они изготавливались главным образом на привозном сырье. Для решения проблемы с серной кислотой комиссией был проведен целый ряд мероприятий по разработке отечественных месторождений серного колчедана на Урале, а также по постройке заводов серной кислоты. В итоге к концу 1915 г. дефицит серной кислоты был преодолен.

Что касается азотной кислоты, изготавливаемой до сих пор на импортируемой чилийской селитре, то месторождений этого вещества в России обнаружено не было. Но по инициативе Комиссии по заготовке взрывчатых веществ в химической лаборатории Технологического института уже осенью 1915 г. был разработан новый способ получения кислоты из аммиака. Последний материал вырабатывался вместе с бензолом при коксовании угля и в связи с развитием улавливания побочных продуктов коксования производился в достаточном количестве. Причем В. Н. Ипатьевым было сделано предложение: производить сразу вместо азотной кислоты аммиачную селитру, крайне необходимую для снаряжения снарядов, доставка которой из Норвегии сильно задерживалась.

---

⁷⁴ Там же. Л. 7 об.

⁷⁵ *Ипатьев В. Н., Фокин Л. Ф.* Химический комитет... С. 21.

Уже в начале 1917 г. был пущен в ход завод азотной кислоты производительностью 600 000 пудов в год.

Комиссии В. Н. Ипатьева пришлось вплотную заниматься организацией еще одного сложного производства — производства ароматических углеводородов из нефти. Впервые об этом зашла речь в марте 1915 г., когда активно обсуждался вопрос получения толуола из богатой ароматическими углеводородами галицийской нефти.⁷⁶ Было получено одобрение военного начальства и уже готовились приступить к осуществлению этого дела, но наступление противника на Галицийском фронте заставило отказаться от данного предприятия. Зато была доказана необходимость установки получения толуола из бензинов Майкопского и Грозненского месторождений, к чему и приступила со второй половины 1915 г. комиссия под председательством В. Н. Ипатьева.

Если для получения 60 тыс. пудов взрывчатых веществ в месяц необходимо было иметь 705 тыс. пудов сырого бензола и 130 тыс. пудов толуола в год, то для ежемесячного получения 165 тыс. пудов взрывчатых веществ производство должно было быть доведено до 3 млн пудов сырого бензола и 600 тыс. пудов толуола в год. Было решено 2 млн пудов сырого бензола получить от коксования угля и 1 млн — за счет разложения нефти. К этому времени производство на семи бензольных заводах было уже практически налажено, и к январю 1916 г. они должны были давать до 50 тыс. пудов сырого бензола и до 10 тыс. пудов толуола в месяц.⁷⁷ Оставшиеся 250 тыс. пудов сырого бензола и 50 тыс. пудов толуола в месяц предлагалось получить путем ряда мер. Во-первых, довести до конца программу реорганизации коксовых заводов с неполной рекуперацией, с тем чтобы на них получать бензол. В силу разных обстоятельств к этому времени для получения бензола были приспособлены только четыре завода из девяти. Кроме того, требовалось построить около 2 тыс. новых рекуперативных коксовых печей с бензольными заводами. Расценив, что так много печей построить не удастся, комиссией было решено немедленно приступить к постройке хотя бы тысячи рекуперационных коксовых печей. При проведении такого строительства через год эти печи должны были давать 12 тыс. пудов толуола в месяц.

Для осуществления этой программы Комиссия по заготовке взрывчатых веществ обратилась через Центральный военно-промышленный комитет к углепромышленникам Донбасса с предложением взять на себя постройку коксовых печей и бензольных заводов, при условии, что им будут выданы крупные авансы под строительство, а произведенный ими бензол, толуол и ксилол будут гарантированно скупаться казной в течение нескольких лет и государство откажется от покупки заграничного сырья. В ответ углепромышленники потребовали предварительного секвестра германских строительных фирм и создания русских. Комиссия полностью согласилась с этим требованием и заверила промышленников, что военное ведомство будет всячески его поддерживать.

Более того, комиссия взяла на себя инициативу по созданию нового акционерного строительного общества.⁷⁸ Особое совещание по обороне этот проект поддержало, и в сентябре 1915 г. возникло первое русское общество по постройке и эксплуатации коксовых печей и бензольных заводов «Коксобензол».

⁷⁶ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 12. Оп. 47/1. Д. 9. Л. 44—55.

⁷⁷ *Урибес Э.* Коксобензольная промышленность... С. 51—52.

⁷⁸ Подробнее об этом см.: Там же. С. 46—72.

Учредителями его были промышленник Н. А. Второв — крупнейший акционер общества «Русскокраска» и «Российское акционерное общество химической промышленности 1914 г.». От государства учредители требовали выдачи аванса в размере 10 млн руб., содействия в получении строительных материалов, рабочих и машин, а также обеспечения сбыта произведенного на их заводах бензола и толуола в течение 10 лет. Все эти требования выполнялись, и одновременно был произведен секвестр германских строительных фирм.

К концу 1915 г. первый организационный период развития отечественной коксобензольной промышленности в основном закончился. С февраля по декабрь 1915 г. число заводов, производящих сырой бензол, возросло с трех до восьми, и производство его за это время увеличилось с 15 624 до 58 000 пудов в месяц.⁷⁹

Начиная с 1916 г. снабжение взрывчатыми веществами для снаряжения боевых снарядов значительно улучшилось. Если и ощущался некоторый недостаток, он не шел ни в какое сравнение с дефицитом 1915 г. Кризис взрывчатых веществ был преодолен, можно сказать, с уверенностью исключительно благодаря работе Комиссии по заготовке взрывчатых веществ, возглавляемой В. Н. Ипатьевым. Все остальные меры правительства по преодолению нехватки взрывчатых веществ не оправдали себя, дав результаты, не решающие проблему. Большинство военных заказов за границей, на которые военное начальство возлагало свои основные надежды, не состоялось, и к середине 1915 г. стало очевидно, что за граница не может обеспечить нашу армию. Казенные заводы были абсолютно не готовы работать с той производительностью, которая потребовалась от них во время войны. Единственным выходом из ситуации оказались оперативные меры комиссии В. Н. Ипатьева по налаживанию отечественного коксобензольного производства.

Главный упор в работе этой комиссии делался на развитие частной коксобензольной промышленности. И здесь ее участие было принципиально, поскольку, действуя самостоятельно, частные промышленники, как показала деятельность ЦВПК, не смогли эффективно наладить ни одного военного производства. Производство взрывчатых веществ было единственным, быстро и эффективно организованным во время войны. Причем создано оно было, по сути дела, с нуля. Во всех прочих отраслях военной промышленности, мобилизацией которых занимался ЦВПК, таких успехов достигнуто не было. Успех в организации производства взрывчатых веществ и сырья для них был обусловлен наличием сильной правительственной структуры, выполняющей функцию организатора и посредника между правительством и частными предпринимателями, какой являлась Комиссия по производству взрывчатых веществ.

Содействуя деятельности промышленников, добываясь для них кредитов и отстаивая выгодные условия, Комиссия по заготовке взрывчатых веществ решала не только проблему снабжения армии. Эту комиссию составляли прежде всего ученые-химики, которые видели свою задачу в организации отечественной химической промышленности, в преодолении ее отставания от заграничной, а значит, в преодолении постоянной зависимости от иностранного импорта. Годы Первой мировой войны были тем периодом, когда интересы российского правительства совпали с потребностью в развитом отечественном химическом производстве. Ученые, понимая это, стремились сделать все возможное, чтобы

---

⁷⁹ Там же. С. 55.

наладить за это время производство важнейших продуктов химической промышленности, составляющих ее ядро: минеральных кислот и, особенно, ароматических углеводородов.

В годы Первой мировой войны химическая промышленность России по темпам своего роста опережала все другие отрасли промышленности. Начиная с 1915 по 1917 г. в России было построено 15 новых больших химических заводов, из них 13 — на юге России. В итоге общая мощность сернокислых установок увеличилась почти вдвое, а азотнокислотных — в 3 раза. Но особенно серьезный сдвиг произошел в отечественной коксобензольной индустрии. По данным Военного ведомства, выработка на юге России сырого бензола выросла с 30.9 тыс. пудов в 1913 г. до 418.2 тыс. пудов в 1916 г., то есть почти в 14 раз. Одновременно выпуск толуола и ксилола вырос более чем в 10 раз и достиг 469 191 пуда.⁸⁰

Как показала последующая история, создание независимого от иностранных поставщиков производства указанных продуктов сыграло немалую роль в развитии промышленности Советского Союза в период подготовки его к следующей войне.

---

⁸⁰ Лельчук В. С. Создание химической промышленности СССР. М., 1964. С. 28—29.

Т. И. ЮСУПОВА

**УСТАНОВЛЕНИЕ НАУЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИЕЙ НАУК
И УЧЕНЫМ КОМИТЕТОМ МОНГОЛИИ
(1920-е гг.)**

Монголия (до 1992 г. — Монгольская Народная Республика) в XX в. прошла сложный путь от феодально-теократического до республиканского государственного устройства, обретя национальную независимость и утвердив себя (после почти 70-летней советской опеки) самостоятельным субъектом международных отношений. Радикальные реформы в Монголии, осуществляемые с начала 1990-х гг., были бы невозможны без экономического и культурного потенциала, накопленного страной не без поддержки Советского Союза. Особенно хочется выделить помощь, оказанную Монголии научными организациями Советской России, и прежде всего Академией наук,¹ в деле всестороннего естественно-исторического исследования страны, в создании монгольских государственных научно-исследовательских учреждений, в воспитании национальных научных кадров.

Начало тесному научному сотрудничеству между двумя странами было положено в 1920-е гг. и связано с организацией монгольского Ученого комитета — предшественника Академии наук Монголии. В эти годы были заложены основы научного взаимодействия двух стран, выработаны их основные формы, содержание и направления.

После победы в июле 1921 г. народной революции перед новой Монголией, еще вчера феодально-теократической страной, встали сложнейшие задачи по созданию национальных государственных институтов, в том числе и организации научных учреждений — одному из неперемных условий экономического развития страны. Но не менее важной проблемой являлось сохранение и возрождение национальной культуры, языка, литературы, истории, значительно утраченных за два с половиной века маньчжурского господства. Для

---

¹ Здесь и далее имеется в виду Российская Академия наук, РАН (с 1991 г.; до этого: Императорская Санкт-Петербургская Академия наук (1724—1917), РАН (1917—1925), Академия наук СССР (1925—1991)).

успешного решения этих задач наука и образование должны были стать методом государственной политики.

Одним из первых шагов в этом направлении явилось решение монгольского правительства от 9 ноября 1921 г. о создании «в целях ликвидации прежнего положения, когда Монголия была неграмотной, темной страной, в которой науки не изучались, а книг на монгольском языке было незначительное количество»,² Судар бичгийн хүрээлэн — Ученого комитета, или сокращенно Учкома Монголии.³

Дальнейшая конкретизация целей и задач Учкома произошла во второй половине 1924 г., когда после ряда административных реформ Учком из Министерства просвещения был переведен в непосредственное правительственное подчинение.⁴ В постановлении правительства указывалось, что Учком должен стать не только ведущим учреждением по организации научной работы, но и проводить разностороннее изучение природных ресурсов страны, исторического прошлого Монголии и соседних стран, оказавших влияние на ее культуру и религию, а также заниматься издательской деятельностью.⁵ Уже значительно позже, в 1934 г., одной из основных задач Ученого комитета являлась «организация научной разработки проблем национального хозяйства и культуры МНР в соответствии с задачами монгольской революции». При этом отмечалось, что до революции никакого изучения природных и культурных ресурсов страны не велось, если не считать того, что в течение XIX в. в Монголии

---

² См.: Очерки истории и культуры МНР. Улан-Удэ, 1971. С. 71.

³ В литературе на русском языке достаточно часто встречается и другой перевод Судар бичгийн хүрээлэн — Книжная палата или Комитет книг и рукописей. В официальных документах на русском языке начиная с 1924 г. практически везде название Судар бичгийн хүрээлэн переводится как Ученый комитет. Путешественник П. К. Козлов, прибывший в Монголию в сентябре 1923 г., в своих дневниках использует также только Ученый комитет. Этим переводом пользуется и Ц. Ж. Жамцарано в письмах к С. Ф. Ольденбургу периода 1924—1928 гг. Американский путешественник Р. Ч. Эндриус называет Судар бичгийн хүрээлэн «Scientific Committee» (*Andrews R. Ch. The New Conquest of Central Asia*. N. Y., 1932). Так же переводит это название на английский известный монголовед Р. Рупен (*Rupen R. Mongols of the Twentieth century*. Indian University; Bloomington, 1964). В изданной в Улан-Баторе в 2002 г. «Монгол улсын шинжлэх ухааны Академийн түүх» («История Академии наук Монголии») Судар бичгийн хүрээлэн на английский переводится как «The Institute of Letters»; в книге: *Baabar B. History of Mongolia* (Cambridge, 1999) — «The Institute of Science and Letters» (Р. 276). В 1930 г. Ученый комитет в связи с расширением решаемых задач стал называться Шинжлэх ухааны хүрээлэн — в современном традиционном русском переводе — Комитет наук, по аналогии с Академией наук. (В «Монгол улсын шинжлэх ухааны Академийн түүх» по-английски он назван «The Institute of Sciences»). В архивных документах Монгольской комиссии АН СССР после 1930 г. часто используется его прежнее название — Ученый комитет или Научно-исследовательский комитет. В данной статье до 1930 г. мы будем называть первое монгольское научное учреждение Ученым комитетом, после 1930 г. — Комитетом наук. В 1961 г. Комитет наук был преобразован в Академию наук Монголии.

⁴ В январе 1924 г. Ученый комитет вошел в состав Департамента народного просвещения Министерства внутренних дел, преобразованного в марте этого же года в Министерство просвещения, а в ноябре 1924 г. выведен из Министерства. (Монгол улсын шинжлэх ухааны Академийн түүх. С. 24).

⁵ Монгол улсын шинжлэх ухааны Академийн түүх. С. 24. Приношу искреннюю благодарность сотруднику СПбФ ИВ РАН, д. филол. н. И. В. Кульганек за помощь в переводе монгольского текста.

побывало «несколько иностранных экспедиций, которые, однако, в своей деятельности отнюдь не руководствовались национальными интересами Монголии».⁶

Большую работу Учком проводил по сбору исторических и иных произведений и сочинений на монгольском, тибетском, маньчжурском языках, памятников истории и культуры. В этой работе опорой для Учкома стали образованные чиновники и ламы. Председатель Учкома О. Жамьян в 1927 г., характеризуя деятельность Комитета, отметил: «...идет коллекционирование всего ценного относительно Монголии вообще, чтобы было по чему учиться молодым людям».⁷

Но кроме сохранения и изучения традиционных монгольских знаний для Монголии, ставшей на путь коренных социальных преобразований, была жизненно важна «прививка западной науки». Ученый секретарь Учкома Ц. Ж. Жамцарано в письме к иркутскому профессору В. И. Смирнову в апреле 1924 г. отмечал: «Работает Учком только около двух лет, причем главное внимание приходится уделять распространению европейских знаний в школах и народе».⁸

Ц. Ж. Жамцарано сыграл особую роль в истории создания Ученого комитета. Ц. Ж. Жамцарано — бурят, русский подданный (до 1924 г.), яркая, неординарная личность, сыгравший видную роль в истории Монголии как общественный и политический деятель. Он внес значительный вклад в организацию научных учреждений и развитие европейской науки в Монголии и в то же время в российское научное монголоведение.⁹

Закончив в 1900 г. Иркутскую учительскую семинарию, Ц. Ж. Жамцарано стал вольнослушателем Санкт-Петербургского университета, который, правда, не окончил, но получил прочные и разнообразные знания на юридическом, физико-математическом и историко-филологическом факультетах. Здесь, в Петербурге, он познакомился с известными востоковедами С. Ф. Ольденбургом, В. В. Бартольдом, В. Л. Котвичем, А. Д. Рудневым, Б. Я. Владимирцовым, Д. А. Клеменцем и др., с которыми на долгие годы у него сложились теплые дружеские отношения. С 1903 г. он активно занимался экспедиционной деятельностью, собирая лингвистические, фольклорные, этнографические материалы монгольских народов, проводя собственные научные исследования и выполняя поручения российских востоковедов.

Но не только научная деятельность интересовала молодого бурята. Он участвовал и в политических мероприятиях университета, за что был выслан из Петербурга с запрещением проживания в крупных городах Российской империи. В 1911—1917 гг. Ц. Ж. Жамцарано приехал в Монголию по приглашению

⁶ Национальный архив Монголии. Сх. 23. Д. 1. Хн. 207. X. 8.

⁷ Цыбиков Г. Ц. Дневник поездки в Ургу в 1927 г. // Избранные труды. Новосибирск, 1991. Т. 2. С. 123.

⁸ Национальный архив Монголии. Сх. 23. Д. 1. Хн. 23. X. 31.

⁹ В 1930 г. Ц. Ж. Жамцарано (в то время монгольский подданный), обвиненный в так называемом «правом уклоне», был исключен из членов МНРП и снят с должности ученого секретаря. В 1932 г. он был вынужден уехать из Монголии. По приглашению С. Ф. Ольденбурга работал в Институте востоковедения АН. В 1937 г. арестован по обвинению в шпионской деятельности. Подробно о Ц. Ж. Жамцарано см.: Решетов А. М. Наука и политика в судьбе Ц. Ж. Жамцарано // Orient. Альманах. СПб., 1998. Вып. 2—3. С. 5—55; Цыбен Жамцарано. Жизнь и деятельность. Докл. и тез. науч. конф., посвященной 110-летию Ц. Ж. Жамцарано. Улан-Удэ, 1991.

правления Богдо-гэгэна, был советником по делам образования и культуры, преподавал в первой в Монголии светской школе.

После Февральской революции вернулся в Бурятию, активно занимался общественно-политической деятельностью. Ц. Ж. Жамцарано волновало бедственное положение бурятского народа и в целом судьба монгольских племен, поиск путей сохранения самобытности и национальной культуры. В советской власти его привлекала прежде всего идея о праве наций на самоопределение.¹⁰ Он был одним из активнейших сторонников так называемого панмонгольского движения — идеи объединения всех монгольских народов (к этой этнической группе относятся также буряты и калмыки) в единое государство со столицей в Урге. Известный американский монголист Р. Рупен, характеризуя в своей монографии Ц. Ж. Жамцарано, отметил в его поступках определенный идеалистический романтизм.¹¹ В то же время Ц. Ж. Жамцарано отличало чувство высокого патриотизма по отношению к Монголии, страстное желание сделать жизнь монгольского народа лучше, счастливее.

В 1920 г. Дальневосточный секретариат Коминтерна командировал его в Монголию, где он занимался различными теоретическими вопросами партийного строительства и был одним из главных идеологов МНП/МНРП.

Ц. Ж. Жамцарано был убежден, что одним из важнейших условий возрождения монгольской государственности должны стать наука и просвещение. В своей научно-административной работе он использовал опыт Российской академии наук, при этом опираясь на советы и поддержку С. Ф. Ольденбурга, который и рекомендовал ему инициировать создание Судар бичгийн хүрээлэн.¹² Вообще личные связи С. Ф. Ольденбурга и Ц. Ж. Жамцарано имели особое значение для установления и развития научных контактов Академии наук и Учкома. Как показывают архивные документы, С. Ф. Ольденбург проявлял постоянный интерес к исследованию Монголии. При этом вся его деятельность и как заместителя председателя Комиссии СНК (1925—1927), и как председателя Комиссии АН СССР (1927—1929) по исследованию Монголии строилась на принципах глубокого уважения национальных приоритетов Монголии и стремлении учесть в исследовательской работе российских ученых потребности Учкома.

На годичном заседании Ученого комитета 10 февраля 1924 г. Ц. Ж. Жамцарано выступил с своего рода программой его дальнейшей деятельности, в которой было представлено, как пишет в своих дневниках известный российский путешественник П. К. Козлов, «все то, что в совокупности поставило бы отсталую Монголию в ряд с Россией. Таких последовательных, систематически вытекавших один из другого, набралось около сорока вопросов. (...) Среди этих пунктов — создание музея. Как здесь не вспомнить, что у истоков РАН стояла знаменитая Кунсткамера».¹³ Естественно-историческому музею как первой ступени накопления знаний о природе и истории страны, как научной лабора-

¹⁰ *Решетов А. М.* Наука и политика в судьбе Ц. Ж. Жамцарано. С. 18.

¹¹ *Rupen R.* Mongols of the Twentieth Century. Part I. P. 19.

¹² Об этом, в частности, пишет один из первых монгольских академиков Б. Ринчен в своих воспоминаниях «На Север мы шли за знанием» (Книга Братства. М.; Улаанбаатар, 1971. С. 156). Этот факт отмечает также Р. Рупен (*Rupen R.* Mongols of the Twentieth Century. Part I. P. 204).

¹³ *Козлов П. К.* Дневники Монголо-Тибетской экспедиции 1923—1926 гг. СПб., 2003. С. 127.

тории Ц. Ж. Жамцарано в своей работе уделял большое внимание. Пополнение фондов музея вскоре стало одним из обязательных условий работы всех иностранных экспедиций на территории Монголии.

Ц. Ж. Жамцарано развивал и другую традиционную форму деятельности научных обществ — избрание в ряды Учкома в качестве почетных членов иностранных ученых. В почетные члены были избраны П. К. Козлов, — «учитывая (...) заслуги в многолетних фундаментальных исследованиях Монголии и Тибета, в знак глубокого уважения»;¹⁴ Б. Я. Владимирцов — «руководствуясь желанием установить контакты со всеми светлыми умами мира», поскольку «такое избрание поможет в организационном и кадровом укреплении (...) молодого научного учреждения»;¹⁵ С. Ф. Ольденбург — «особо почитая глубокие научные знания» российского ученого, Учком надеялся, что новый почетный член «поделится своими научными знаниями»,¹⁶ и другие российские и иностранные ученые.

Как было сказано выше, одной из главных задач, стоящих перед Учкомом, являлось всестороннее изучение естественно-исторических условий и особенностей страны. Весьма скромные финансовые возможности, слабая материальная база, недостаток, а практически отсутствие специалистов не позволяли широко развернуть работу в этом направлении. Понимая, что собственными силами задачи, поставленные перед Учкомом, не решить, Ц. Ж. Жамцарано активно инициировал международные связи первого монгольского научного учреждения. Так, в частности, в отчете о деятельности Ученого комитета за 1924 г. отмечены «возникшие в последнее время научные сношения с различными европейскими и американскими организациями».¹⁷

На территории Монголии в 1922—1925 гг. работала Центральноазиатская экспедиция Нью-Йоркского музея естественной истории под руководством Р. Ч. Эндрюса, в 1922—1924 гг. — датская сельскохозяйственная экспедиция доктора К. Кребса. В ноябре 1923 г. Ургу проездом из Пекина в Москву посетил известный шведский путешественник Свен Гедин; в 1926—1927 гг. в Монголии находилась экспедиция Н. К. Рериха. Ц. Ж. Жамцарано в упомянутом письме В. И. Смирнову писал: «Принципиально Учком всякое сотрудничество иностранных научных сил может только приветствовать, но при условии представления Учкому полного отчета о работах для публикации в „Записках Ученого комитета“ и по одному экземпляру всего собранного материала в Монгольский национальный музей».¹⁸

¹⁴ Советско-монгольские отношения. Т. I. С. 91.

¹⁵ Там же. С. 92. Когда на заседании Ученого комитета 10 февраля 1924 г. зашел разговор о том, что среди членов монгольского Учкома мало монголов, П. К. Козлов заметил: «Не надо только бояться, что в Ученом комитете доминирует не монгольский язык. Когда-то, в самом начале и на протяжении свыше 100 лет, в РАН главенствовал язык немецкий с сильной оппозиционной немецкой партией. А когда русские сами подросли, впитав в себя целиком европейскую цивилизацию, в РАН стала исключительно национальная, русская партия — великое торжество самих русских, так смотрите и вы монголы, не пугайтесь вторжения в ряды ученых членов вашего Комитета, это неизбежно, но это приведет вас к цели!» (*Козлов П. К. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции.* С. 127).

¹⁶ Советско-монгольские отношения. Т. I. С. 117.

¹⁷ Национальный архив Монголии. Сх. 23. Д. 1. Хн. 57. X. 2.

¹⁸ Там же. Хн. 23. X. 31.

Широким международным контактам Ученого комитета препятствовала в первую очередь неопределенность международного положения Монголии. Ее независимость была признана только СССР. Но и в этих условиях представители национал-демократических сил монгольского правительства в 1925—1928 гг. (период «правого курса» в истории современной Монголии) пытались развить научные, технические и торговые связи с Германией, Францией, Америкой.¹⁹

Однако в силу сложившейся международной обстановки и географического соседства наиболее тесное взаимодействие установилось с российскими научными учреждениями — Иркутским и Владивостокским университетами, Бурятским Учкомом и РАН.

В сентябре 1922 г. руководители Учкома обратились к С. Ф. Ольденбургу с официальным письмом, в котором просили Академию наук рассмотреть возможность научного сотрудничества и помощи Комитету, своего рода шефства со стороны российских ученых. Поддержка требовалась по научно-организационным (книги для формирования научной библиотеки, чтение лекций российскими учеными, их помощь в становлении исследовательской работы в Монголии), кадровым («невозможно одному-двум монголам вести научную и просветительскую работу»), методическим (учебники и разные учебные пособия) вопросам. В качестве дара и первого шага к взаимным контактам Учком передал в Азиатский музей АН отсутствующие в России части героического эпоса «Истории Гэсэра». В обмен Ц. Ж. Жамцарано просил выслать книги по культуре и религии Монголии, а также газеты на монгольском, тибетском, китайском, санскрите, русском языках с интересной для Ученого комитета информацией.²⁰ В последующие годы библиотека Учкома активно пополнялась российскими учеными, приезжавшими в Монголию.

Летом 1923 г. в Ургу по просьбе Учкома были командированы три студента Петроградского института живых восточных языков, молодые востоковеды Н. Н. Бабынин, В. А. Казакевич и А. В. Петров. В Монголии они не только входили «в живую связь с народом»,²¹ который изучали, но и выполняли по поручению Учкома разнообразную научную и организационную работу: переводили на монгольский язык необходимую для новой Монголии российскую и иностранную литературу, занимались поисками исторических рукописей, совершали экспедиционные поездки. Причем их содержание Учком взял на себя: правительство утвердило расходы на работу приглашенных исследователей. Необходимость выделения денег для иностранных ученых Учком аргументировал важностью их деятельности для повышения международного авторитета страны. В своем письме правительству Ц. Ж. Жамцарано писал: «Русские

---

¹⁹ *Wolff S. Mongols in Western Europe in 1925—1929 // Man. 1945. Vol. 45 (Mar.—Apr.). P. 41—42; Baabar B. History of Mongolia. P. 276—277.*

²⁰ Монгол-зөвлөлтийн соёл шинжлэх ухаан, техникийн харилцаа. Баримт бичгийн эмхтгэл. 1921—1960 (Монголо-советские культурные и научно-технические связи. Сборник документов). Улаанбаатар, 2000. I боть. С. 18; Советско-монгольские отношения. 1921—1974. Документы и материалы. Т. I. С. 519.

²¹ Как писал директор ПИЖВЯ/ЛИЖВЯ В. Л. Котвич в письме А. В. Бурдукову: «Посылаем в Ургу трех молодых, еще только начинающих монголистов, чтобы они вошли в живую связь с народом, который они будут изучать» (*Бурдуков А. В. В старой и новой Монголии. М., 1969. С. 287.*)

ученые из Петрограда в своих письмах сообщают, что ученые Англии, Франции, Германии и других государств совместно обсуждают вопросы изучения Ганджур и Данжур²² (...) которые в будущем будут представлять большой научный интерес и послужат делу поднятия авторитета страны и явятся уникальным сокровищем, которым будут интересоваться ученые различных стран мира. Такие отношения будут также способствовать известности нашей страны, будут способствовать становлению самостоятельности нашего государства».²³

Проанализировав первые результаты проведенных работ и особенности их организации, сопоставив планы приехавших российских ученых и потребности Ученого комитета, Ц. Ж. Жамцарано в письме от 2 октября 1924 г. представил С. Ф. Ольденбургу свой взгляд на характер помощи со стороны Академии наук.²⁴ Прежде всего Учком просил Академию наук и далее командировать специалистов в различных отраслях знаний. Причем они могут понадобиться как на летний экспедиционный сезон, так и на более продолжительное время. Во-первых, как отмечал Ц. Ж. Жамцарано, необходим «археолог, он же палеонтолог», который бы вел исследования по поручению Учкома, руководил и контролировал работы «не совсем специализированных» монгольских исследователей, а также был бы экспертом монгольского правительства, обеспечивающего вывозом археологических и палеонтологических находок, сделанных на территории Монголии иностранными экспедициями. Во-вторых, Учкому был необходим «геолог по части полезных ископаемых». Учитывая местные особенности — отсутствие научного сообщества, библиотек и музеев, — такой ученый должен быть «не только спец своего дела, но человек энциклопедического характера, простой, без лишних претензий, чуткой души». Если специалисты будут работать на учкомовские средства, уточнял Ц. Ж. Жамцарано, то и результаты их работы, прежде всего собранные коллекции, будут принадлежать Учкому, а издания выходить под «флагом Учкома». Если речь пойдет о новых российских экспедициях, то они будут обязаны оставлять часть коллекций и материалов Учкому для создания естественно-исторического музея, как это уже сделала американская экспедиция Р. Ч. Эндрюса и как об этом идут переговоры с П. К. Козловым.

Пребывание в 1923—1926 гг. в Улан-Баторе Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова стало заметным фактом не только научной, но и общественной и культурной жизни столицы Монголии. Члены экспедиции не остались в стороне от научно-организационной деятельности Учкома, оказывая ему разнообразную помощь в проведении краеведческих исследований и формировании естественно-исторических коллекций музея. Особенно следует выделить деятельность С. А. Кондратьева, который много времени отдавал изучению музыкального монгольского фольклора.²⁵ В 1925 г. по просьбе

---

²² Ганджур — собрание канонических буддийских текстов на тибетском языке. Переведено на монгольский язык в XVII в., включает более тысячи произведений в прозе и стихах. Данжур — также собрание канонических буддийских текстов, включает комментарии к Ганджуру, сочинения по языкознанию, стихосложению, медицине, архитектуре, художественные произведения.

²³ Советско-монгольские отношения. Т. I. С. 84—85.

²⁴ ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1—1924. Д. 23. Л. 69—72.

²⁵ Итогом этой работы стала монография: *Кондратьев С. А.* Музыка монгольского эпоса и песен. М., 1970.

Ц. Ж. Жамцарано он перешел работать в Учком,²⁶ где в течение шести лет занимался географическим исследованием страны, метеорологическими и астрономическими наблюдениями, различными организационными вопросами.

По окончании Монголо-Тибетской экспедиции в 1926 г. остался работать в Улан-Баторе еще один сотрудник П. К. Козлова — А. Д. Симуков, который внес значительный вклад в географическое изучение Монголии. С 1927 г. он заведовал кабинетом географии Учкома, выполняя и другие разнообразные научно-административные обязанности, много путешествовал по стране, прекрасно знал ее природно-климатические и хозяйственно-экономические особенности.²⁷ Итогом его большой работы стал изданный в Улан-Баторе в 1934 г. «Географический Атлас Монгольской Народной Республики».

Следует отметить, что в целом работа Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова проходила при постоянном взаимодействии с Ц. Ж. Жамцарано, глубокие знания которого русский путешественник высоко ценил и часто обращался к нему за консультациями по разным вопросам истории и культуры монгольского народа. Именно общение с Ц. Ж. Жамцарано стало одним из важнейших мотивов, побудивших П. К. Козлова принять решение о начале раскопок гуннских могильников в горах Ноин-Уле, результатом которых стало выдающееся археологическое открытие. Во всех отчетах, посылаемых в научные и правительственные учреждения, в своих выступлениях и публикациях П. К. Козлов не забывал благодарить членов монгольского правительства и Учком, особенно Ц. Ж. Жамцарано, за предоставленную возможность работать и производить раскопки на территории Монголии.

Ц. Ж. Жамцарано твердо отстаивал интересы молодого научного учреждения. Особенно ярко это проявилось при решении вопроса о разрешении на вывоз археологических находок, сделанных экспедицией П. К. Козлова в горах Ноин-Ула, недалеко от Улан-Батора. В соответствии с изданным в сентябре 1924 г. законом «Об охране памятников старины» из Монголии запрещалось вывозить научные коллекции, добытые иностранными экспедициями и учеными.²⁸ Поводом для принятия такого закона как раз и послужили уникальные палеонтологические находки Центральноазиатской экспедиции Р. Ч. Эндрюса и археологические — Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова. Об этом в начале октября 1924 г. Ц. Ж. Жамцарано писал С. Ф. Ольденбургу: «Недавно опубликован монгольским правительством закон „Об охране памятников ста-

---

²⁶ В Монголии С. А. Кондратьев работал до 1931 г., периодически приезжая в Россию для решения административных вопросов и продления своей командировки. В Учкоме работала и его жена, М. И. Клягина-Кондратьева, которая была командирована в 1926 г. Комиссией СНК по научному изучению Монголии также по просьбе Ц. Ж. Жамцарано. О С. А. Кондратьеве см.: Жизнь и научная деятельность С. А. Кондратьева (1896—1970) в Монголии и в России / Ред.-сост. И. В. Кульганек, В. Ю. Жуков. СПб., 2006.

²⁷ О А. Д. Симукове см.: Симукова Н. А. Имя А. Д. Симукова возвращается в науку // *Mongolica-III*. СПб., 1994. С. 57—71; Мурзаев Э. М. В сердце Азии. М., 1990. С. 23—26; Шастина Н. П. Из воспоминаний о Монголии // Книга братства. М.; Улаанбаатар, 1971. С. 206—218; Симуков А. Д. Труды о Монголии и для Монголии. В 3 т. Осака, 2007.

²⁸ Этот закон был опубликован в начале 1925 г. на монгольском, русском и английском языках (*Low Protecting Remains of Antiquity*). Экземпляр, присланный С. Ф. Ольденбургу, хранится в ПФА РАН (Ф. 339. Оп. 1—1925. Л. 80—90).

рины“ <...>. Все памятники древности объявлены национальной собственностью и к вывозу не подлежат. Если придется вывозить для разработки, обмена и т. п., то требуется особое разрешение от монгольского правительства и Ученого комитета».²⁹

П. К. Козлову пришлось провести непростые переговоры с представителями монгольского правительства о вывозе в Россию коллекций, обещая некоторые находки подарить Ученому комитету. Ц. Ж. Жамцарано настаивал на оставлении в Монголии не отдельных предметов, а целостного содержания, по меньшей мере двух могил. П. К. Козлов с трудом убедил руководителя Ученого комитета в нежелательности дробления и нецелесообразности оставления части коллекции, не изученной специалистами, которых в Монголии в те годы не было.³⁰ Итогом обсуждения явилось специальное соглашение между Ученым комитетом и Монголо-Тибетской экспедицией, в котором были оговорены условия вывоза коллекций в Россию, а именно:

«1. Археологический материал, добытый Тибетской экспедицией при раскопе курганов в Ноин-Уле в 1924 г., в целях возможно более полной научной обработки отправляется целиком в (Петроград) Ленинград.

2. Не позднее осени 1925 г. все предметы, добытые из какого-нибудь одного погребения (среднего по богатству собранного материала), возвращаются в Монголию и передаются в музей Ученого комитета».³¹

Референт НКВД Л. Е. Берлин в своем отчете отмечал, что «благополучному решению вопроса немало содействовало то, что экспедиция Козлова значительно помогла Монгольскому Ученому комитету в развитии научного дела и музея Монголии».³²

П. К. Козлов придавал важное значение выполнению этого соглашения, рассматривая его не только как личное, но и как государственное обязательство, реализация которого во многом определяла возможность и условия работы в Монголии других российских экспедиций. СНК СССР поддержал путешественника в этом вопросе и решением правительства от 31 марта 1925 г. утвердил соглашение, поручив непременно секретарю РАН С. Ф. Ольденбургу следить за его выполнением. Российская сторона обязательства в течение 1925—1927 гг. выполнила и передала в соответствии с договором часть коллекции. Уже в 1927 г. эти предметы были выставлены в музее Учкома.³³ Сейчас они экспонируются в залах Национального музея монгольской истории в Улан-Баторе.

Монголо-Тибетская экспедиция П. К. Козлова сыграла также важную роль в институционализации изучения Монголии в Российской академии наук. Деятельность экспедиции привлекла внимание правительства и, идя навстречу инициативе руководства Академии наук, Совнарком СССР принял решение организовать широкомасштабное исследование Монголии, для чего следовало

²⁹ ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1—1924. Д. 23. Л. 69.

³⁰ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 10. Л. 9. Протокол заседания Комиссии 7 февраля 1925 г.; *Козлов П. К.* Дневники Монголо-Тибетской экспедиции 1923—1926 гг. СПб., 2003. С. 357.

³¹ *Козлов П. К.* Дневники Монголо-Тибетской экспедиции 1923—1926 гг. С. 363. Оригинал соглашения находится в ПФА РАН (Ф. 339. Оп. 1—1931. Д. 14. Л. 38).

³² АВП РФ. Ф. 183. Оп. 4. Папка 107. Д. 28. Л. 66—67.

³³ *Цыбииков Г. Ц.* Дневник поездки в Ургу в 1927 г. // *Избранные труды.* Новосибирск, 1991. Т. 2. С. 135.

создать при правительстве специальную Монгольскую комиссию.³⁴ Председателем комиссии стал управляющий делами СНК Н. П. Горбунов, его заместителем — С. Ф. Ольденбург. В 1927 г. Монгольская комиссия из непосредственного подчинения правительству была переведена в структуру Академии наук, где она функционировала до 1953 г. В разные годы ее возглавляли выдающиеся российские ученые: С. Ф. Ольденбург (1927—1929), В. Л. Комаров (1930—1945), В. А. Обручев (1946—1953).³⁵ С деятельности Монгольской комиссии началось систематическое научное взаимодействие ученых России и Монголии. В ее работе принимали участие крупнейшие ученые и ведущие специалисты в различных отраслях знания. Комиссия внесла значительный вклад в изучение природных ресурсов, истории, языка и культуры соседнего государства.

В своей деятельности комиссия придавала важное значение взаимодействию с Ученым комитетом Монголии. Так, 30 мая 1925 г. было принято решение об оказании помощи Ученому комитету в деле подготовки научных кадров. С этой целью руководителям экспедиционных отрядов Академии наук вменялось в обязанность включать в свой состав как минимум одного человека от Учкома, но, оговаривалось, на средства монгольского правительства.³⁶ Как свидетельствуют отчеты руководителей академических отрядов, работавших в Монголии, и документы Учкома, данное решение неукоснительно соблюдалось.

В декабре 1925 г. члены комиссии признали обязательным к исполнению предложения НКВД «Об усилении обмена Академии наук и других научных учреждений СССР с Ученым комитетом Монголии современными научными изданиями и ранее изданной литературой по Монголии, научными коллекциями и отдельными экспонатами, которые могут быть выделены из музеев, библиотек и архивов СССР» и «Об использовании прибывающих в Монголию ученых и научных работников из СССР для устройства ряда лекций в Монгольском народном университете по программе, согласованной с Ученым комитетом Монголии».³⁷

Деятельность Монгольской комиссии Академии наук регламентировалась специальными ежегодными соглашениями между комиссией и Ученым комитетом Монголии. В исследованиях Монголии в основном принимали участие академические учреждения: Геологический, Зоологический, Ботанический, Азиатский музеи, Почвенный институт. Общее руководство исследованиями осуществляли авторитетные ученые: Б. Я. Владимирцов (этнолого-лингвистические), В. Л. Комаров (ботанические), Б. Б. Польшин (почвенные), П. П. Сушкин (зоологические), А. Е. Ферсман (минералогические) и др. К работе привлекались также молодые сотрудники и студенты. На направления научной рабо-

---

³⁴ Первоначально она называлась Комиссией по научному исследованию Монгольской и Танну-Тувинской народных республик и Бурят-Монгольской АССР, поскольку предполагалось, что в ее задачи будет входить изучение приграничных с Монголией республик. В отчете Академии наук за 1928 г. она впервые названа просто Монгольской комиссией. Это сокращенное название, отражающее по существу основное территориальное направление деятельности комиссии, в дальнейшем закрепилось за ней официально.

³⁵ См.: Юсупова Т. И. Монгольская комиссия Академии наук. История создания и деятельности. 1925—1953 гг. СПб., 2006.

³⁶ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 33. Л. 145.

³⁷ Архив РГО. Ф. 1—1923. Оп. 1. Д. 9. Л. 169—171.

ты комиссии в 1927—1929 гг. процесс государственного администрирования Академии наук еще не оказывал существенного влияния. И хотя утвержденный Совнаркомом 18 июня 1927 г. новый устав АН закрепил как одну из основных задач «приспособление» результатов научной работы к «требованиям жизни», исследовательская работа комиссии планировалась прежде всего исходя из целесообразности решения той или иной научной проблемы. Работы, направленные на решения конкретных узкопрактических проблем, инициировались и финансировались или Ученым комитетом Монголии (например, изучение водных ресурсов страны), или различными ведомствами (Геолкомом и др.). В предвоенные годы это был самый плодотворный период взаимодействия Академии наук и Ученого комитета Монголии: в 1927—1929 гг. в Монголию было направлено более 12 экспедиционных отрядов, проведен большой объем картографических³⁸ и камеральных работ,³⁹ в первую очередь по обработке нин-ульских археологических коллекций.

Российские ученые работали в Монголии в очень непростых природно-климатических условиях и нередко в охваченных бурными социально-политическими и военными событиями районах. Тем не менее многие из них с теплотой вспоминают годы своего пребывания в стране, ее удивительную природу, искренних и гостеприимных людей.

Будущий академик Б. Б. Полюнов в докладе на заседании Монгольской комиссии 4 ноября 1926 г. отметил, что российские исследователи встретили «сочувственное отношение со стороны монгольского правительства и всех представителей Научного комитета. Ни малейшего препятствия нам не чинили, всюду приходили на помощь, быстро разрешали все сложные вопросы. Отношение к экспедиции, к нашей Комиссии, к Академии наук самое благожелательное <...> как со стороны главы правительства <...> так, особенно, со стороны председателя Научного комитета».⁴⁰ А в опубликованном позже отчете добавил, что о пребывании в Монголии участники экспедиции сохраняют воспоминания «как о светлом времени дружной, согласной совместной работы».⁴¹

Осенью 1929 г. Академия наук СССР заключила первый официальный договор с Ученым комитетом о проведении совместных исследований Монголии. Необходимость такого документа между главными научными учреждениями двух стран назрела уже давно. Он был призван в рамках межправительственного соглашения 1929 г. снять все правовые недоразумения, возникающие при организации и проведении исследовательских работ.

Помимо основной цели договора — правового обеспечения работ Академии наук в Монголии, он также предусматривал тесное взаимодействие с мон-

---

³⁸ Отчет о деятельности АН СССР за 1927 г. II. Отчет о научных командировках и экспедициях. Л., 1928. С. 266; Отчет о деятельности Академии наук за 1928 г. II. Отчет о научных командировках и экспедициях. Л., 1929. С. 36; Отчет о деятельности АН СССР за 1929 г. II. Отчет о научных командировках. Л., 1930. С. 16—17.

³⁹ Отчет о деятельности Академии наук за 1928 г. II. Отчет о научных командировках и экспедициях. С. 34—36; Отчет о деятельности АН СССР за 1929 г. II. Отчет о научных командировках. С. 17—18.

⁴⁰ Цит. по: Юсупова Т. И. Монгольская комиссия Академии наук. С. 84.

⁴¹ Полюнов Б. Б. Предисловие // Предварительный отчет почвенно-географической экспедиции в северную Монголию в 1926 г. Л., 1930. С. 2 (Материалы Комиссии по исследованию Монгольской и Тувинской народных республик и Бурят-Монгольской АССР. Вып. 9).

гольскими коллегами, в частности оговаривались условия «вовлечения Ученого комитета в общую работу», а также призывал «оказывать влияние вообще на работы Учкома» и «направлять ее соответствующим образом».⁴²

В проект договора был включен перечень уже начатых работ, а именно:

— геологические исследования, с целью дать общую геологическую картину Монголии с выявлением полезных ископаемых и их генезиса, а также выявление месторождений для промышленной разработки;

— палеонтологические исследования — как необходимое приложение к геологическим исследованиям, для изучения континентальных отложений, без изучения которых невозможно выяснить геологическую историю;

— геохимические исследования — для выяснения наличия полиметаллических, а также вольфрамовых и оловянных руд;

— почвенные исследования, для выяснения общего характера почв Монголии и условий почвообразования;

— гидрологические исследования — необходимость которых была очевидна из-за острой нужды в воде по крайней мере половины населения Монголии;

— ботанические и зоологические исследования должны дать основания и опору для агрономических работ и работ в области животноводства.

При этом отмечалось, что большинство указанных работ невозможно провести без топографической основы, в связи с этим в отряды предполагалось включать топографические и астрономические партии для определения опорных пунктов для последующих картографических работ. Вопрос об определении астрономических пунктов был поставлен Ц. Ж. Жамцарано еще в 1925 г., во время его приезда в Ленинград на празднование 200-летнего юбилея Академии наук.

Кроме того, были намечены новые направления исследований: такие, как, например, палеоэтнологические — для изучения древних культур; археологические — продолжение раскопок ноин-ульских курганов; антропологические — для изучения физического типа и расовых особенностей населения Монголии; этнолого-лингвистическое изучение Халхи, о проведении которых также говорил Ц. Ж. Жамцарано в 1925 г.

В том виде, в каком он был подписан (5 октября 1929 г.), договор в какой-то мере явился завершающим актом самого плодотворного этапа деятельности Академии наук СССР в Монголии в довоенный период. В случае его реализации результаты уже проведенных и запланированных исследований могли бы дать в скором времени достаточно всестороннюю картину знаний о природе, истории, языке Монголии, еще более закрепив приоритет изучения этой страны, ее природных условий и исторического прошлого за Россией. Однако большинство планов так и осталось на бумаге. Развернувшееся в СССР «академическое дело», активизировавшиеся со стороны государства мероприятия по советизации науки, резкое ухудшение внутривосточной ситуации в Монголии в связи с так называемым «левацким экспериментом»⁴³ не позволили осуществить намеченных Академией наук экспедиционных работ.

Восстановить активные научные контакты с АН СССР Ученый комитет Монголии смог лишь в середине 1940-х гг., когда была организована Монголь-

⁴² ПФА РАН. Ф. 339. Оп. 1—1930. Д. 19. Л. 1.

⁴³ Подробно о политической ситуации в Монголии в этот период см.: *Роцин С. К.* Политическая история Монголии. 1921—1940 гг. М., 1999.

ская сельскохозяйственная экспедиция, в рамках которой Академия наук вновь развернула широкие исследования. Накопленный в 1920-е гг. опыт и научные, кадровые и организационные результаты сотрудничества стали фундаментом для дальнейшего развития научных связей двух стран.

Российско-монгольские научные контакты на сегодняшний день являются одним из самых активно развивающихся направлений международного сотрудничества Российской академии наук. История их установления дает возможность осознать произошедшие изменения и составить представление об особенностях и специфике дальнейшего развития и углубления взаимодействия.

IV. АКАДЕМИЯ НАУК В КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ РОССИИ

М. Н. ЩЕРБАКОВА

МУЗЫКАЛЬНО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИХ ТИПОГРАФИЙ АКАДЕМИИ НАУК

Отечественные музыкальные издания XVIII в., без сомнения, являются уникальными свидетельствами развития культуры новой России. Музыкально-издательская деятельность Академии наук в XVIII в. играла основополагающую роль в становлении и развитии процессов европеизации. Ибо именно этим изданиям суждено было в значительной мере удовлетворять неуклонно возраставший интерес к новым музыкальным жанрам, к информации музыкально-просветительского характера. Стремительно изменялся музыкальный быт, активно воспринимавший романсно-песенные формы музицирования. Уже к середине XVIII в. требовал пополнения репертуар становившихся популярными музыкальных театров. Все это готовило почву для открытия музыкально-издательской деятельности в Санкт-Петербурге, где основную функцию на начальном этапе взяла на себя Академия наук и ее типографские подразделения.

Монополия на все издания, принадлежавшая по высочайшему распоряжению Академии наук, продолжалась вплоть до 1770-х гг.¹ По мнению же Д. Ф. Юферова, эта монополия в реальности просуществовала лишь до 1757 г. — до времени устройства типографии Сухопутного шляхетского кадетского корпуса. Сама же Академия наук вошла в историю отечественной культуры того периода не только как строго научное учреждение, но как «источник всякого рода сочинительства — похвальных од, панегириков, стихов, иллюминаций и фейерверков, устройтельницей празднеств, переводчицей книг и оперных либретто и даже музыкального сочинительства».² Так или иначе, но музыкально-издательская просветительская деятельность Санкт-петербургских типографий АН в XVIII в. охватывает достаточно большой период — с 1730 по 1799 г.

---

¹ Карцовник В. Г. Типография Академии наук // Энциклопедический словарь «Музыкальный Петербург. XVIII век». СПб., 1996. Кн. 1. С. 19—20.

² Юферов Д. Ф. Музыкальная и нотно-издательская деятельность Академии наук и ее типографий в XVIII веке // Вестник АН СССР. 1934. № 4. Стлб. 39—40.

А между тем сама история возникновения музыкальных издательств АН и их деятельность мало изучены, что справедливо признается сегодня многими исследователями.³ Следует также признать и тот факт, что история музыкальных изданий — нотных материалов, либретто опер и балетов, учебников, песенных сборников, музыкальных журналов и др., — оказалась буквально растворена в изучении вопросов становления и распространения типографской деятельности в России XVIII в. в целом. Иначе говоря, по некоей инерции отечественное нотоиздательское дело лишь изредка привлекало внимание исследователей, а потому до настоящего момента большинство вопросов истории нотоиздательств в России оставалось, по существу, без ответа.⁴ Весьма распространенным являлось и общее убеждение, что данная проблематика будто бы не относится к истории отечественной музыкальной культуры. Началом обособления данной тематики можно признать работу академика П. Пекарского «Академическая типография в старину и ныне» (1870), одним из первых систематизировавших всю доступную в те годы информацию по истории типографского дела в России XVIII в. Спустя почти полвека, в 1930-е гг., изучение данного вопроса было продолжено Д. Ф. Юферовым и Г. Н. Соколовским в их монографии «Академическая типография. 1728—1928» (1929). Следующей же публикацией, концентрированно и весьма лаконично представившей историю Санкт-Петербургских типографий XVIII в., стало исследование И. Е. Баренбаума и Н. А. Костылевой «Книжный Петербург—Ленинград», увидевшее свет в 1986 г.

На деле поступательного развития специальной темы о музыкальных изданиях типографий АН ни в одной из указанных работ, по существу, не происходило. Причиной тому, без сомнения, является принципиальная общая справочно-историографическая, а не специальная музыкально-культурологическая ориентация в подходе упомянутых исследователей к оценке данного направления в изучении. Общее же число музыкальных публикаций в типографиях АН в XVIII в., указанное в названных изданиях, как правило, весьма далеко от реальных объемов — от 5 изданий (Юферов и Соколовский, 1929) до 9 (В. Г. Карцовник, 1996).

Специальный музыкально-исторический ракурс в развитии данной темы возникает лишь в исследовании В. Вольмана «Русские печатные ноты XVIII века» (1957), где содержится глава «Музыкально-издательская деятельность Академии наук». Безусловную ценность в воссоздании полной картины музыкальных изданий АН представляют многие указатели и справочные издания, например «Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века» (1962—1967), где упоминаются 94 издания; а также «Сводный каталог Российских нотных изданий XVIII века» (1996) с указанием 23 позиций такого рода. Небезынтересны также и те из них, которые посвящены отдельным аспектам музыкальной жизни прошлого, как например указатель А. Соколовой (1985).⁵ Особой страницей в изучении музыкальной культуры России XVIII в., как известно, стал труд Р. А. Моозера «Annales de la musique et des mu-

³ Безуглова И. Ф. Предисловие // Нотные издания в музыкальной жизни России. Сб. науч. тр. СПб., 1999. С. 7.

⁴ Музычук Т. Ф. Материалы к изучению нотоиздательского дела в России // Нотные издания в музыкальной жизни России. С. 9.

⁵ Соколова А. Хронологическая таблица (Музыкальный театр 1701—1799) // История русской музыки. В 10 т. М., 1985. Т. 3. С. 362—415.

sicians en Russie en XVIII-me siecle» (Geneva, 1948—1951. V. 1—3). Здесь указаны 35 музыкальных публикаций, увидевших свет в типографиях АН.

Практической целью публикации данного перечня музыкальных изданий, осуществленных типографиями Академии наук в XVIII в. в Санкт-Петербурге, является стремление преодолеть наметившуюся тенденцию к замедлению в развитии исследуемой темы. Способствовать этому, без сомнения, должно концептуальное и историографическое обновление ракурсов изучения материала, а также систематизация библиографических данных. А потому настоящий перечень изданий существенно расширяет само понятие «музыкальное издание». Он включает сведения не только о традиционных видах музыкальных публикаций, таких как нотные издания, учебники и др., но также либретто оперных и балетных произведений, существенно уточнявшие (как, например, и весьма подробные афиши этого времени, также печатавшиеся в типографиях Академии наук) историю бытования европейских музыкально-театральных жанров на российской сцене.⁶ В подготовке к публикации данного перечня принимал деятельное практическое участие библиограф научной библиотеки Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. Я. Римского-Корсакова Э. Л. Поляков. Титульные листы музыкальных изданий даны в орфографии оригиналов того времени, с прибавлением деталей современной библиографической информации.

Музыкальные издания Санкт-петербургских типографий Академии наук в XVIII в.

1730

Тредиаковский, Василий Кириллович (1703—1768).

Песнь. Сочинена в Гамбурге к торжественному празднованию коронации Ея Величества Государыни Императрицы Анны Ивановны Самодержицы Всероссийския, бывшему тамо Августа 10 [по новому изчислению] 1730 / [Чрез студента Василья Тредиаковского]. [СПб.: тип. Акад. наук, 1730]. 1 л. с нот.

1733

Лео (Leo), Леонардо Ортензио Сальваторе ди (1694—1744) [музыка]. Метастазιο (Metastasio), Пьетро Антонио Доменико (1698—1782) [либретто].

Подрядчик оперы. В острова Канарейские. Интермедия на музыке / [Перевел В. К. Тредиаковский]. СПб.: [тип. Акад. наук], 1733. 12 с.

* * *

Орландини (Orlandini), Джузеппе Мария (1675—1760) [музыка]? или Хассе (Hasse), Иоганн Адольф (1699—1783) [музыка]?

⁶ Примечательно, что сам термин «либретто» был приобщен к российскому словарно-понятийному ряду В. К. Тредиаковским, определившим его как «книгу оперскую», что зафиксировано как раз в академическом издании в 1733 г. переведенного им текста итальянской интермедии «Подрядчик оперы. В острова Канарейские».

«**Старик скупой**». Интермедия на музыке / [Перевел с итальянского В. К. Третьяковской]. СПб.: [тип. Акад. наук], 1733. 19 с. Тираж 100 экз.

* * *

Орландини (Orlandini), Джузеппе Мария (1675—1760) [музыка].

«**Игрок в карты**». Интермедия на музыке / [Перевел В. К. Третьяковской]. СПб.: [тип. Акад. наук], 1733. 12 с..

1734

Бельмура (Belmuro), А. [либретто].

«**Влюбившийся в себя самого или Нарцисс**». Интермедия на музыке / [Перевел с французского В. К. Третьяковской]. СПб.: [тип. Акад. наук], 1734. 15 с. Тираж 100 экз.

* * *

Бирон, Карл Эрнест (1728—1801).

Aria e menuet. [СПб.: тип. Акад. наук], 1734. 1 л., нот.

* * *

Орландини (Orlandini), Джузеппе Мария (1675—1760) [музыка].

«**Муж ревнивой**». Интермедия на музыке / [Перевел В. К. Третьяковской]. СПб.: [тип. Акад. наук], 1734. 12 с. Тираж 100 экз.

* * *

Орландини (Orlandini), Джузеппе Мария (1675—1760) [музыка].

«**Больным быть думающий**». Интермедия на музыке / [Перевел с французского В. К. Третьяковской]. СПб.: [тип. Акад. наук], 1734. 12 с. Тираж 100 экз.

* * *

Хассе (Hasse), Иоганн Адольф (1699—1783) [музыка]. *Сальви (Salvi), Антонио* [либретто].

«**Посадской дворянин**». Интермедия на музыке / [Перевел В. К. Третьяковской]. СПб., 1734. 13 с.

На с. 13: «Арии переведены с французского». Тираж 100 экз.

* * *

Хассе (Hasse), Иоганн Адольф (1699—1783) [музыка]. *Саддумене (Saddu-
mene), В.* [либретто].

«**Притворная немка**». Интермедия на музыке / [Перевел В. К. Третьяковской]. СПб.: [тип. Акад. наук], 1734. 14 с. Тираж 100 экз.

1735

Верокаи (Verocai) Джованни (ок. 1700—1745).

Douze Sonates a Violon seul avec la basse (dediees). A son altesse Serenissime Monseigneur Le Prince Charles Duc Regnat de Brunsvic et de Wollenbuttel etc. etc. Par Ms. Verocai, Venezien. Premier ouvrage a St. Petersburg. [СПб.: тип. Академии наук, между 1735—1738]. 72 с.

1736

Арайя (Araia), Франческо (1709—после 1775) [музыка].

«Спор любви и ревности». Кантата на два голоса с хором. Сочинена к торжественному дню преславного коронования Великия Государыни Императрицы Анны Иоанновны... апреля 28-го дня, 1736 года / Музыку сочинил Г. Франциск Арайя, неаполитанец, Ея Императорского Величества Капеллмейстер. СПб.: при Имп. Акад. Наук, [1736]. Тит. л. и текст парал. на рус. и итал. языках.

* * *

Арайя (Araia), Франческо (1709—после 1775) [музыка]. *Прама (Prata), Ф.* [либретто].

«Сила любви и ненависти». Драма на музыке, представленная на Новом Санктпетербургском Императорском театре по указу Ея Императорского Величества Анны Иоанновны Самодержицы Всероссийския. 1736. СПб.: печ. при Имп. Акад. Наук, [1736]. 103 с. Тит. л. и текст парал. на итал. и рус. языках.

* * *

Арайя (Araia), Франческо (1709—после 1775) [музыка]. *Метастазо (Metastasio), Пьетро Антонио Доменико* (1698—1782) [либретто].

«Притворный Нин или Семирамида познана». Драма на музыке, действующая по указу Е. И. В. Анны Иоанновны ... в новом Императорском театре / [Перевел Петр Медведев]. СПб.: печ. при Имп. Акад. Наук, 1737. 175 с. Тит. л. и текст на итал. и рус. языках.

1738

Арайя (Araia), Франческо (1709—после 1775) [музыка]. *Метастазо (Metastasio), Пьетро Антонио Доменико* (1698—1782) [либретто].

«Артаксеркс». Драма на музыке, действующая по повелению Ея Имп. Величества Анны Иоанновны Самодержицы Всероссийской в Зимнем большом театре, 1738 / [Перевел Петр Медведев]. [СПб.]: печ. при Имп. Акад. Наук, [1738]. 163 с. Тит. л. и текст парал. на рус. и итал. языках.

* * *

Мадонис (Madonis), Лудджи (Лодовико, Лудвик) (до 1700—1777).

Двенадцать разных симфоний ради скрипки и баса, сочиненные и Ея Императорскому Величеству Всероссийской Императрице Анне Иоанновне от Лудвика Мадониса в службе Ея Императорского Величества музыканта скрипки всеподданнейшие поднесенные в Санкт-Петербурге. 1738. СПб.: [тип. Акад. наук], 1738. [4], 73 с.

1739

Euler, Leonard (1707—1783).

Tentamen novae theoriae musicae ex certissimis harmoniae principiis dilucide expositae / Auctore Leonardo Eulero. Petropoli: ex typographia Academiae Scientiarum, 1739. 22, 263 с., 1 л. нот.

1742

Хассе (Hasse), Иоганн Адольф (1699—1783) [музыка]. *Метастазιο (Metastasio), Пьетро Антонио Доменико* (1698—1782) [либретто].

«**Милосердие Титово**». Опера с прологом, представленная во время высочоржественного дня коронации Е. И. В. Елисаветы Петровны... в Москве 1742 года / [Перевел Иван Муравьев]. М.: тип. Акад. Наук, [1742]. [12], 1—48, 48 [=49] с.

1744

Арайя (Araia), Франческо (1709—после 1775) [музыка]. *Бонекки (Boneschi, Boneschì), Джузеппе* (1715—после 1785) [либретто].

«**Селевк**». Опера, представленная при Российском Императорском Дворе в высочайший день коронования Ея Императорского Величества Великия Государыни Елисаветы Петровны... и при всенародном торжествовании заключенного между Ея Императорским Величеством и Швецкою короною вечного мира / Стихи сочинял доктор Иозеф Бонекки, флорентиец, стихотворец Ея Императорского Величества Всероссийскаго. [Перевел А. В. Олсуфьев]. Музыка сочинена от Франциска Арайи, неаполитанца, капелмейстера Ея Императорского Величества. М.: тип. Имп. Акад. наук, 1744. [8], 54 с.

1745

Арайя (Araia), Франческо (1709—после 1775) [музыка]. *Бонекки (Boneschi, Boneschì), Джузеппе* (1715—после 1785) [либретто].

«**Соединение любви и брака**». Театральное увеселение, сочиненное и представленное через французских комедиантов Ея Императорского Величества Элисаветы Петровны Самодержицы Всероссийския ... На торжественное

брачное сочетание Их Императорских Высочеств Благоверного Государя, Великого Князя Петра Феодоровича и Благоверных Государыни, Великия Княгини Екатерины Алексеевны. СПб.: при Имп. Акад. наук, 1745. 17 с.

* * *

Арайя (Araia), Франческо (1709—после 1775) [музыка]. Бонекки (Bonessi, Bonacchi), Джузеппе (1715—после 1785) [либретто].

«Сципион». Опера, сочиненная по Высочайшему повелению Ея Императорского Величества ... Елисавет Петровны ... при случае брачного торжества Их Императорских Высочеств Благоверного Государя Петра Феодоровича и Благоверных Государыни Екатерины Алексеевны ... Представленная в Санктпетербурге на Новом театре при дворе Ея Императорского Величества ... дня, 1745 года. [СПб.]: печ. при Имп. Акад. наук, [1745]. 14 с. В конце текста: «Изобретение оперы и стихотворство учинено доктором Бонекки. Музыку сочинял Арайя».

* * *

«Сципион». Опера, сочиненная по Высочайшему повелению Ея Императорского Величества ... Елисавет Петровны ... при случае брачного торжества Их Императорских Высочеств Благоверного Государя Петра Феодоровича и Благоверных Государыни Екатерины Алексеевны ... Представленная в Санктпетербурге на Новом театре при Дворе Ея Императорского Величества ... дня, 1745 года / Изобретение оперы и стихотворство учинено доктором Бонекки, музыку сочинял Арайя. [СПб.]: печ. при Имп. Акад. наук, [1745]. 31 с. Тит. л. и текст на рус. и франц. языках. Место и год издания указ. на тит. л. с франц. заглавием.

1747

Арайя (Araia), Франческо (1709—после 1775) [музыка]. Бонекки (Bonessi, Bonacchi), Джузеппе (1715—после 1785) [либретто].

«Митридат». Опера, представленная первый раз в Санктпетербурге на новом придворном театре в торжественное воспоминание коронавания Ея Императорского Величества Елисаветы Петровны ... апреля в 25 день 1747 года / Поэзия Г. Доктора Бонеккия флорентийца, пиита Ея Императорского Величества. Музыка Г. Франческо Арайя, неаполитанца, капельмейстера Ея Императорского Величества. [Перевел А. В. Олсуфьев]. СПб.: при Имп. Акад. наук, 1747. 11 с.

1750

Арайя (Araia), Франческо (1709—после 1775) [музыка]. Бонекки (Bonessi, Bonacchi), Джузеппе (1715—после 1785) [либретто].

«Беллерофонт». Опера вновь показана в Санктпетербурге на новостроенном придворном театре в день празднества восшествия на престол ...

Императрицы Елисаветы Петровны ... 25 ноября 1750 года / Поэзия сочинена доктором Бонеки, флорентином, Ея Императорского Величества стихотворцем, музыка Г. Франциском Араиё, неаполитанцем, Ея Императорского Величества Капель-мейстером. [Перевод А. В. Олсуфьева]. СПб.: печ. при Имп. Акад. наук, 1750. 23 с. Тит. л. и текст парал. на франц. и рус. языках. Либретто оперы.

1751

Ара́йя (Araia), Франческо (1709—после 1775) [музыка]. Бонекки (Bonetti, Bonicchi), Джузеппе (1715—после 1785) [либретто].

«Евдоксия венчанная или Феодосий Второй». Опера, представленная первый раз при Российском Императорском Дворе апреля 25-го дня 1751 года. В торжественное воспоминание коронавания Ея Императорского Величества Елисаветы Петровны... / Сочинение Г. Доктора Бонекия, флорентинца, Ея Императорского Величества стихотворца. Перевод с италийского на российский язык надворного советника Адама Олсуфьева. Музыка Г. Франциска Араия, неаполитанца, Ея Императорского Величества капель-мейстера. СПб.: печ. при Имп. Акад. наук, 1751. 70 с.

1753

Ара́йя (Araia), Франческо (1709—после 1775) [музыка]. Бонекки (Bonetti, Bonicchi), Джузеппе (1715—после 1785) [либретто].

«Евдоксия венчанная или Феодосий Второй». Опера, представленная первый раз при Российском Императорском Дворе апреля 25-го дня 1751 года. В торжественное воспоминание коронавания Ея Императорского Величества Елисаветы Петровны ... а ныне во второй раз представлена сентября 5-го дня 1753 года в высочайший день Тезоименитства Ея Императорского Величества / Сочинение Г. Доктора Бонекия, флорентинца, Ея Императорского Величества стихотворца. Перевод с италийского на российский язык тогдашняго надворного советника, что ныне господин церемониймейстер, Адама Олсуфьева. Музыка Г. Франциска Араия, неаполитанца, Ея Императорского Величества капель-мейстера. СПб.: печ. при Имп. Акад. наук, 1753. 70 с.

1755

Ара́йя (Araia), Франческо (1709—после 1775) [музыка]. Сумароков, Александр Петрович (1717—1777) [либретто].

«Цефал и Прокрис». Опера / Стихотворство Г. Сумарокова. Музыка Г. Араия, неаполитанца, Ея Императорского Величества капель-мейстера. Изобретение театральных украшений Г. Валериани, римлянина, Ея Императорского Величества перваго исторического живописца, театральной архитектуры инженера и Санктпетербургской Академии художеств члена. Труды в живописи театральных украшений Г. Антония Пережинотти, венецианца, Ея Императорского Величества живописца. Балеты Г. Фоссано, неаполитанца, Ея Импера-

торского Величества балетмейстера. СПб.: печ. при Имп. Акад. наук, 1755. 36 с. Заглавие приведено только на шмуцтитле. На 36-й с. напечатано либретто балета «Баханты» [«Вакханты»].

* * *

Араиа (Araia), Франческо (1709—после 1775) [музыка]. Метастазо (Metastasio), Пьетро Антонио Доменико (1698—1782) [либретто].

«Александр в Индии». Опера, представленная при Российском Императорском Дворе для торжественного дня всерадостного рождения Ея Имп. Величества Елисаветы Петровны... / Сочинение Г. Аббата Метастазия, стихотворца Их Римских Императорских Величеств. Музыка г. Араиа, Ея Имп. Величества капель-мейстера. СПб.: при Имп. Акад. наук, 1755. [4], 56 с. На тит. л. экз. БРАН почерком XVIII в. помечено: «Переводил Адам Олсуфьев». (Олсуфьев Адам Васильевич, 1721—1784).

1757

Араиа (Araia), Франческо (1709—после 1775) [музыка]. Бонекки (Bononcini, Bononcini), Джузеппе (1715—после 1785) [либретто].

«Беллерофонт». Опера, представленная на театре в Ораниенбоуме по повелению Его Императорского Высочества, Государя, Великого Князя Петра Феодоровича / Стихи сочинены доктором Бонеккием, флорентинцом, бывшим стихотворцем Ея Императорского Величества. Музыка г. Франциска Араии, неаполитанца, Ея Императорского Величества капель-мейстера. СПб.: печ. при Имп. Акад. наук, 1757. 11 с.

* * *

Цоппис (Zoppis), Франческо (1715—после 1781) [музыка]. Локателли (Locatelli), Джованни Батиста (1715 или 1713—1785 или после 1790) [либретто].

«Убежище богов». Действие драматическое, представленное перед «Балетом богов морских» на придворном театре при случае пресветлого торжества всерадостного на престол восшествия Е. И. В. Елисаветы Первья... / Сочинено г. Иоганном Баптистом Локателлием, в службе Е. И. В. директором Комических оперы. СПб.: [тип. Акад. наук], 1757. 34 с.

1758

Бригонци (Brigonzzi), Джузеппе (?—1789) [сценарий и либретто].

«Отец солюбовник сыну своему или Завороженная табакерка». Пантомима в трех действиях, украшенная разными машинами, представлена на Императорском театре близ сада у Летнего дворца 1758 года / Сочинения г. машиниста Иосифа Бригонци. СПб.: [тип. Акад. наук], 1758. 35 с. Загл. и текст парал. на рус. и франц. языках.

Араия (Araia), Франческо (1709—после 1775) [музыка]. Метастазо (Metastasio), Пьетро Антонио Доменико (1698—1782) [либретто].

«Александр в Индии». Опера, представленная на новом театре в Ораниенбауме, по повелению Е. И. В. Государя Великого Князя и Наследника Всероссийского / Сочинение аббата Петра Метастазия, стихотворца Их Римских Императорских Величеств. Музыка г. Араия, Ея Имп. Величества капельмейстера. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1759. 125 с. Тит. л. и текст парал. на рус. и итал. языках. На 11 с.: «Балеты вымыслил г. Франциск Кальцаваро, балетмейстер Его Имп. Высочества» (Кальцаваро (Calzevaro), Франческо, ?—?).

* * *

Раупах (Raupach), Герман Фридрих (1728—1778) [музыка]. Сумароков, Александр Петрович (1717—1777) [либретто].

«Альцеста». Опера / Стихотворство г. Сумарокова. Музыка г. Раупаха. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1759. 30 с. Тираж 631 экз.

* * *

Раупах (Raupach), Герман Фридрих (1728—1778) [музыка арий и хоров]. Штарцер (Starzer), Йозеф (1728—1787) [музыка балетов]. Сумароков, Александр Петрович (1717—1777) [стихотворный текст, либретто].

«Прибежище добродетели». Балет / Стихотворство и расположение драмы г. Гильфердинга. Театральные украшения г. Перизинотти. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1759. 24 с. Тираж 100 экз.

* * *

Раупах (Raupach), Герман Фридрих (1728—1778) [музыка арий и хоров]. Штарцер (Starzer), Йозеф (1728—1787) [музыка балетов]. Сумароков, Александр Петрович (1717—1777) [стихотворный текст, либретто].

«Новые лавры». Пролог для представления на Императорском театре, при торжестве Тезоименитства Ея Императорского Величества по преславной победе, одержанной войском над королем прусским 1759 года, августа в 1-ый день при Франкфурте. СПб.: печ. при Имп. Акад. наук, [1759]. 10 с. На обороте тит. л.: «Стихотворство г. Сумарокова. Балет г. Гельфердинга, Ея Имп. Величества балетмейстера. Музыка в первых двух хорах г. Раупаха, обретающегося на службе Ея Имп. Величества. Музыка балета и хора при окончании балета г. Старцева, обретающегося в службе Ея Имп. Величества. Театральные украшения г. Валериани, Ея Имп. Величества первого исторического живописца, театральной архитектуры инженера и Санктпетербургской Академии художеств члена. Машины г. Бригонзи, машиниста при театре Его Имп. Высочества...». Перечень действующих лиц без указания исполнителей. Тираж 300 экз.

* * *

Раупах (Raupach), Герман Фридрих (1728—1778) [музыка арий и хоров]. *Штарцер (Starzer), Йозеф (1728—1787)* [музыка балетов]. *Сумароков, Александр Петрович (1717—1777)* [стихотворный текст, либретто].

«Новые лавры». Пролог для представления на Императорском театре, при торжественном Тезоименитстве Ея Императорского Величества по преславной победе, одержанной войском над королем прусским 1759 года, августа в 1-ый день при Франкфурте. СПб.: печ. при Имп. Акад. наук, [1759]. 10 с. На обороте тит. л.: «Стихотворство г. Сумарокова. Балет г. Гильфердинга. Музыка в первых двух хорах г. Раупаха. Музыка балета и хора при окончании балета г. Старцера. Театральные украшения изобретения г. Валериани и трудов г. Перизинотти. Машины г. Бригонзи и г. Гильфердинга махиниста...». Указаны артисты-исполнители ролей. Тираж 360 экз. Напечатано по просьбе автора «с некоторою отменою».

* * *

Теплов, Григорий Николаевич (1711, по др. сведениям 1717—1779).

«Между делом безделье или Собрание разных песен с приложенными тонами на три голоса» / Музыка Г. Т. [СПб.: тип. Акад. наук], б. г. [2]. 36 с. С нот. Цельногравированное издание.

Имеются сведения о двух изданиях сборника — в 1759 г. Тираж 100 экз. и в 1776 г. на счет автора. Тираж 45 экз.

1760

Раупах (Raupach), Герман Фридрих (1728—1778) [музыка]. *Метастазιο (Metastasio), Пьетро Антонио Доменико (1698—1782)* [либретто].

Экстракт из оперы «Сирой», представленной на придворном театре в радостный день празднества возшествия на Всероссийский престол Е. В. Государыни Имп. Елисаветы Петровны, ноября 25-го дня, 1760 года / Стихотворство г. Аббата Метастазия, славного стихотворца, обретающегося в службе Ея Величества Императрицы Королевы Венгерской и Богемской. Музыка г. Раупаха, Ея Имп. Величества Всероссийския капель-мейстера. СПб.: при Имп. Акад. наук, [1760]. [2], 17 с. На с. 2: «Балет сочинен г. Гельфердингом, Е. И. В. балет-мейстером. Музыка онаго балета сочинена г. Старцером, Е. И. В. капельмейстером».

1762

Манфредини (Manfredini), Виченцо (1737—1799) [музыка]. *Ладзарони (Lazzaroni), Лудовико (?—?)* [либретто].

«Мир героев». Драма на музыке, представленная во время торжества благополучно заключенного мира между Его Имп. Величеством Петром Третьим Самодержцем Всероссийским ... и Его Величеством Фридериком Третьим(!), Королем прусским ... июня, 1762 года / Италианское сочинение г. Доктора Лу-

довика Лазарони, венецианина; музыка придворного капельмейстера Манфредини; преложение российскими стихами переводчика Ивана Баркова. СПб.: при Имп. Акад. наук, [1762]. 35 с. Тит. л. и текст парал. на рус. и итал. языках. Тираж 300 экз.

1763

Манфредини (Manfredini), Виченцо (1737—1799) [музыка]. Ладзарони (Lazzaroni), Лудовико [либретто].

«Карл Великий». Опера, по высочайшему повелению Ея Величества Екатерины Вторья ... представленная в Санкт-Петербурге на придворном Новом театре 176? года / Сочинение г. Док. Лудовика Лазарония, придворного Ея Имп. Величества стихотворца. Сочинение музыки г. Винченца Манфрединия, Ея Имп. Величества капельмейстера. [СПб.]: печ. при Имп. Акад. наук, [1763]. 57. [2] с. Тит. л. и текст парал. на рус. и англ. языках. Первоначальный вариант издания без указ. времени представления оперы.

1764

Манфредини (Manfredini), Виченцо (1737—1799) [музыка]. Ладзарони (Lazzaroni), Лудовико [либретто].

«Карл Великий». Опера при случае торжества Высочайшего Тезоименитства Ея Величества Екатерины Вторья ... ноября 24 дня 1763 года, представляемая в Санкт-Петербурге на придворном театре / Сочинение г. Д. Лудовика Лазарония. [СПб.]: печ. при Имп. Акад. наук, [1764]. 57, [2] с. Тит. л. и текст парал. на рус. и нем. языках. Тираж 50 экз.

* * *

Раунах (Raupach), Герман Фридрих (1728—1778) [музыка арий и хоров]. Штарцер (Starzer), Йозеф (1728—1787) [музыка балетов]. Сумароков, Александр Петрович (1717—1777) [стихотворный текст, либретто].

«Прибежище добродетели». Баллет / Стихотворство и расположение драмы г. Сумарокова. Музыка г. Раупаха. Танцы и основание драмы г. Гильфердинга. Театральныя украшения г. Перизинотти. СПб.: при Имп. Акад. наук, 1764. 29 с. Тираж 800 экз.

* * *

Арайя (Araia), Франческо (1709—после 1775) [музыка]. Сумароков, Александр Петрович (1717—1777) [либретто].

«Цефал и Прокрис». Опера / Стихотворство г. Сумарокова. Музыка г. Арайя. Театральныя украшения г. Валерияни, Ея Имп. Величества перьваго исторического живописца и театральной архитектуры инженера. При исполнении красками живописец Антоний Перизинотти. СПб.: при Имп. Акад. наук, 1764. 42 с. Название приведено только на шмуцтитуле. Тираж 800 экз.

* * *

Раупах (Raupach), Герман Фридрих (1728—1778) [музыка]. *Сумароков, Александр Петрович* (1717—1777) [либретто].

«Альцеста». Опера / Стихотворство г. Сумарокова. Музыка г. Раупаха. Театральныя украшения г. Франциска Градиция, Ея Имп. Величества перваго живописца, архитектора и театральнаго инженера. При исправлении красками живописец двора Ея Имп. Величества г. Фирсов. СПб.: при Имп. Акад. наук, 1764. 38 с. Название оперы приведено только на шмуцтитуле. Тираж 800 экз.

* * *

Штарцер (Starzer), Йозеф (1728—1787) [музыка]. *Хильфердинг ван Вевен (Hilferding van Wewen, Гильфердинг), Франц (Антон Кристоф)* (1710—1768) [сценарий и хореография].

«Ацис и Галатея». Балет пантомимой представленный, Двора Е. И. В. некоторыми знатными обоюга пола особами на Большом театре в новом Зимнем дворце в Санкт-Петербурге, февраля 6 дня 1764 года / Балет сочинения г. Франциска Гильфердинга, придворнаго балетов директора. Музыка сочинения г. Штарцера, придворнаго капельмейстера и директора концертов. СПб.: печ. при Имп. Акад. наук, [1764]. 11 с.

1765

Манфредини (Manfredini), Винченцо (1737—1799) [музыка]. *Ладзарони (Lazzaroni), Лудовико* [либретто].

«Соперницы». Кантата четвероголосная для торжествования благополучнаго дня восшествия на престол Ея Величества Екатерины Вторыя... / Стихи сочинены господином доктором Людовиком Лаццарони, придворным стихотворцем, а музыка г. Винченцом Манфредини, придворным капельмейстером. СПб.: при Имп. Акад. наук, 1765. 25 с. Тит. л. и текст на рус. и итал. языках.

* * *

Манфредини (Manfredini), Винченцо (1737—1799).

VI Sonate da Clavichembalo Dedicate Alla Sacra Maesta Imperiale di Caterina Seconda, Imperatrice di Tutte le Russie, da Vincenzo Manfredini, Maestro di Cappella all'Attual Servizio di S. M. I. e Maestro di Cimbalo di Sua Altezza Imperiale Paul Petrovicz, Gran Duca di Tutte le Russie. A S. Pietroburgo nella Stamperia dell'Academia Imperiale delle Scienze, l'Anno 1765. [СПб.: тип. Акад. наук], 1765. [17] с. Гравированный тит. лист.

* * *

Попов, Михаил Иванович (1742—1790).

Песни, сочиненныя Михайлом Поповым. [СПб.: тип. Акад. наук, 1765]. 17 с. Тираж 600 экз. Сборник, состоящий из 13 песен. Первый русский печатный авторский песенник.

1766

Анджолони (Angiolini), Гаспаро Доменико Мария (1731—1803) [хореография и музыка].

«Отъезд Энеев или Дидона оставленная». Балет пантомим, представленный на Императорском театре в Санкт-Петербурге, сентября 24 дня 1766 года / Изобретение и сочинение Каспара Анджиолини, балетмейстера в службе Ея Имп. Величества Императрицы Всероссийской, также и Ея Величества Римской Императрицы и Королевы и проч. [СПб.]: при Имп. Акад. наук, [1766]. [10] с.

* * *

Галуппи (Galuppi), Бальдассаре (1706—1785) [музыка]. *Метастазιο (Metastasio), Пьетро Антонио Доменико* (1698—1782) [либретто].

«Царь пастух». Опера для торжествования высочайшего дня коронации Ея Имп. Величества Государыни Имп. Екатерины Вторья ... Представленная на Императорском театре сентября ... дня 1766 года. Музыка славного г. Балтазара Галуппия, Ея Имп. Вел. Музыкального директора и капель-мейстера при Венецианской герцогской капелле, Святого Марка называемой. СПб.: при Имп. Акад. наук, [1766]. 30 с. Напечатано для «Придворной канторы». Тираж 150 экз.

* * *

Галуппи (Galuppi), Бальдассаре (1706—1785) [музыка]. *Метастазιο (Metastasio), Пьетро Антонио Доменико* (1698—1782) [либретто].

«Оставленная Дидона». Опера по Всевысочайшему ... Имп. Екатерины Алексеевны ... повелению, представленная на Имп. театре. Февраля ... дня 1766 г. / Музыка славного г. Балтазара Галуппия Ея Имп. Вел. муз. директора и капельмейстера при Венецианской герцогской капелле, Святого Марка называемой. СПб.: при Имп. Акад. наук, [1766]. 58 с.

1768

Галуппи (Galuppi), Бальдассаре (1706—1785) [музыка]. *Кольтеллини (Cottellini), Марко* (1719—1777) [либретто].

«Ифигения в Тавриде». Драма на музыке, представленная в Санкт-Петербурге апреля ... дня 1768 г. На вожделенный день рождения Е. И. В. Екатерины II... / Стихотворство г. Кольтеллини. СПб.: при Имп. Акад. наук, [1768]. [15], 125 с. Тит. л. и текст парал. на итал. и рус. языках.

* * *

Галуппи (Galuppi), Бальдассаре (1706—1785) [музыка]. *Кольтеллини (Cottellini), Марко* (1719—1777) [либретто].

«Ифигения в Тавриде». Драма на музыке, представленная в Санкт-Петербурге апреля ... дня 1768 г. На вожделенный день рождения Е. И. В. Екатерины II... / Стихотворство г. Кольтеллини. СПб.: при Имп. Акад. наук, [1768]. [8], 61 с.

* * *

Галуппи (Galuppi), Бальдассаре (1706—1785) [музыка]. *Кольтеллини (Cottellini), Марко* (1719—1777) [либретто].

«Ифигения в Тавриде». Драма на музыке, представленная в Санкт-Петербурге апреля ... дня 1768 г. На вожделенный день рождения Е. И. В. Екатерины II... / Стихотворство г. Кольтеллини. СПб.: при Имп. Акад. наук, [1768]. [11], 125 с. Тит. л. и текст парал. на франц. и рус. языках.

* * *

Попов, Михаил Иванович (1742—1790).

Песни, вновь исправленные и умноженные. Сочинение Михайла Попова. 2-е изд. СПб.: [тип. Акад. наук], 1768. 20 с. Тираж 600 экз. Сборник, состоящий из 16 песен.

1769

Траэтта (Traetta), Томазо (Микеле Франческо Саверио) (1727—1779) [музыка]. *Метастазо (Metastasio), Пьетро Антонио Доменико* (1698—1782) [либретто].

«Олимпиада». Драма муссикальная, представленная в Санкт-Петербурге ... апреля дня, 1769 года на вожделенный день рождения Е. И. В. Екатерины II... / Стихотворство г. Аббата Петра Метастасия. СПб.: при Имп. Акад. наук, [1769]. 66 с. На с. 5: «Музыка г. Томаса Траетта, капельмейстера в службе Ея Имп. Величества». На с. 6 перечень 4-х балетов к опере и указание: «Изобретение и сочинение оных г. Гаспара Анжиолиния, балетмейстера Е. И. В.». Анджиолини (Angiolini), Гаспаро Доменико Мария (1731—1803). Тираж 300 экз.

* * *

Траэтта (Traetta), Томазо (Микеле Франческо Саверио) (1727—1779) [музыка]. *Метастазо (Metastasio), Пьетро Антонио Доменико* (1698—1782) [либретто].

«Олимпиада». Драма муссикальная, представленная в Санкт-Петербурге ... апреля дня, 1769 года на вожделенный день рождения Е. И. В. Екатерины II... / Стихотворство г. Аббата Петра Метастасия. СПб.: при Имп. Акад. наук, [1769]. 129 с. Тит. л. и текст парал. на рус. и франц. языках. На с. 6 перечень 4 балетов к опере и указание: «Музыка г. Томаса Траетта, капельмейстера в службе Е. И. В.». Тираж 50 экз.

1770

Траэтта (Traetta), Томазо (Микеле Франческо Саверио) (1727—1779) [музыка]. *Метастазо (Metastasio), Пьетро Антонио Доменико* (1698—1782) [либретто].

«Антигон». Сокращенная Метастазиева опера, представленная на Имп. Придворном театре, по случаю торжественного дня коронации Е. И. В. Ека-

терины II ... сентября 22 дня, 1770 г. / Стихотворство г. Метастазиа. Музыка г. Томаса Траетта, неаполитанца, капельмейстера Е. И. В. Сочинение балетов г. Анжелиниа, балетмейстера Е. И. В. Изобретение декораций г. Франциска Градицио, архитектора, инженера и живописца театрального. Машины изобретения г. Бригонци, машиниста театрального. Платье изобретения г. Женара, театрального партного. СПб.: при Имп. Акад наук, 1770. 105 с. Тит. л. и текст парал. на итал. и рус. языках.

* * *

Чулков, Михаил Дмитриевич (1744—1792).

Собрание разных песен. Ч. 1—4. СПб.: [тип. Акад. наук], 1770—1774. 12. Ч. 1. 1770. [18]. 227. [1] с.; Ч. 2. 1770. [12]. 256. [1] с.; Ч. 3 с прибавлением. 1770. [15]. 261. 63 с.; Ч. 4. 1774. [11]. 236. [1] с. Посвящено графине Е. Н. Строгановой, подписано: Михайло Чулков. Первое издание песенника. 4.1 напечатана в типографии Академии наук; три следующие части — в типографии Морского кадетского корпуса.

1772

Дмитревский, Иван Афанасьевич (1736—1821).

Непостижимость судьбы. Аллегоричный пролог на случай вожделенного и всерадостного от болезни освобождения Его Императорского Высочества Государя Цесаревича и Великого Князя Всероссийского, в 1771 году / Сочинения г. Дмитревского. СПб.: [тип. Акад. наук], 1772. 36 с. В прологе Дмитревского «Непостижимость судьбы» (исп. в СПб.) использованы хор, солисты, инструментальная музыка; завершается произведение балетом.

* * *

Попов, Михаил Иванович (1742—1790).

Досуги, или Собрание сочинений и переводов Михайла Попова. Ч.1—2. СПб.: [тип. Акад. наук], 1772. Тираж 1200 экз. Из содержания: «Анюта, комическая опера...».

* * *

Раупах (Raupach), Герман Фридрих (1728—1778) [музыка]. *Гранже (Granger), Пьер (?—?)* [сценарий и хореография].

«Андромеда». Балет героический в пяти действиях / Сочинения г. Пиера Гранже, в службе Е. И. В. находящегося. СПб.: [тип. Акад. наук], 1772. 17 с.

* * *

Траэтта (Traetta), Томмазо (Микеле Франческо Саверио) (1727—1779) [музыка]. *Кольтеллини (Coltellini), Марко* (1719—1777) [либретто].

«Антигона». Музыкальная драма, сочиненная находящимся в службе Е. И. В. стихотворцем Марком Колтелинием; представленная на Император-

ском театре в Санкт-Петербурге 1772 года. Музыка как оперы, так и балетов сочинил г. Томас Траета, капельмейстер. Переводил с италианского на российский язык Иван Дмитриевской. [СПб.]: печ. при Имп. Акад. наук, [1772]. [2]. 8, 66 с. Тит. л. помещен перед текстом. В начале книги шмуцтитул. На с. 1—8 первой пагинации помещена «Ода Е. И. В. Екатерине II...». Автор оды — М. Кольтеллини. Тираж 225 экз.

1773

Траэтта (Traetta), Томмазо (Микеле Франческо Саверио) (1727—1779) [музыка]. *Кольтеллини (Coltellini), Марко (1719—1777)* [либретто].

«Купидон и Псиша». Опера Марка Кольтелини, стихотворца, находящегося на службе Е. И. В., представленная на Придворном театре в Санкт-Петербурге. [СПб.]: печ. при Имп. Акад. наук, 1773. 60 с.

1776

Трутовский, Василий Федорович (род. в 1740-х гг.—ум. в 1810-х гг., но не позже 1816 г.).

Собрание русских простых песен с нотами. Ч. 1—4. СПб.: [тип. Акад. наук], 1776—1795. 24 см. Грав. тит. л.

* * *

Сальери (Salieri), Антонио (1750—1825) [музыка]. *Кольтеллини (Coltellini), Марко (1719—1777)* [либретто].

«Армида». Опера, представленная на придворном Императорском театре в Санкт-Петербурге / Сочинения г. Марка Кольтелини пиита, находящегося в Императорской службе. С италианского перевел И[ван] Д[митревский]. Музыка г. Антонио Сальери. СПб: [тип. Акад. наук], 1776. 36 с. Тираж 109 экз.

* * *

Селецкий, Иван (?—?).

Хоры на торжество мира с Оттоманскою Портою, петье в Кременчуге, главном городе Новороссийскаго наместничества, 10 июля, 1775 года / Сочиненные аудитором Иваном Селецким. СПб.: [тип. Акад. наук], 1776. 8 с.

1777

Паизиелло (Paisiello, Paesiello), Джованни Грегорио Котальдо (1740—1816) [музыка]. *Метастазо (Metastasio), Пьетро Антонио Доменико (1698—1782)* [либретто].

«Нитета». Опера, представленная в начале 1777 г., на Придворном Е. И. В. театре / Сочинения г. Метастазия, переведена с италианского. [СПб.]:

при Имп. Акад. наук, 1777. 80 с. На с. 4: «Музыка капельмейстера г. Пезиелла. Декорации г. Градиция. Балеты балетмейстера г. Анжиолини».

* * *

Паизиелло (Paisiello), Джованни (Грегорио Котальдо) (1740—1816) [музыка]. Кольтеллини (Coltellini), Марко (1719—1777) [либретто].

«Люцина и Армидор». Музыкальная драма, представленная на Императорском театре 1777 года / Стихотворство г. Колтелиня, находящегося в службе Е. И. В. пиита. СПб.: при Имп. Акад. наук, 1777. [4], 35 с.

1778

Паизиелло (Paisiello, Paesiello), Джованни Грегорио Котальдо (1740—1816) [музыка]. Метастазιο (Metastasio), Пьетро Антонио Доменико (1698—1782) [либретто].

«Ахилл во Сцире». Опера г. Метастазия, представленная на Придворном Е. И. В. театре, при всерадостном рождении Е. И. В. Великого Князя Александра Павловича. [СПб.]: при Имп. Акад. наук, 1778. 75 с.

1779

Паизиелло (Paisiello), Джованни (Грегорио Котальдо) (1740—1816) [музыка]. Кастии (Casti), Джованни Батиста (1724—1803) [либретто].

«Осмеянный жених». Шутливая драма в двух действиях / Господин Кастии. На музыку положена г. Паизелло, капельмейстером двора Е. И. В. Переведена с итальянского. СПб.: при Имп. Акад. наук, 1779. 61 с. Тит. л. и текст парал. на итал. и рус. языках. Напечатано на счет Театральной конторы. Тираж 700 экз.

* * *

Паизиелло (Paisiello), Джованни (Грегорио Котальдо) (1740—1816) [музыка]. Кастии (Casti), Джованни Батиста (1724—1803) [либретто].

«Осмеянный жених». Шутливая драма в двух действиях / Господина Кастии. На музыку положена г. Паизелло, капельмейстером двора Е. И. В. Переведена с итальянского. СПб.: при Имп. Акад. наук, 1779. 1—16, 16—28 [=29] с. Тираж 250 экз.

* * *

Паизиелло (Paisiello), Джованни (Грегорио Котальдо) (1740—1816) [музыка]. Лоренци (Lorenzi), Джованни Батиста (ок. 1719—1807) [либретто].

«Идол китайский». Шутливая музыкальная драма, представленная на Новом Саркосельском театре, июля ... дня 1779 г. / [Перевод с итальянского

языка В. А. Левшина]. СПб.: при Имп. Акад. наук, 1779. [6], 88 с. Имеется вариант тит. л. с исправленной датой представления: вместо «июля дня» — «августа дня».

* * *

Паизиелло (Paisiello), Джованни (Грегорио Котальдо) (1740—1816) [музыка]. *Лоренци (Lorenzi), Джованни Батиста* (ок.1719—1807) [либретто].

«Идол китайский». Шутливая музыкальная драма, представленная на Новом Саркосельском театре, августа... дня 1779 г. / [Перевод с итальянского языка В. А. Левшина]. СПб.: при Имп. Акад. наук, 1779. [15], 199 с. Тит. л. и текст парал. на рус. и итал. языках.

1780

Паизиелло (Paisiello), Джованни (Грегорио Котальдо) (1740—1816) [музыка]. *Ливиньи (Livigni), Филиппо* [либретто] (?—?).

«Фраскатанка». Шутливая музыкальная драма в трех действиях, представленная на придворном театре 1780 года / Переведена с итальянского [В. А. Левшиным]. СПб.: при Имп. Акад. наук, 1780. 271 с. Тит. л. и текст парал. на итал. и рус. языках.

* * *

Паизиелло (Paisiello), Джованни (Грегорио Котальдо) (1740—1816) [музыка]. *Ливиньи (Livigni), Филиппо* [либретто] (?—?).

«Фраскатанка». Шутливая музыкальная драма в трех действиях, представленная на придворном театре 1780 года / Переведена с итальянского [В. А. Левшиным]. СПб.: при Имп. Акад. наук, 1780. 136 с. На с. 4: «Слова сочинения г. Ливиньи. Музыка г. Пайзелла».

1786

Пашкевич, Василий Алексеевич (ок. 1749—1797) [музыка]. *Екатерина II* (1729—1796) [либретто].

Опера комическая «Февей». Составлена из слов сказки, песней русских и иных сочинений. СПб.: при Имп. Акад. наук, 1786. 40 с. Тираж 916 экз.

* * *

Богданович, Ипполит Федорович (1743—1803).

«Радость Душиньки». Лирическая комедия, последуемая балетом, в одном действии. Представлена в первый раз в присутствии Е. И. В. на Придворном театре, октября 12 дня 1786 г. СПб.: при Имп. Акад. наук, 1786. 36 с. Тираж 977 экз.

* * *

Сальери (Salieri), Антонио (1750—1825) [музыка]. *Маццола (Mazzola), Катерино* [либретто] (?—?).

«Училище ревнивых». Опера. Переведена с итальянского / Музыка г. Салиери. [СПб.]: печ. при Горном училище, 1786. [2], 104 с.

1787

Ванжура (Wanzura, Vancura), Эрнест (Арношт) (ок. 1750—1802) [музыка]. *Екатерина II* (1729—1796) [либретто].

Опера комическая «Храброй и смелой витязь Архидеичь». СПб.: при Имп. Акад. наук, 1787. 48 с. Тираж 600 экз.

1788

Богданович, Ипполит Федорович (1743—1803).

«Славяне». Драма в трех действиях, с хором и балетом в конце представления / Ипполита Богдановича. СПб.: при Имп. Акад. наук, 1788. 81 с.

1789

Алессандро (Alessandri), Феличе (1747—1798).

Air chanté par Agathe dans le proverbe de «La Matinee de l'amateur»: «Dans le cours d'un vis [d'une vie] entière...» [Pour chant], violino, cembalo, basso / Musique de Mr. Alessandri // Recueil des pièces de l'Hermitage. [СПб.: тип. Горного училища, 1789]. Т. 3. С. I—IX.

* * *

Пашкевич, Василий Алексеевич (ок. 1749—1797) [музыка]. *Екатерина II* (1729—1796) [либретто].

Опера комическая «Февей». Составлена из слов сказки, песней русских и иных сочинений. СПб.: [тип. Горного училища], 1789. [2], 58 с.; [2], CCIV с. нот. Тит. л. гравирован.

* * *

Мартин-и-Солер (Martin y Soler) Висенте (1754—1806) [музыка]. *Екатерина II* (1729—1796) [либретто].

Сказка о Горобогатыре Косометовиче. Опера комическая из слов сказки составленная. СПб.: Тип. Горного училища, 1789. [2], 72 с.; [2], CXLVI с. нот. Тит. л. гравирован.

* * *

Новер (Noverre), Жан Жорж (1727—1810) [хореография]. Ле Пик (Le Picq), Шарль (Феликс Рейнгард Огюст) (1744—1806) [постановка по Новеру].

Программа балетта Медей и Язона. [СПб.: тип. Горнаго училища, 1789]. 15 с. Тит. л. и текст парал. на рус. и франц. языках.

1790

Мартин-и-Солер (Martin y Soler), Висенте (1756—1806) [музыка]. Храповицкий, Александр Васильевич (1749—1801) [либретто].

«Песнолюбие». Опера комическая, в трех действиях. Музыка сочинения г. Капельмейстера Мартина. СПб.: тип. Горнаго училища, 1790. 49 с.; 100 с. нот.

* * *

Львов, Николай Александрович (1751—1803). Прач (Prac, Pratsch), Ян Богумир (Иван) (ок. 1750—1818).

Собрание народных русских песен с их голосами. На музыку положил Иван Прач. Ч. 1. [СПб.]: тип. Горнаго училища, 1790. [2], XVIII, 192 с.; 103 л. нот. Тит. л. гравирован.

1791

Пашкевич, Василий Алексеевич (ок.1749—1797) [музыка]. Каноббио (Cannobbio), Карло (1741—1822) [музыка]. Сартти (Sarti), Джузеппе (1729—1802) [музыка]. Екатерина II (1729—1796) [либретто].

Начальное управление Олега. Подражание Шекспиру без сохранения феатральных обыкновенных правил. [СПб.]: тип. Горнаго училища, 1791. [2], VII, [1], 38 с.; [2], CLXXXIX с. нот. Тит. л. гравирован.

1793

Гесслер (Hassler), Иоганн Вильгельм (1747—1822) [музыка]. Фогт (Vogt) [либретто].

Фелица, мать подданных своих / Кантата, сочиненная вольными белями стихами г. Фогтом. Музыка г. Гезлера. Вольный перевод с немецкаго И. В[иена]. СПб.: тип. Горнаго училища, 1793. [8] с.

* * *

Петрунькевич, Демьян.

Наставление отрокам, учащимся нотному пению, с яснейшим показанием тонов, всему нотному правилу принадлежащих / Сочинено Демьяном Петрунькевичем в 1792-м году. СПб.: при Имп. Акад. наук, 1793. [2]. 39 с. нот. Тираж 500 экз.

Коцебу (Kotzebue), Август Фридрих Фердинанд фон (1761—1819).

Добрый Мориц или Своеобычный. Комедия в трех действиях / Соч. Коцебу, перевел с немецкого А. Вязьмин. СПб.: при Имп. Акад. наук, 1799. 4. 180 с.; 1 л. нот. В книге содержится нотное приложение: «Песня к комедии Добрый Мориц»: «Я вечер в лугах гуляла, грусть хотела разогнать...».

V. ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Е. А. ХРИПКОВА

ВОПРОСЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И РОЛИ ИЗОБРАЖЕНИЯ В КУЛЬТУРЕ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Основываясь на знаменитом тексте письма папы Григория Великого епископу Марселя Серениусу (Serenus), большинство средневековых авторов, затрагивающих вопрос о роли изображений в религиозном искусстве, приписывают изображению три основные функции: учить, напоминать и волновать разум, вызывая чувство раскаяния или восторга, сильные эмоциональные реакции, способствующие переходу сознания от мира вещей материальных к невидимым реальностям.¹ Отношение к образам только как к «Библии для неграмотных», в соответствии с популярной формулировкой папы Григория I, конечно, не исчерпывает данную проблему. Рассматривая средневековые изображения, следует помнить, что в их задачи входило также имитировать, обозначать и представлять. Хотя педагогическая роль христианского изображения, безусловно, оставалась одной из важнейших в течение всей средневековой эпохи, адресованы они были не только «неграмотной» категории верующих, но также и к высокообразованному духовенству. Изображения играли важную роль как в отношениях между людьми, выполняя социальные и политические функции, так и в отношениях людей со сверхъестественными силами. В этом случае они занимали промежуточное положение между индивидуальным сознанием и «небесными иерархиями» и помогали устанавливать контакт между миром земным и небесным. При этом «образы» могли быть ориентированы «как снизу вверх», то есть служили для обращения к Богу, так и «сверху вниз», то есть выполняли апотропейную функцию. Другими словами, изображения способствовали тому, «чтобы размышлять о мире и его иерархиях, организующих отношения горизонтальные и вертикальные, которые его структурируют» [23—24].² Изображение часто связывалось с литургическим действием, с местом или предметом, где оно размещалось (алтарь, рукопись, стены или порталы храмов), и

---

¹ *Bachet J.* «Introduction: L'image-objet» // *L'IMAGE. Fonctions et usages des images dans L'Occident medieval* (Actes du 6^e «International Workshop on Medieval Societies», Centre Ettore Majorana (Erice, Sicile, 17—23 octobre 1992) // *Cahiers du Leopard d'Or*. 5. Paris, 1996. P. 7—26 (далее *L'IMAGE*).

² *Ibid.* P. 23—24.

даже иногда становилось средством обрести милость Божию и прощение грехов. Оно могло быть способом утверждения законности и престижа императорской или королевской власти, становясь своеобразным политическим инструментом, что демонстрируют мозаики церкви Марторана в Палермо (1140 г.), изображающие короля Роджера II, коронуемого Христом. В данном конкретном случае такое представление выражает намерение показать, что статус королевской власти не ниже статуса императора Византии. Поэтому, рассматривая вопросы, связанные с интерпретацией иконографических программ средневековой эпохи, важно не только говорить о том, что произведение изображает, но прежде всего разбираться в том, чем оно является и для чего оно служит.

В средние века вопросы интерпретации, связанные с созданием образов на основании священного текста, поднимались чаще всего в монастырях при строительстве и украшении зданий, в дворцовых и монастырских скрипториях при переписывании и оформлении книг, а также при строительстве и обновлении городских соборов. Вопросы толкования Священного Писания постоянно обсуждались в процессе теологических дискуссий, систематически проходивших в различных теологических школах. При этом идеи и концепции, обсуждавшиеся там, не могли не оказывать влияния на мировоззрение представителей духовенства и, как следствие, воздействовали на формирование теологических программ строящихся храмовых зданий. Разработкой этих программ занимались, как правило, аббаты монастырей, светские и церковные властители, патронирующие строительство. Создатели соборов решали задачу визуализации теологических концепций в виде архитектурных решений, а также интерпретации текста и репрезентации его в виде фигуративных образов (иллюминация, скульптура, живопись), стремясь максимально полно использовать возможности наглядного представления. Образовательная функция при этом, безусловно, представляла особую важность, так как она служила делу распространения и утверждения христианской веры. Какие же тексты использовались западноевропейским монашеством для создания иконографических программ? Во-первых, это тексты Священного Писания; во-вторых — труды отцов и учителей Церкви, среди которых особое место занимают сочинения св. Августина; и в-третьих — экзегетическая литература, современная для средневекового интерпретатора. Создавались изображения, связанные с иллюстрированием различных научных текстов (астрологических, медицинских и пр.), а подчас иконографические схемы из научных книг поздней античности использовались для создания сложных композиций в манускриптах средневековья.³ В светской жизни при создании изображений популярностью пользовались мифологические сюжеты и темы, связанные с описанием устройства мира и его обитателей. В результате возникали и развивались новые иконографические формулы. При этом если в позднеантичный период способы изображения раннехристианских тем часто заимствуются из светской жизни, например из императорской или языческой иконографии, то в средние века при разработке новых иконографических мотивов, так же как и при восстановлении старых тем, принято было обращаться к раннехристианскому опыту.⁴ Со временем подтекст изображения мог меняться, иногда изменялся и способ представления темы, ее

---

³ Grabar A. Les Voies de la creation en iconographie chretienne. Paris, 1979. P. 338.

⁴ Ibid.

место в храмовой декорации и даже концепция.⁵ Например, большой популярностью в средневековье пользовалась поэма Пруденса (Prudence) «Психомахия» (ок. 405 г.), посвященная борьбе пороков и добродетелей за власть над человеческой душой. В романский период тема располагалась сверху (архивольты порталов, капители и пр.), при этом Добродетель верхом или стоя сражается с Пороком. В XIII в. Добродетели уже сидят на троне и безраздельно царят над поверженным Пороком. Часто Добродетель как аллегория изображается сверху, а Порок как реальность размещается внизу, а это уже смена концепции. Позднее тема Психомахии смещается вниз целиком. На формирование иконографических формул большое влияние оказывала литургическая практика. Возникновение темы Иессеева Древа, например, как считает Э. Маль,⁶ связано с литургической драмой, изображающей шествие пророков, предсказавших появление Христа, среди которых особенно важная роль отводится Исае. Маль указывает, что эта литургическая драма обнаружена впервые в манускрипте конца XI в. собора Сен-Марциал (Saint-Martial) в Лиможе. Персонажи, которые представлены в сцене Иессеева Древа в знаменитом витраже Шартра, полностью соответствуют тексту этой литургической драмы. Кроме того, в руке Моисея, также фигурирующего в этой композиции (который хотя и не относится к числу пророков, но присутствует в тексте литургической драмы), находится свиток с текстом, который он произносит в Дrame Пророков: «Suscitabilis Deus vobis...».

Исследуя античные влияния на создание средневековых образов в своей работе «Ренессанс и „ренессансы“...», Эрвин Панофский⁷ отмечает одну специфическую особенность взаимосвязи образа и текста в период зрелого и позднего средневековья. Он называет ее «законом разделения», когда текст христианского содержания облекался в классические формы, в то время как герои исторических сюжетов, поэм, мифов и легенд представлялись как современные персонажи в средневековых костюмах. Другим нюансом иллюстративного представления текста в средневековье является практически дословный перевод в образы выбранных строк, даже метафоры и сравнения изображались буквально. В ряде случаев это становилось причиной множества забавных казусов, когда в результате многочисленных переписываний в текст вкрадывались ошибки. В результате появлялись образы Венер с «морскими гусями», Вулканов с обезьянами, Кибелы, путешествующей по полю, украшенному табуретками и стульями, и прочие несуразности.⁸ Иногда средневековая интерпретация античных текстов являла примеры весьма занимательных ассоциаций. В той же работе Э. Панофский описывает миниатюру из «Комментария на Марциана Капелла» Ремигия Оксерского, написанного в IX в., но проиллюстрированного в 1100 г. В этом примере при изображении Юпитера, восседающего на троне в сопровождении ворона, иллюстратор изобразил птицу в ореоле света, невольно связав это представление античного бога с образом папы Григория Великого, которого посещает голубь Св. Духа.

⁵ Reau L. Iconographie de l'art chrétien. Paris, 1956.

⁶ Male É. L'art religieux du XII siècle en France. Etude sur les origines de l'iconographie du Moyen Age / Ed. A. Colin. Paris, 1998. P. 171.

⁷ Панофский Э. Ренессанс и «ренессансы» в искусстве Запада. М., 1998.

⁸ Там же.

Следует отметить, что с течением времени иконографическое представление папы Григория I также претерпевает изменения.⁹ В известных примерах ранней средневековой Грегорианской иконографии (IX век — Corbie Sacramentary, Paris, B. N. Ms lat. 1141 fol. 3r; X век — Registrum Seti Gregorii, Fol. 1, с. 983) акцент сделан не на письме, а на устной речи, которая играла доминирующую роль. Со временем акцент смещается с устной речи на письменную, и папа становится писцом собственного текста¹⁰ (мозаика купола баптистерия базилики Сан-Марко, XIV в., Венеция) или представляет свой текст уже написанным, что связано с усилением значения письменного слова.¹¹ Когда задача интерпретации средневекового образа встает перед современным ученым, она оказывается еще сложнее. Во-первых, в самом простом случае необходимо определить, что именно изображено, например, на миниатюре, фреске, витражном панно, тимпане портала или капители, если позволит сохранность; во-вторых, провести иконографический анализ, который может дать как однозначный результат (например, изображена сцена Рождества Христова или Крещения, или Вознесения и т. п.), а может выявить в одной композиции наложение различных иконографических тем, объединенных общей идеей. Примером такого представления служит центральный портал нартекса базилики Сен-Мадлен в Везеле, где одновременно представлены различные моменты новозаветной истории: Сошествие Святого Духа на апостолов, совмещенное с Вознесением Христа.¹² Примеры хорошо разработанных иконографических программ романики, вдохновленных высокой теологической мыслью, демонстрируют также соборы Отёна, Муассака, Шарлье и др. Однако такие программы, ориентированные на воспитательную роль, далеко не всегда встречаются в средневековой скульптуре. Например, в архивольтах портала Nuaille-sur-Boutonne можно видеть сюжет Рождества Христова, разбитый на 27 элементов, причем расположенных в произвольном порядке.¹³ Изображения могут быть получены простым наложением нужных тем (книжные иллюминации), когда в пределах одной рамки объединяются различные сцены, определяющие конечный результат,¹⁴ а могут являть глубоко продуманные композиции с использованием определенных символических деталей и иконографических нюансов, каждый из которых указывает на репрезентацию конкретной иконографической темы, и все эти темы тесно связаны между собой. Такое представление может объединять священные и экзегетические тексты, демонстрируя их своеобразную интерпретацию, включая различные способы типологического сопоставления Нового и Ветхого Заветов. Поэтому особо важной задачей при интерпретации религиозных образов средневековья становится поиск тех священных и экзегетических текстов, на которые они опираются. Особо популярен в средневековом мире был метод типологического сопоставления, восходящий прежде все-

---

⁹ *Camille M.* The Gregorian definition revisited: writing and the Medieval image // L'IMAGE. P. 89—108.

¹⁰ М. Камилл указывает, что впервые Григорий Великий изображен пишущим свой текст в панели из слоновой кости (Vienna), датируемой уже поздним IX в.: Vienna Kunsthistorisches Museum (см.: *Camille M.* The Gregorian definition revisited... P. 93 (10)).

¹¹ *Ibid.* P. 91—92.

¹² *Mouilleron V. R.* Vezelay. The Great Romanesque Church. N. Y., 1999.

¹³ *Grabar A.* Les Voies... P. 367—368.

¹⁴ *Ibid.* P. 340.

го к тексту Священного Писания, а также к трудам отцов Церкви, в частности Оригена и св. Августина.¹⁵ Ярким примером применения типологического метода в монументальном искусстве может служить иконографическая программа аббата Сугерия для базилики Сен-Дени — первого памятника готической эпохи. Следует отметить, что данная программа столь сложна, что даже вопрос авторства Сугерия не всегда решается однозначно.¹⁶ С одной стороны, она демонстрирует нам типологическое сопоставление двух заветов, выраженное присутствием самостоятельных фигур или параллельных сюжетов, пространственно отделенных друг от друга.¹⁷ С другой стороны, вполне возможно, что в центральном портале ее западного фасада мы сталкиваемся с дословной реализацией определения типологии, когда иконографическая программа тимпана соединяет тексты Ветхого и Нового Заветов таким образом, что единое изобразительное поле становится носителем двух взаимосвязанных текстов,¹⁸ так, чтобы «дно» Ветхого Завета просвечивало сквозь «воды» Нового, в соответствии с высказываниями на эту тему св. Августина: «In veteri Testamento Novum latet, In Novo Vetus palet» («В Ветхом завете Новый сокрыт, в Новом — Ветхий проявлен») и самого аббата Сугерия: «Quod Moyses velat, Christ doctrina revelat» («Что Моисей скрывает, учение Христа разоблачает».¹⁹ Так же как и в центральном портале нартекса Везеле,²⁰ в центральном портале западного фасада базилики Сен-Дени совмещены различные моменты времени, но уже как новозаветной, так и ветхозаветной истории. При этом ключом к ветхозаветной иконографии тимпана и к объяснению особенностей образа Христа в полумандорле являются строки из Книги пророка Исайи (Исайя 66 : 1): «Небо — мой трон, и земля — подножие ног моих».²¹ Следует отметить, что именно этот текст Исайи цитируется в Евангелии от Матфея, на основании которого, по мнению П. Джерсон,²² интерпретируется мотив Страшного суда в этом же портале. В Евангелии от Матфея уже сам Христос наставляет своих учеников (Матфей 5 : 34—35): «Не клянись вовсе: ни небом, потому что оно престол Божий; ни землею, потому что она подножие ног Его...». Очень важно, что эти слова Творца, услышанные Исайей и озвученные Христом, подчеркивают единство Отца и Сына и акцентируют связь двух священных текстов. При этом

¹⁵ См.: *Grabar A. Les Voies...; Reau L. Iconographie...*

¹⁶ *Хрупкова Е.* Авторское право и создание иконографических программ. Анализ некоторых аспектов его использования // *Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права.* 2007. № 12. С. 32—41.

¹⁷ *Male É. L'art religieux...* P. 151—185; *Suger. Gesta Sugerii Abbatis (L'OEUVRE Administrative) OEUVRES.* Paris, 1996. Т. 1.

¹⁸ *Хрупкова Е.* Авторское право...; *Лукичева К. Л., Хрупкова Е. А.* Новый подход к интерпретации образов центрального портала западного фасада базилики Сен-Дени // *Труды ученых МГПУ.* 2008. Вып. V. С. 229—246.

¹⁹ *Suger. Gesta Sugerii Abbatis...*

²⁰ *Mouilleron V. R. Vezelay.*

²¹ Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета (канонические). (Синодальный перевод 1876 г. сверен с еврейским текстом Ветхого Завета и греческим текстом Нового Завета). Москва, 2002. (Латинский текст Священного Писания: *Vulgata // La Bible online. CD-ROM Premium 2004 (www.laBibleOnline.com; www.editionsacle.com),* Lion, 1990—2004).

²² *Gerson P. L. «Suger as Iconographer: The Central Portal of the West Facade of Saint-Denis» // Abbot Suger and Saint-Denis. A Symposium / Ed. by P. L. Gerson. The Metropolitan Museum of art New York, 1987. P. 183—198.*

представление образа Господа в виде совмещения образов Бога-Отца — Творца, сидящего на небесном троне и держащего в руках свитки небес (в соответствии с текстом пророка Исайи (Исайя 40 : 22, 45 : 12; 51 : 13, 16; 34 : 4); Христа, распятого на кресте, а также Христа-Судии, с одной стороны, делает попытку визуальной демонстрации идеи единства Божества, единения Отца и Сына, а с другой — собирает воедино все историческое время, от его Начала до Страшного суда в конце времен. При этом все представленные в тимпане моменты новозаветной истории (Распятие и Страшный суд) описаны в тексте Исайи. Это представление напоминает другие строки Священного Писания (Откровение Иоанна 21 : 6, 22 : 13), которые также связаны с текстом Исайи (Исайя 48 : 12) и к которым неоднократно обращался аббат Сугерий при строительстве базилики Сен-Дени:²³ «Я есмь Альфа и Омега...».²⁴ А это подводит уже к репрезентации темы Троицы, ставшей одной из важнейших тем для Сугерия при создании его храма. В данном случае мы имеем дело с особым проявлением типологического сопоставления, когда и в ветхозаветных, и в новозаветных текстах описывается один и тот же образ — образ Бога, и эти описания вербально совпадают. Это означает, что и ветхозаветный, и новозаветный тексты задают одну и ту же структуру визуального образа. Такое специфическое соединение двух заветов в представлении образа Бога можно назвать очередной новацией Сугерия, который вводит этот вид типологической иконографии в монументальное искусство. Следует отметить, что в более ранний период развития христианского искусства также существовали примеры подобного представления Божественного образа, но они относятся к живописи восточного христианства.²⁵ Таким примером может служить знаменитая миниатюра из Евангелия Рабулы (586 г., Библиотека Лауренциана, Флоренция, cod. Plut. I, 56, л. 13), где образ Творца из видения Иезекииля совмещен с образом Иисуса в сцене Вознесения.

Приведенные примеры не исчерпывают всех проблем, связанных с интерпретацией средневековых образов и текстов, так как религиозное изображение, так же как и священный текст, нередко подразумевает сложную систему толкования. Это может быть связано не только с применением типологического метода, но также со способом прочтения Священного Писания (согласно св. Августина²⁶ (*De Genesi*), например, в нем следовало усматривать четыре уровня

---

²³ Suger. *De administratione*, ed. Panofsky E. «Abbot Suger on the Abbey Church of St. Denis and Its Art Treasures». Princeton, 1979. P. 44—45.

²⁴ Буквально те же слова есть и у Исайи (Исайя 48 : 12). Цитата из Откровения Иоанна приводится в тексте Сугерия. Сугерий просит, чтобы «...Он, который есть Единый, начало и конец, Альфа и Омега» не оставлял его как в процессе строительства храма, так и в процессе написания его текста. (См.: Suger. *De Administratione*... P. 44—45).

²⁵ Grabar A. *Les Voies*... P. 68—69, 85.

²⁶ Святой Августин усматривал в Писании четыре смысла, он предлагает толкование «сообразно истории, аллегории, аналогии, этиологии» (*De Genesi*); впоследствии и схоластика обычно различает четыре смысла (исторический, аллегорический, тропологический и анагогический. В качестве пояснения использования этих «четырех смыслов» можно привести Иерусалим — пример, который наиболее часто использовался для этой цели. Согласно историческому толкованию Иерусалим — город в Иудее; аллегорическому — Церковь на земле; в тропологическом аспекте — душа человека; а в анагогическом — Град Небесный, символ Небесного Царства. (См.: Jantzen H. *High Gothic. The classic Cathedrals of Chartres, Reims, Amiens*, Princeton. New Jersey, 1984. P. 173).

интерпретации). Усложняют эту многомерную систему экзегетические тексты, теологические и политические идеи, которые определяют философско-исторический контекст периода создания изображения. Даже в тех редких ситуациях, когда история предоставляет нам дополнительные свидетельства, в виде собственных текстов разработчика программы,²⁷ задача интерпретации не становится проще напротив, появляется еще один анализируемый объект, который необходимо встроить в общую систему. Таким образом, проблема интерпретации средневекового изображения является многомерной задачей, решение которой требует комплексного подхода и тщательного анализа всех обстоятельств в каждом конкретном случае.

---

²⁷ См.: Suger. *Gesta Sugerii Abbatis...*; Suger. *De administratione...*

VI. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Е. А. ИВАНОВА

К 300-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Л. ЭЙЛЕРА

В 2007 г. научная общественность всего мира отметила 300-летие со дня рождения одного из выдающихся ученых мира Леонарда Эйлера (1707—1783), оставившего заметный след в самых разных областях знания: в математической физике и теории музыки, в метрологии и теории кораблестроения, в картографии и оптике, в механике и астрономии и др. Основные торжества проходили в странах, с которыми была связана жизнь и научная деятельность ученого, — в Швейцарии, России и Германии.

В России юбилейные торжества начались в нашем городе, где 14—17 мая 2007 г. прошла Международная научная конференция «Л. Эйлер и современная наука», которая проводилась в соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации о праздновании 300-летия со дня рождения Леонарда Эйлера в Санкт-Петербурге от 16 сентября 2006 г. Учредителями конференции являлись Санкт-Петербургский научный центр РАН, Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники РАН, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, Санкт-Петербургское математическое общество, Музей М. В. Ломоносова (отдел Музея антропологии и этнографии РАН), Библиотека РАН и ведущие университеты Санкт-Петербурга при содействии Комитета по науке и высшей школе правительства города.

14 мая 2007 г. в Санкт-Петербургском научном центре состоялось Открытое торжественное заседание Президиума СПбНЦ, на котором присутствовали представители Правительства Санкт-Петербурга, Генеральный консул Швейцарии г-н Урс Штраузак, представители общественных организаций: Российско-швейцарской ассоциации, Института Гёте, Российского Национального Комитета по истории и философии науки и техники, Международного центра научного и культурного сотрудничества «Helenika», Совета ректоров Санкт-Петербурга, Профессорского собрания Санкт-Петербурга, Швейцарского центра в Петербурге, Санкт-Петербургского математического общества, Ассоциации преподавателей вузов Северо-Запада, Ломоносовского фонда, Фонда Эйлера и др.

В конференции приняли участие исследователи из России, Швейцарии, Германии, Франции, Украины, Белоруссии, США, Люксембурга, Сербии, Израиля, Польши. Общее число участников — около 400 человек.

Состоялись два пленарных заседания. На первом из них с докладами выступили: проф. Г. К. Михайлов (Российский национальный комитет по теоретической и прикладной механике, Москва) — «Леонард Эйлер (к 300-летию со дня рождения)», академик Наточин Ю. В. (Институт эволюционной физиологии и биохимии им. И. М. Сеченова РАН, Санкт-Петербург) — «Леонард Эйлер — адъюнкт по физиологии Академии художеств и наук», член-корр. РАН Окрепилов В. В. (заместитель председателя СПбНЦ РАН) — «Леонард Эйлер и его вклад в метрологию», академик Морозов Н. Ф. (зав. кафедрой теории упругости СПбГУ) и проф. Товстик П. Н. (зав. кафедрой теоретической и прикладной механики СПбГУ) — «Леонард Эйлер и современная механика», проф. Холшевников К. В. (зав. кафедрой небесной механики СПбГУ) — «Леонард Эйлер как астроном», доктор Мументалер Р. (зав. Отделом специальных коллекций библиотеки Швейцарского технического университета в Цюрихе, Швейцария) — «Швейцарские ученые в Санкт-Петербургской Академии наук».

На втором пленарном заседании были представлены следующие доклады: Г. К. Михайлов (Москва) — «Леонард Эйлер и становление рациональной механики»; М. Маттмюллер (Базель, Швейцария) — «Первый современный математик: вклад Эйлера в развитие научного стиля»; Н. Ф. Вавилов (Санкт-Петербург) — «Соединить идеи с вычислениями (от Л. Эйлера до компьютерной алгебры)»; Е. Кац (Израиль) — «Леонард Эйлер и современные представления о молекулярной структуре фуллеренов и фуллереноподобных наноструктур».

В рамках конференции состоялись также заседания 8 секций, посвященных различным аспектам деятельности Л. Эйлера.

В ходе подготовки конференции кандидат искусствоведения Н. А. Алмазова сделала перевод с латинского языка на русский труда Л. Эйлера «Опыт новой теории музыки, ясно изложенный в соответствии с непреложными принципами гармонии», опубликованного в Петербурге в 1739 г. Проект перевода теоретико-музыкального труда Л. Эйлера был поддержан Швейцарским центром в Петербурге (Международным центром научного и культурного сотрудничества «Helenika»), взявшим на себя и основные расходы по его изданию. В процессе перевода осуществлялись консультации со специалистами различного профиля — филологами, музыковедами, историками, физиками, математиками. Это — первый полный перевод труда Л. Эйлера на русский язык. До этого в переводе Р. А. Насонова в журнале «Музыкальная академия», в № 1 за 1995 г. были опубликованы (с купюрами) лишь предисловие и главы II и III (с. 140—147). Есть перевод 1839 г. на французский язык и перевод 1960 г. на английский язык, осуществленный Ч. Смитом в Индианском университете (США) для присуждения степени доктора философии.

СОДЕРЖАНИЕ

I. АКАДЕМИЧЕСКИЕ НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

- Л. Г. Герценберг, Н. Н. Казанский.* Петербургская школа сравнительно-исторического индоевропейского языкознания 3

II. ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ ГУМАНИТАРИЕВ

- Б. М. Фирсов.* Пути развития и поддержки высших форм образования в XXI веке 14
Ю. А. Петросян. Сложное соседство. (Османская империя и Россия в XIX веке) 21

III. ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

- Э. А. Тропп.* Ломоносов-физик 35
Г. И. Смагина. Петербургская академия наук в культурно-образовательном пространстве России XVIII века 51
Е. А. Иванова. Изменения в формах организации ленинградских учреждений АН СССР (1934—1979 гг.) 73
И. В. Лазар. Кризис вооружения и производство взрывчатых веществ в начале Первой мировой войны 82
Т. И. Юсупова. Установление научного сотрудничества между Российской Академией наук и ученым комитетом Монголии (1920-е гг.) 103

IV. АКАДЕМИЯ НАУК В КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ РОССИИ

- М. Н. Щербакова.* Музыкально-издательская деятельность Санкт-Петербургских типографий Академии наук 116

V. ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

- Е. А. Хрипкина.* Вопросы интерпретации и роли изображения в культуре западноевропейского средневековья 138

VI. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Е. А. Иванова.* К 300-летию со дня рождения Л. Эйлера 145

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

2 Зак. № 1036

3 Зак. № 1036

4 Зак. № 1036

5 Зак. № 1036

6 Зак. № 1036

7 Зак. № 1036

8 Зак. № 1036

9 Зак. № 1036

10 Зак. № 1036